

A stylized illustration in a limited color palette of red, black, white, and yellow. It depicts a Greek warrior in profile, facing right. He wears a helmet with a large white plume and a decorative brow band. His tunic is white with red stripes, and he has a patterned cape with a circular brooch. He holds a long red reins or whip. Behind him is a black horse with a yellow halter. The background is a solid red color.

Л.ВОРОНКОВА

СЫН ЗЕВСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ОЛБИЯ

ПАНТИОН

ИСТРИЯ

Цетр

КАМАТИЯ

Б/КОГО 335

ЗАСС

ФРАКИЯ

ВИЗАНТИЙ

ПЕРИНО

ГЕРАКЛА

ТРОЯ

САРАИ

ФЕС

МИЛЕТ

ГАЛИКАРНАС

МАКЕДОНИЯ

359-335 г.

до н.э.

МОРЕ

Когда заглядываешь в глубокую историю, то видишь события огромные, потрясающие и необычайные — расцвет городов и стран, их падение, уничтожение, возникновение новых государств. И много войн. Нет в истории человечества времени, когда бы не бушевала война. То воюют, защищая свою родину, то идут захватывать чужие земли, города, богатства...

Роман «Сын Зевса» — это книга о жизни полководца и завоевателя Александра Македонского, который с огнем и мечом прошел по многим странам, проложив свой военный путь от Македонии до глубинных индийских царств. Жизнь Александра полна деяний и славных, и страшных. Рушились города на его пути и возникали новые, носящие его имя. Гибли народы, сопротивляющиеся его воле. Но вместе с его войском проникала в страны Азии высокая греческая культура. Жизнь, полная противоречий, но с одной железной устремленностью — узнать весь мир, завоевать его и стать единым властителем. А это, по тогдашним представлениям, было под силу только божеству. Поэтому Александр и провозгласил себя сыном Зевса, сыном бога.

Военный поход Александра, царя македонского, представляет собой одну из интересных страниц древней истории, что и заставило меня написать эту книгу.

Автор

Рисунки

И. Ильинского

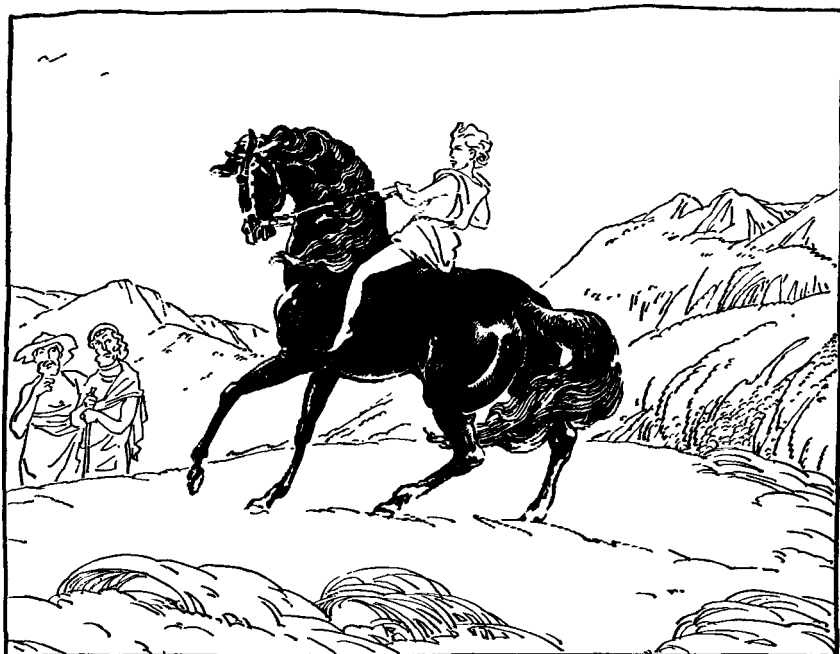

РОМАН

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1971

ОТКУДА НАЧАЛСЯ РОД МАКЕДОНСКИХ ЦАРЕЙ

Когда-то, в глубокой древности, из Аргоса, срединного государства Эллады¹, ушли в Иллирию три брата. Блуждая по лесистой горной стране, они из Иллирии перебрались в Македонию. Здесь братья нашли пристанище: нанялись пастухами к царю. Старший брат пас табуны царских лошадей. Средний — стада коров и быков. А младший гонял в горы на пастбище мелкий скот — коз и овец.

Пастбища в горах и долинах были привольные.

Но надо было уходить далеко от дома. Поэтому жена царя давала пастухам на весь день хлеба, всем поровну. Царица сама пекла хлеб, и каждый ломоть был у нее на счету.

¹ Э л л а д а — Древняя Греция.

Казалось, все идет хорошо и спокойно. Однако царица почему-то стала задумываться. И однажды она сказала царю.

— Не в первый раз я это замечаю,— сказала она,— хлеба я пастухам даю поровну. Но каждый раз у младшего хлеба оказывается вдвое больше, чем у братьев. Что бы это значило?

Царь удивился и встревожился.

— Это чудо,— сказал он.— Как бы не обернулось оно для нас бедой.

И тут же послал за пастухами. Пастухи пришли, все трое.

— Собирайтесь и уходите,— приказал царь,— и навсегда покиньте мою страну.

Братья переглянулись: за что же их гонят?

— Хорошо,— ответил старший брат,— Мы уйдем. Но уйдем после того, как получим плату, которую заработали.

— Вот ваша плата, берите! — насмешливо крикнул царь и указал на светлый солнечный круг, лежавший на полу.

Солнце в это время стояло высоко, и лучи его проливались в дом сквозь круглое отверстие в крыше, куда уходил дым от очага.

Старшие братья стояли молча, не зная, что и сказать на это.

Но младший ответил царю:

— Мы принимаем, царь, твою плату! — Он вынул из-за пояса длинный нож и острием очертил солнечный круг, лежавший на полу, будто вырезал его. Потом пригоршней зачерпнул, словно воду, солнечный свет и вылил себе на грудь. Так он делал три раза — черпал солнце и выливал на грудь.

Сделав это, он повернулся и вышел из дома. Братья молча последовали за ним.

Царь остался в недоумении.

Встревожась еще больше, он созвал своих родственников и приближенных и рассказал о том, что произошло.

— Что же это все значит?

Тогда кто-то из приближенных объяснил царю:

— Младший понял, что ты дал им, потому и принял так охотно. Ведь ты же отдал им солнце Македонии, а вместе с солнцем — и Македонию!

Царь, услышав это, вскочил.

— На коней! Догоните их! — закричал он в ярости.— Догоните и убейте!

Братья из Аргоса тем временем подошли к большой глубокой реке. Услышав погоню, они бросились в реку и переплыли ее. И, едва успев выйти на другой берег, они увидели всадников,

которые гнались за ними. Всадники скакали, не щадя коней. Сейчас они будут у реки, переплывут ее, и бедным пастухам уже не спастись!

Старшие братья задрожали. А младший был спокоен. Он стоял на берегу и пристально глядел на тихую, медленно идущую воду.

Но вот погоня уже у реки. Всадники кричат что-то, грозят братьям и гонят коней в реку. Но река вдруг забурлила, вздулась, подняла грозные волны. Лошади уперлись и не пошли в бурлящую воду. Погоня так и осталась на том берегу.

А три брата зашагали дальше по македонским долинам. Поднимались на горы, спускались через перевалы. И наконец, оказались в прекрасном саду, где цвели необычайные розы: на каждом цветке было по шестьдесят лепестков и аромат их разносился далеко по окрестностям.

Рядом с этим садом возвышалась суровая холодная гора Бермий. Братья из Аргоса завладели этой неприступной горой, поселились на ней, построили крепость. Отсюда они начали делать военные набеги на македонские села, захватывали их. Из этих сел набирали себе отряды воинов; войско их росло. Они начали завоевывать ближайшие македонские долины. Потом покорили всю Македонию. От них-то и пошел род македонских царей.

Есть и еще одна легенда о происхождении царского рода.

Когда-то эллинским государством Аргосом правил царь Фейдон. У него был брат Каран. Карану тоже хотелось стать царем, и он решил завоевать себе царство.

Но прежде чем выступить с войском, Каран отправился в Дельфы — святилище бога Аполлона — попросить совета у бога жезла. Оракул велел Карану идти на север. И там, встретив стадо коз, следовать за ним. Каран собрал войско и отправился на север. Указанные оракулом пути привели его в Македонию.

В одной из долин Каран увидел стадо коз. Козы спокойно паслись на зеленых склонах, и Каран остановил войско. Надо следовать за козами, но куда? На пастбище?

Вдруг хлынул дождь. Козы бросились бежать, Каран поспешил за ними. И так, следуя за козами, которые спасались от ливня, пришельцы из Аргоса вступили в город Эдесс. Жители из-за дождя и тумана, плотно накрывшего жилища, не видели, как чужеземцы вошли в их город и захватили его.

В память о козах, приведших Карана, он дал городу новое название — Эги, что значит «коза». Каран захватил царство, а го-

род Эги стал столицей македонских царей. Этот город стоял там, где плоскогорье спускается в цветущую Эмафийскую равнину и сверкают шумными водопадами бурные реки, бегущие с гор.

Легенды жили с давних времен, передавались из уст в уста, утверждались, становились достоверностью. На знамени македонского войска было изображение козла. А македонские цари нередко украшали свой шлем козьими рогами.

А главное, что хранилось и настойчиво утверждалось в этих легендах, было то, что македонские цари пришли из Аргоса, из Эллады, что они эллины, эллины, а не варвары: варварами в глазах эллинов были все народы мира, кроме них, родившихся в Элладе.

— Мы из Аргоса. Мы из рода Геракла. Мы — эллины!

Однако Эллада стояла перед Македонией, перед этой маленькой, никому не известной страной, как величая, несокрушимая крепость. Она была сильна сухопутным войском, в гаванях ее стояли многочисленные длинные корабли — военный флот. А круглые — купеческие — бесстрашно уходили в сверкающие просторы Среднего моря...

Македонские цари деятельно укрепляли свое государство, свои города. То и дело воевали с соседними племенами, захватывая по клочку их земли.

Но с Элладой они старались поддержать союз и дружбу. Трогать ее было опасно. Эллины захватили все побережье, отрезав Македонии пути к морю, а значит, и к торговле. Эллинские колонии подступали к самому краю македонской земли... И все-таки — союз и дружба!

Пока!

Пока Македония слаба. Пока еще нет сил встать перед Элладой с оружием в руках. Пока Македония разрозненна и нет у нее сильного войска...

Так прошло двести лет, до того дня, когда к власти пришел младший сын царя Аминты — Филипп Македонский, который много бед принес эллинским городам.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ ФИЛИППА

Филипп, царь македонский, только что завоевал Потидею, колонию коринфян, которая поселилась на принадлежавшей Македонии Халкидике.

В панцирях и шлемах, сверкавших под солнцем, с мечами и

копьями возвращалось с поля боя македонское войско. Сильные кони, откормленные на богатых лугах Македонии и Фессалии, еще потные после битвы, ступали мерно и твердо, словно не чувствуя тяжести всадников, одетых в железо.

Войско раскинулось по всему полуострову. В разграбленном городе еще дымились пожары.

Филипп, веселый, усталый, весь в грязи и в крови битвы, сошел с коня.

— Празднуем победу! — тотчас закричал он, бросая поводья конюху. — Готовьте пир!

Но слуги и рабы и без его приказа знали, что делать. В большом прохладном царском шатре уже все было готово для пира. На столах светились золотые чаши; чеканные, тонкой работы кратеры были полны виноградного вина, из-под крышек огромных блюд сочился запах жареного мяса, приправленного сильфием — душистой пряной травой...

Сбросив доспехи, Филипп облегченно вздохнул. Он взял Потидею. Теперь этот город, всегда враждебный, не будет стоять на пути торговли Македонии с Афинами. Правда, Потидея была членом афинского союза и вряд ли действия Филиппа понравятся Афинам.

Но Пангейская область, которую он захватил вместе с Потидеей, гора Пангея, набитая золотом, стоит того, чтобы выдерживать неприятный разговор с афинскими демократами, которые ныне у власти.

Неприятный разговор... А для чего дано Филиппу красноречие, обаяние, умение льстить и покорять сердца?! Он скажет Афинам все, что они захотят услышать, он скажет все, что им будет приятно слышать, — он их друг, верный союзник, он им предан до конца жизни!.. Ему ведь не жалко слов!

А поэтому полней наливайте чаши, отпразднуем победу!

Весело за столом у царя — шум, говор, смех... В огромном царском шатре собрались его друзья: полководцы, военачальники, его этеры — телохранители, знатные македоняне, которые всегда плечом к плечу сражаются рядом с ним в кровавой сече.

Ближе всех к Филиппу сидит его полководец Птолемей, сын Лага, красивый человек с орлиным профилем — нос с легкой горбинкой, выпуклый подбородок, хищное и властное лицо.

Здесь и полководец Фердикка, неудержимый в бою, самозабвенный на пиру, один из ближайших советников царя. Ря-

дом с ним Мелеагр, военачальник фаланги,— плечистый, неуклюжий за столом, но ловкий на поле битвы.

Здесь и полководец Аттал, один из самых знатных людей Македонии. Уже сильно захмелевший, с черными, как маслины, глазами, он лез ко всем с развязным разговором и то и дело напоминал о том, что вот они сидят и пируют, а полководец Парменион воюет сейчас в Иллирии. А ведь Парменион — его тесть! И он, его тесть, полководец Парменион, сейчас воюет, а они сидят здесь!

И где-то вдали, среди остальных, менее знатных этеров царя, сидел, не притрагиваясь к чаше, суровый Антипатр из рода Иоллы, самый близкий царю человек, властный и опытный полководец, не раз доказавший Филиппу свою непоколебимую верность и преданность. Один из первых в бою, он был последним на пиру — Антипатр не любил пьяного и грубого веселья.

Филипп нередко повторял, смеясь:

— Я могу пить сколько захочу — Антипа не напьется,— так он ласково называл Антипатра.— Я могу спать крепко — Антипа не заснет!

И не раз видели, как Филипп украдкой бросал под стул игральные кости, когда появлялся Антипатр.

Царь сидел во главе стола — высокий, красивый, с большой чашей в руках, в которой светилось вино, лукавое, коварное, как сверкающий глаз бога Диониса, вырастившего лозу.

В самый разгар пира, речей и веселых возгласов в шатер вошел вестник. Он был измучен долгой скачкой, почернел от пыли. Но зубы его сверкали в улыбке.

— Победа, царь! Победа! — закричал он, подняв руку.

Все сразу умолкли.

— Откуда ты? — спросил Филипп.

— Из Олимпии, царь!

— Что?! — Филипп вскочил, чуть не опрокинув стол.— Говори!

Но у вестника уже не было голоса.

— Победа! — прохрипел он, все так же счастливо улыбаясь.— Твои лошади победили в состязаниях.

— Мои лошади! В Олимпии!

Филипп, не сдерживаясь, кричал и смеялся от радости, грохая по столу кулаком.

Мои лошади победили! Ага! Лошади царя-македонянина победили в Олимпии у эллинов! — Он протянул вестнику тяже-

лую драгоценную чашу: — Пей. И чашу возьми себе. Вот как! Слышали? — ликующий, с блестящими глазами, повторял он, обращаясь к своим гостям. — Вы слышали? У эллинов в Олимпии победили лошади царя-македонянина, варвара!..

Последнее слово он произнес с горечью, в которой слышалась и угроза. Филипп вдруг задумался, помрачнел. Победные крики, поднявшиеся было в шатре, утихли.

— Вы помните, как они это сказали когда-то, в те давние времена, моему прадеду македонскому царю Александру? — Лицо Филиппа стало тяжелым, и глаза налились гневом. — Может, вы не помните, может, не знаете? Александр тогда явился в Олимпию, хотел, как и всякий эллин — а мы эллины из Аргоса, потомки Геракла, как вам известно! — так вот, он хотел вступить в состязание. И какой шум тогда подняли там! «Удалить македонянина из Олимпии! Удалить варвара! Варвары не имеют права участвовать в эллинских празднествах!» Но царь Александр не сдался. Он сумел им доказать, что мы, македоняне, ведем свой род от царей Аргоса, от самого Геракла. И тогда сам великий Пиндар прославил его олимпийские победы. А нынче вот, — Филипп засмеялся, — нынче и мы не только участвуем, но и побеждаем. Я велю в память этой победы выбить на моих монетах коней и колесницу — пусть не забывают, что мы умеем побеждать!

Снова в шатре забушевало веселье. Но ненадолго. Филипп, расстроенный воспоминаниями, задумался.

— Сколько потрудились македонские цари для того, чтобы укрепить и прославить Македонию! Мой отец Аминта всю жизнь вел тяжкие войны с иллирийцами, с олинфянами, отстаивая нашу независимость. А мой старший брат, царь Александр? Он, правда, действовал больше уговорами, золотом. От иллирийцев он откупился. Он готов был на все, лишь бы враги дали возможность нашей стране собраться с силами. Потому и меня тогда отдал им в заложники.

Может быть, вы скажете, что старший брат мой, царь Александр, меня не любил и не жалел? «Да, — скажете вы, — он тебя не жалел. Он отдавал тебя, совсем маленького ребенка, самого младшего своего брата, в заложники». Да, отдавал. Но ведь он это делал, чтобы защитить Македонию от врагов, которые были сильнее его. Мой старший брат был мудрым правителем. Кто перенес столицу Македонии из Эг в Пеллу? Царь Александр. Потому, что здесь безопаснее. А в Эгах мы будем хоронить своих царей. Мой старший брат Александр уже покоится там. И меня

отвезут в Эги, когда умру. И моих сыновей, которые после меня будут царями. Вы же знаете предсказание: пока македонских царей хоронят в Эгах, род их не окончится.

— Царь,— окликнул его один из военачальников,— зачем на пиру говорить о смерти?

— Нет, нет! — Филипп отбросил со лба густые светлые кудри.— Я говорю о моем старшем брате, царе Александре. Ведь когда он начал царствовать, враги со всех сторон грозили ему. Иллирия ему грозила страшно. А у него не было сил защищаться. Что же ему было делать? Заключить договор о дружбе, откупиться. Вот тогда он меня и отдал в заложники иллирийцам. Но он же выплатил выкуп и вернул меня домой. А ваши отцы, богатые властители Верхней Македонии, не хотели помочь ему!

Невнятный шум, невнятные протестующие речи послышались в ответ. Филипп их не понял и не расслышал.

— Вы скажете, что мой старший брат, царь Александр, вторично отдал меня в заложники? Да, отдал фивянам. А что же ему было делать? Ведь ему необходимо было установить, укрепить дружбу с Фивами, потому что вождь фиванский Эпаминонд, славнейший, непобедимый полководец, был нужен ему другом, а не врагом. Целых три года я жил в Фивах, в доме великого человека Эпаминонда. Там я стал настоящим эллином, там я понял, что такое Эллада, как высока ее культура, как велики ее поэты, философы, ваятели... Меня воспитали там, мне дали образование. И самое главное — меня научили воевать. Выпьем за великого полководца и философа, за сурового и благородного человека Эпаминонда!

Снова засверкало в чашах вино, снова зашумели голоса, и угаснувшее было веселье снова оживило пир. И никто не слышал, как застучали копыта коня перед шатром. И не сразу увидели, как новый гонец появился в шатре.

— Добрая весть тебе, царь!

— Откуда ты? — спросил Филипп.— Какую весть ты привез мне?

Гонец еле переводил дух:

— Я из Иллирии...

Филипп сразу отрезвел.

— Что там? Как мой Парменион?..

— Полководец Парменион жив и здоровствует. И поздравляет тебя с победой.

— С победой? Разбил иллирийцев?

— Иллирийцы покинули поле боя. Была большая битва.

Много войска легло. Но мы разбили врага. Парменион кланяется тебе.

— Друг мой Парменион!.. Спасибо тебе. Слышите? Иллирийцы разбиты. Столько побед сразу: Потидея взята, кони мои победили в Олимпии. И теперь — иллирийцы разбиты!.. Дайте гонцу вина, наградите его! Отпразднуем и эту победу!

Но на этом необычайные известия еще не окончились. Примчался третий гонец, и тоже усталый, и тоже радостный.

— Я из Пеллы, царь! Из твоего дома. Царица Олимпиада велела сообщить, что у тебя родился сын.

— Сын! — закричал Филипп и со звоном обрушил на стол чашу. — Вы слышите? Сын! У меня — сын! — В глазах Филиппа блеснули счастливые слезы. — Вы слышите, македоняне? — Филипп встал и обвел взглядом своих приближенных. — Родился ваш будущий царь... Что еще велено передать мне?

— Еще велено передать, что сегодня на крыше твоего дома весь день сидели два орла.

— Два орла. Это хорошее предзнаменование. Я назову сына именем моего старшего брата — Александром. Родился будущий царь македонский — Александр. На коней! В Пеллу!

Копыта тяжелых лошадей загрели по каменистым горным дорогам. Всадники, уже без шлемов и панцирей, мчались в Пеллу, новую столицу — крепость македонских царей, стоявшую на реке Лудии, на широкой равнине, окруженной горами.

В Пелле предсказатели объявили Филиппу:

— Сын твой, рождение которого совпало с тремя победами, будет непобедим.

Все это случилось летом, в шестой день месяца гекатомбеона¹ по-эллински, а по-македонски — лоя, триста пятьдесят шестого года до нашей эры.

ФИЛИПП И ОЛИМПИАДА

Ребенка вынесла на руках кормилица, женщина из знатной македонской семьи, Ланика.

Филипп, еще не умывшийся с дороги, пропахший железом брони и конским потом, приподнял легкое, расшитое золотом покрывало. Младенец, крепкий и весь розовый, спал, но, когда свет упал ему на лицо, открыл глаза.

¹ Г е к а т о м б е о н — конец июня — июль.

Филипп широко улыбнулся, в груди стало тепло от нежности. Светлоглазый мальчик глядел на него, его сын, его Александр, такой же светлоглазый, как отец — эллин из Аргоса! И насколько не похожий на родню его матери, мрачных людей суровой страны Эпира.

Олимпиада, жена Филиппа, ждала мужа в дальних покоях гинекея. Еще больная, она лежала в постели на высоко взбитых подушках. Она сделала все, чтобы казаться красивой, — на-румянилась, насурьмила брови, мелкими локонами завила волосы. Положив сверх одеяла руки, отягченные золотыми браслетами, она лежала неподвижно, прислушиваясь к голосам, к шагам, к движению в доме.

За стеной приглушенно постукивали ткацкие станки, шелестели негромкие разговоры — это рабыни болтают за работой, знают, что Олимпиада не войдет к ним сейчас...

Со двора гинекея доносился детский смех. Это ее маленькая дочь Клеопатра играет с подругами — качаются на качелях или плещутся в теплой, согретой солнцем воде бассейна. Там же с ними и еще одна царская дочь, дочь Филиппа и флейтистки-иллирийки, одной из этих презренных женщин, которые приходят на пиры развлекать гостей. Кинана дика, угрюма, глаза — как горящие угли из-под черных бровей. Но воля Филиппа непреклонна. Кинана его дочь и должна воспитываться вместе с детьми Олимпиады. Олимпиада может только одно — не знать ее, не видеть, не замечать...

Веселые крики и смех детей, шум в ткацкой — все это раздражало. Ланика вышла с ребенком навстречу к Филиппу — Олимпиаде надо было услышать, как встретит ее Филипп.

Наконец ее чуткое ухо уловило знакомый, чуть охрипший голос царя. В черных глазах Олимпиады загорелись огни, будто факелы празднества. Она любила Филиппа с первой же их встречи, любила и тогда, когда он был нежен к ней, и теперь, когда в непонятном охлаждении он отстранился от нее. Или в походе. Или пирует со своими полководцами и этерами. Или принимает гостей: каких-нибудь эллинских ученых, актеров, поэтов... Филипп всегда занят, у него множество дел, и на все у него находится время. Только нет времени заглянуть к ней, в ее нарядный и такой печальный гинекей.

И все-таки Олимпиада ждала его. Может быть, нынче, когда родился сын, ледяное сердце Филиппа согреется и растает?

Но минуты протекали, а в гинекее по-прежнему стояла на-

пряженная тишина. Не придет даже теперь навестить ее? Не придет и сегодня?

Нет. Этого не может быть. Этого не может быть. Только не надо терять терпение...

Как могло случиться, что она, прекрасная, гордая Олимпиада, лежит здесь одна, больная, беспомощная, а Филипп будто и забыл, что она есть на свете?..

«...Гиэс-аттес! Аттес-гиэс!»¹

Иступленные женские голоса, самозабвенно славящие богов среди черной хмельной ночи. Олимпиада ясно слышит их сейчас. Память неотвратимо уносит ее в прошлое, в дни ее юности.

Она была тогда совсем девочкой, когда встретила Филиппа на празднествах в честь богов плодородия Кабиров.

Эллины смеялись над этими сумрачными пузатыми Кабирами. Но фракийцы чтили их. Олимпиада, юная племянница эпирского царя Аррибы, страстно любила колдовские ночи таинственных мистерий. На острове Самофракии, где справлялись эти варварские торжества, она вместе с фракийскими девушками и женщинами, неистово размахивая факелом, бегала по горам и долинам. Под дикий вой тимпанов, под звон кимвалов и жесткий шум трещоток она выкрикивала славу богам, славу Сабазию — богу, передавшему им таинства Диониса.

— Гиэс-аттес! Аттес-гиэс!

Во время торжественных шествий она носила священную корзину и тирс — жезл, украшенный плющом. Под листьями плюща — Олимпиаде показалось, что она и сейчас чувствует его горький, терпкий запах, — в ее корзине таились ручные змеи — горланы. Часто они выползали из корзины и обвивали тирс. И тогда Олимпиада в диком восторге пугала ими мужчин, которые приходили смотреть на священные шествия женщин.

В одну из таких черных жарких ночей религиозного иступления она встретила Филиппа, который тоже явился на празднества Кабиров. Красный свет факела внезапно озарил его юное светлоглазое лицо под густой зеленью праздничного венка.

Олимпиада бросилась было к нему со своей страшной змеей.

— Гиэс-аттес!

Но Филипп не заслонился, не убежал. Он улыбнулся, и Олимпиада, сразу смутившись, беспомощно опустила тирс...

¹ «Гиэс-аттес! Аттес-гиэс!» — «Слава тебе, владыка! Слава тебе!»

Счастливое видение счастливых лет!

Олимпиада лежала в своем одиноком покое и ждала. Ждала, прислушиваясь, не загремят ли по звонким каменным плитам портика шаги ее веселого и грозного мужа.

В купальне зашумела вода. Это слуги готовят ванну царю.

Значит, он придет, когда смоет с себя походную пыль и грязь. Терпение. Терпение.

...Филипп тогда тоже не смог отказаться от нее. Не смог. Покаялся, что возьмет ее к себе в Македонию.

А пока, после окончания празднеств, ей надо было вернуться домой. Нагромождение суровых серых скал сумрачного Эпира, глубокие узкие долины, в которых рано угасает день, потому что горы заслоняют солнце. На вершинах почти всегда снег. В горах часто грохочет гром и блещут синие молнии. Бешеные ледяные ветры завывают в диких горных ущельях... Эпир, ее печальная родина...

Как тосковала юная Олимпиада, вернувшись из Самофракии! Будто проснулась после счастливой ночи, полной прекрасных сновидений.

Ни отца, ни матери не было у нее. Кому рассказать о своем счастье? С кем разделить свою тоску? Ее дяде и опекуну Аррибе важно только одно — выгодно выдать ее замуж.

Олимпиада подолгу сидела на склоне горы, откуда видна была большая дорога, идущая от Эгейского моря через их страну к Адриатике. Идущая оттуда, где лежит волшебная земля — Македония.

Шли путники, ведя на поводу навьюченных лошадей. Шли богомольцы к оракулу Зевса Додонского принести жертву и попросить совета. Олимпиада была там, видела это святилище, окруженное столетними дубами. Додонская долина так мрачна, а жрецы так суровы... Что радостного может предсказать этот оракул?

Прошло не слишком много времени. А Олимпиаде казалось, что прошло полжизни. Но вот наконец к царскому дому в Эпире приехали послы из Македонии просить ее в жены македонскому царю.

Арриба отказал. Филипп еще слишком молод, еще только-только вступил на царство. Пусть повзрослеет, оглядится в жизни. А Олимпиаде объявил, что не только молод, но и беден, а его Македония — маленькая слабая страна и Арриба не видит никакого расчета отдавать туда племянницу.

Олимпиада чуть не умерла от горя. И умерла бы, не смогла бы вынести этого.

Но Филипп был не из тех, кто спокойно принимает отказ. Как он добился согласия Аррибы? Олимпиада тогда не знала — как. Теперь-то она знает. Кто в силах противиться, если Филипп захочет очаровать человека? Чего он не пообещает? Он может обещать все. И даже то, что не в его возможностях выполнить. И даже то, что и не собирается выполнять.

Как весело, как красиво праздновали их свадьбу!

Выше кровлю поднимите —

О, Гименей!¹

Выше, выше, плотники,—

О, Гименей!

Как Арес, жених идет,—

О, Гименей!

Выше он всех самых рослых —

О, Гименей!

Она, под густым покрывалом, сидела в роскошной колеснице рядом с Филиппом, почти не дыша от счастья. Целое шествие сопровождало их, когда Филипп вез ее из Эпира в свою Пеллу. Олимпиада и сейчас слышит веселые, звенящие голоса флейт и свадебной песни...

Все внезапно умолкло — в покои вошла кормилица с ребенком на руках. Олимпиада подняла ресницы, праздничные огни в ее глазах погасли. Она поняла — Филипп не придет.

Филипп старательно мылся в купальне, в ванне из обожженной глины. Горячая вода смывала все — и пот, и усталость, и кровь погибших под его мечом врагов, и его собственную кровь... Вода бурно плескалась из ванны на каменный пол и сбегала ручейком по желобу в подземную трубу, куда уходила вода со всех дворов обширного царского дома.

Чистая одежда обняла тело свежестью и прохладой. Филипп вышел из купальни. Усталости как не бывало. Переступив порог, он с наслаждением вдохнул текущий с гор запах леса, запах цветущей липы и разогретой солнцем смолистой сосны.

Справа, за колоннами портика, наполненного прямыми лучами солнца, виднелся продомос, вход в самый дальний, уединенный покой дворца — гинекей, комнаты его жены, дочерей и

¹ Г и м е н е й — бог брака, семьи.

служанок. Там сейчас его светлоглазый сын. Захотелось еще раз взглянуть на него, потрогать его, увидеть его улыбку...

Надо пойти. К тому же и Олимпиада давно ждет его, он это знает. Да, он сейчас пойдет к ней, ведь она его жена, мать его сына.

Филипп решительно направился в гинекей. Но вошел в продомос, и шаг его замедлился, застыл.

Это не приснилось ему, нет, это видели его глаза, его собственные глаза. Он зашел как-то утром к своей жене, открыл дверь. Олимпиада спала. А рядом с ней, на ее широкой постели, лежала большая змея!

Филипп тогда тихо затворил покои и ушел. С тех пор он никак не мог подавить в себе отвращения к жене. Он был убежден, что жена его — колдунья.

Вот и сейчас он остановился, борясь с этим отвратительным воспоминанием.

— Нет,— наконец прошептал он,— клянусь Зевсом, я не могу ее видеть!

Он повернулся и крупным твердым шагом ушел на свою мужскую половину — в мегарон.

Здесь, в большом зале, уже дымился очаг, поднимая копоть к самому потолку. Пахло жареной бараниной, что-то подгорало. Слуги торопливо готовили обед. Филипп одобрительно окинул сверкнувшим взглядом накрытые столы, горы зелени и фруктов, чеканные чаши и кратеры, полные вина... Его друзья, этеры и полководцы, скоро соберутся сюда — Филипп не любил сидеть за столом в одиночестве. Он будет пировать и веселиться весь день и всю ночь. Столько дней и столько ночей, сколько захочет его душа.

А пока что его одолевали думы и заботы. Филипп вышел на широкий, мощенный каменными плитами двор, окруженный службами, жилищами рабов, амбарами и кладовыми. Слуги пробегали с какими-то припасами из кладовых во дворец. Посреди двора, растянувшись на солнце, спали собаки...

Дворец стоял на самом высоком месте города. Отсюда видна была вся Пелла — узкие улицы, четко очерченные синевой тени, черепичные и камышовые крыши, залитые желтым светом горячего солнца, тихий, медленно текущий Лудий, осененный деревьями.

А вдали, за городской стеной, широкая равнина и горы, замыкающие горизонт. И на горных уступах лес — богатый, полный птиц и зверей лес. Лес поднимается по склонам, спускается

в долины и ущелья. Леса так много и такой он могучий, что персам во времена войны с Элладой приходилось прорубать просеки, чтобы войска могли перевалить через Македонские горы. Ель, клены, дубняк, ширококронные липы, орех, каштан, озаоряющий долины факелами своих бело-розовых цветов... И главное — сосна, высокая, ровная, медноствольная, с густой вершиной, глядящей в небо. Афины и многие другие государства покупают у него сосну для постройки кораблей. Пусть покупают, Филиппу нужны деньги. Деньги ему нужны, потому что ему нужно сильное, хорошо вооруженное войско. Македонии необходимо получить доступ к морю. По всему берегу Евксинского Понта расселились эллинские колонии; они вцепились в этот берег, всюду выросли их города — Аполлония, Мессембрия, Дионисополь... И дальше, по берегу Фракии, до самых скифских земель.

Деньги нужны Филиппу, потому что ему нужен также и флот. Он пробьет своими фалангами эту эллинскую прибрежную броню и выйдет к морю. По великому морскому пути пойдут его торговые суда, и длинные черные корабли встанут мощной защитой у берегов Македонии.

А кроме того, деньги нужны и на подкупы: для Филиппа все средства хороши, лишь бы добиться успеха.

«Все крепости могут быть взяты,— не раз, цинично усмехаясь, говорил Филипп,— в которые может вступить осел, нагруженный золотом!»

Но деньги будут. В недрах горы Пангей, которую он захватил, в ее окрестностях и по берегам реки Стримона обильно залегают золотые и серебряные руды. Настолько обильно, что землевладельцы своей деревянной сохой нередко выпаживают целые куски золота.

— Теперь я буду выпускать не только медные и серебряные деньги,— пробормотал Филипп, пряча в усах торжествующую усмешку,— но и золотые. Золотые «филиппики» — вот как будут называться мои деньги! Что-то скажут на это Афины?..

Варвар!

Филипп скрипнул зубами. Варвар! Так не говорят вслух, но так думают. Посмотрим, как-то назовут они Филиппа, когда он не добром, так силой вступит на афинскую землю и продиктует им свою волю!

А для этого опять-таки нужно войско, еще более могучее, чем теперь, еще крепче вооруженное, еще лучше обученное. Не просто войско, а войско завоевателя, не знающее ни снисхождения, ни пощады!

Но хватит забот. Столы накрыты, гости собрались. Музыкантов сюда, певцов, плясунов, актеров!

Переливчатые трели флейт, звон кифар, неистовые пьяные голоса, хохот, выкрики до утра сотрясали стены мегарона. Лишь на рассвете разбрелись по своим домам царские этеры. А кто не мог уйти, уснул здесь же, за столом. Были и такие, что свалились на каменный пол, приняв за восточный ковер цветную, красно-синюю мозаику около очага.

КТО ТАКОЙ ДЕМОСФЕН

Детство Александра проходило в тяжелой атмосфере семейного разлада.

Олимпиада любила сына со всем пылом своей яростной души. И мать, и кормилица старались сделать все, чтобы он был счастлив в их теплом женском окружении и чтобы он не очень тянулся к отцу.

Олимпиада рассказывала мальчику разные истории о победах македонских царей и царей эпирских. Особенно эпирских. Ее не очень заботило, все ли понимает Александр в этих рассказах. Ей доставляло какое-то горькое удовольствие повторять, что род царей эпирских из племени воинственных, всегда независимых молоссов несколько не хуже и не ниже царей македонских.

— Македонские цари — и твой отец — происходят от Геракла. А мы, цари Эпира, — а через меня и ты тоже — ведем свой род от Ахиллеса, сына Пелея. Ахиллес — великий герой, прославленный на все века.

Она могла без конца рассказывать о своих знаменитых предках. О том, как богоравный Ахиллес воевал под Троей, какие были на нем доспехи, какое копье было у него, какой щит... А мальчик не уставал слушать рассказы о войнах и битвах.

Филипп, занятый военными походами, обуянный дерзкими замыслами покорить все соседние народы, редко бывал дома.

Но иногда перед светлоглазым мальчиком являлся бородастый человек, от которого крепко пахло потом и железом, громогласный, веселый, — его отец. Несмотря на ревнивое неудовольствие матери, Александр тянулся к нему, хватался за его кудрявую бороду, пытался вытащить из ножен кинжал, висевший у пояса...

Однажды Филипп вернулся из похода с черной повязкой, закрывавшей правый глаз. Трехлетний Александр с любопытством разглядывал его повязку, а потом захотел посмотреть на тот глаз, что спрятан под ней.

— А там нет глаза,— спокойно сказал отец,— выбило стрелой. Но что глаз? Я осадил большой город Мефону, понимаешь? Осадил и взял. Жители не хотели сдаваться, защищались. Вот и выбили мне глаз. Стрелой со стены. Однако я все-таки Мефону осадил и взял.

— Осадил и взял.— повторил мальчик.

— Да! Взял! — подтвердил отец. И добавил с жестокой усмешкой: — А за мой глаз я с ними сполна расплатился. Немало их там осталось лежать на земле.

— Ты их убивал?

— Убивал. А что же еще с ними делать, если они не сдаются?

Александр замолк, наморщив светлые бровки. Он старался освоить урок завоевателя: если не сдаются — убивай!

Филипп упорно и последовательно осаждал и захватывал города эллинских колоний. Закончив одну битву, он бросался в другую. Разграбив один город, он захватывал и грабил другой. Сила его росла, войско крепло, сокровищница наполнялась золотом.

И только с Афинами Филипп старался сохранить мир. Афины по-прежнему стояли перед ним со всей своей мощью, со своим спокойствием и презрением. Филипп ненавидел афинян, этих надменных людей.

И он любил их, любил с того самого времени, когда еще юношей жил у фиванцев. Сильны и могущественны были Фивы. Но Афины — это город мудрецов и поэтов, ваятелей и художников, город ораторов и ученых: какой высокой славой он увенчан! И как хотел бы Филипп войти в этот город афинским гражданином, равным каждому из афинян!

Правда, теперь они признали Филиппа эллином, он вынудил их к этому. Но признали лишь потому, что стали опасаться его военной силы. Все равно он для них варвар. Македонянин. Они даже над языком македонским смеются: «Что-то вроде эллинского, но какое грубое варварское наречие! И еще называют себя эллинами!»

Филипп сохранял с Афинами мир. Но никогда не оставлял мысли победить Афины. К этому он готовился исподтишка. Захватывая афинские колонии, всякими хитростями ссорил между собой их союзников, вносил разлад через своих тайных соглада-

таев даже во внутренние дела Афин. Однако затевать открытую войну опасался: у афинян еще достаточно сильное войско и самый большой флот.

Поэтому пока лучше давать клятвы дружбы и верности, самой горячей дружбы и самой неизменной верности!

Но в Афинах уже поселилось беспокойство. Какая-то маленькая, незначительная Македония захватывает эллинские города один за другим, и эллины все время проигрывают битвы. Что происходит? Может быть, Афины уже потеряли и свою силу, и свое влияние? Может быть, Филиппа уже нельзя победить, нельзя остановить его наступление на их земли? Или и вправду его войска непобедимы?

В эти дни тревоги и дурных предчувствий пританы¹ созвали Народное собрание, высший орган их демократической власти.

Народ собрался на Пниксе, на холме в юго-западном районе города, где почти всегда проходили Народные собрания. Тяжелые стены из огромных камней полукругом охватывали Пникс. На каменных скамьях сидели афинские граждане, шумя, толкаясь, споря... Сегодня глашатаям не пришлось уговаривать их прийти на Собрание или притаскивать насильно, охватывая толпу окрашенной киноварью веревкой, как нередко случалось в последнее время. Опасность стала угрожающей.

На высокую трибуну, с которой была видна дальняя синева моря, взошел афинский оратор Демосфен. В скромной одежде, с обнаженным правым плечом, как ходили тогда эллины, он встал перед народом, стараясь справиться со своим волнением. Ему нередко приходилось выступать на Пниксе, и все-таки он каждый раз мучительно волновался. Он знал, что некрасив, что его худые руки, напряженно сжатый тонкогубый рот, сдвинутые брови с глубокой морщиной между ними не производят на людей пленяющего впечатления, необходимого оратору. Бывало все: издевательства над его картавостью, свистки... Случалось, что его сгоняли с трибуны из-за слабости его голоса.

Все это преодолено. Однако отголосок страха перед неудачей таился в глубине души, и Демосфену каждый раз приходилось переживать трудное мгновение, прежде чем начать свою речь. Так было и сейчас. И толпа, чувствуя это, слегка зашумела.

— Граждане афинские!..

¹ П р и т а н ы — члены Совета пятисот, которые назначались поочередно заведовать текущими делами государства.

Мощный чистый голос прокатился над площадью. Площадь затихла. Речь Демосфена зазвучала над ней.

— Прежде всего не следует, граждане афинские, падать духом, глядя на теперешнее положение, как бы плохо оно ни представлялось!

Народ слушал с жадностью. Это было то, что он хотел услышать.

— Вы сами, граждане афинские, довели свои дела до такого плохого состояния, так как не сделали ничего, что было нужно. Вот если бы вы сделали все, что могли, и дела наши все-таки оказались бы в этом тяжелом положении, тогда и надежды на их улучшение не было бы.

Демосфен горько упрекал афинян в бездеятельности по отношению к Филиппу, в том, что они на горе себе верят ему. Это было не очень приятно слушать. Но Демосфен не лишал их надежды справиться с македонской угрозой, и они слушали его затаив дыхание.

— Если же кто-нибудь из вас, граждане афинские, думает, что с Филиппом трудно вести войну, потому что силы его велики и потому что наше государство потеряло все укрепленные места, тот человек судит, конечно, правильно. Но все-таки пусть он примет в расчет то, что мы, граждане афинские, когда-то владели Пидной, Потидеей и Мефоной и всей этой областью с окрестностями. И пусть он вспомнит, что нынешние союзники Филиппа раньше предпочитали поддерживать дружественные отношения с нами, а не с ним. Если бы Филипп испугался и решил, что с афинянами воевать ему будет трудно — ведь у нас столько крепостей, угрожающих его стране! — если бы он заколебался тогда, то ничего не добился бы и не приобрел такой силы.

Демосфен говорил долго, но афиняне все так же внимательно и жадно слушали его. Его речь поднимала дух афинских граждан, а это было сейчас необходимо им.

— Не думайте же в самом деле, что у него, как у бога, теперешнее положение упрочено навеки! Что же надо делать Афинам? Снарядить войско и положить конец разбоям Филиппа...

Филиппу очень скоро стало известно о выступлении Демосфена.

У македонского царя по всем окрестным странам были свои люди — «подслушиватели» и «подглядыватели». Вот и теперь один из них прибыл к нему из Афин и подробно рассказал, о чем говорил Демосфен.

Филипп усмехнулся:

— И он думает, что Афины станут воевать по его слову! Напрасно старается: афинян на войну не поднимешь. Они изнеженны и ленивы, они привыкли к тому, что все труды несут за них рабы и наемники, а война — слишком тяжелый и опасный труд. Выступать на площади, щеголять красноречием — вот их занятие. Крыша еще не горит у них над головой! — И добавил про себя с угрозой: «Но уже тлеет!»

Александру было всего пять лет, когда Демосфен произнес свою первую речь против его отца.

— Кто такой этот Демосфен? — спросила Олимпиада у Ланики. — Еще один афинский крикун?

О Демосфене уже слышали во дворце, о нем говорили, над ним смеялись. Брат Ланики, Черный Клит, был одним из молодых этеров Филиппа, поэтому Ланика знала, кто такой Демосфен.

Демосфен, сын Демосфена, — из семьи богатых афинских граждан. У его отца был дом в городе и две мастерских — мебельная и оружейная, в которых работали рабы. Отец Демосфена был человек достойный уважения. Это признает даже его противник, оратор Эсхин. Но вот со стороны матери у Демосфена, как считалось тогда в Элладе, не все благополучно. Его дед Гилон был изгнан из Афин за измену. Он жил на берегу Понта Евксинского, там женился на скифянке. Так что мать Демосфена Клеобула была наполовину скифской крови. Потому-то Эсхин и называет его варваром, говорящим на эллинском языке.

Отец и мать Демосфена умерли рано, ему в то время было всего семь лет. Отец оставил ему и его сестре хорошее наследство. Но опекуны их богатство растратили.

В детстве Демосфен был таким слабым и болезненным, что даже не ходил тренироваться в палестру, как это делали все афинские мальчики. За то над ним и смеялись, прозвали его Батталом — неженкой и заикой. А Баттал — это был один флейтист из Эфеса. Он наряжался в женский наряд и выступал на сцене в женских ролях. Так вот Демосфена и прозвали Батталом за то, что он был неженный и слабый, как женщина.

В детстве ему удалось побывать на одном судебном процессе. К Демосфену был приставлен раб, который смотрел за ним. И он упросил этого раба отпустить его послушать знаменитого в то время афинского оратора. Раб отпустил его. И когда Демосфен послушал этого оратора, то уже забыть его не мог.

С этих пор осталась у него неотступная мечта — научиться ораторскому искусству.

Когда Демосфен пошел, то пригласил к себе учителем опытного оратора Исса. А как только стал совершеннолетним, предъявил иск своим нечестным опекунам, и сам выступил против них в суде. Судьи признали, что его требования законны и справедливы. И велели опекунам вернуть ему наследство.

Опекуны и не отказывались вернуть Демосфену его богатство. Но как вернешь, если все растрчено?

— Одно время,— рассказывала Ланика,— чтобы как-то прожить самому и сестре, Демосфен произносил судебные речи и этим зарабатывал. А нынче он стал политиком, вмешивается во все государственные дела Афин и пытается всем навязать свою волю.

— А не про него ли это говорили, что он картавый?

— Про него.

— Но как же он может произносить речи в Народном собрании? Такого оратора в Афинах никто не будет слушать, его тотчас прогонят!

— А его и прогоняли. Со свистом. Как начнет картавить — букву «р» не мог выговорить,— да еще как начнет дергать плечом, тут его и гонят долой с трибуны!

— Но почему же слушают теперь? Или только потому, что он выступает против Филиппа?

— Теперь он больше не картавит. Рассказывают, что он ходил по берегу моря и, набрав в рот камушков, декламировал стихи. Добивался, чтобы даже и с камнями во рту речь его была чистой. И так усиливал голос, что даже морской прибой не мог его заглушить. Потом произносил речи перед зеркалом, смотрел, красивы ли его жесты. А чтобы не дергать плечом — люди очень смеялись, когда он дергался на трибуне,— так он подвесил над плечом меч, как дернется, так и уколется об острие!

Александр внимательно слушал рассказ Ланики, опершись локтями на ее колени.

— А Демосфен кто? — спросил он.— Демосфен — царь?

— Ну что ты? — засмеялась Ланика.— Какой там царь! Простой афинянин. Демократ.

— А кто такой демократ?

— Это человек, который думает, что все надо делать так, как хочет народ. А царей он ненавидит.

— И моего отца?

— А твоего отца ненавидит больше всех.

Маленький сын царя, наморщив округлые брови, задумался. Он не очень уяснил себе, о каком народе идет речь и чего добивается Демосфен, научившись хорошо говорить.

Но что Демосфен ненавидит царей и ненавидит его отца, это он понял. И запомнил на всю жизнь.

АЛЕКСАНДР УХОДИТ В МЕГАРОН

Когда Александру исполнилось семь лет, его, по обычаю эллинов, увели от матери на мужскую половину дома.

Олимпиада была расстроена. Она расчесывала мальчику его тугие кудри, прихорашивала его. А сама все заглядывала в его большие светлые глаза — не блестят ли в них слезы, не таится ли печаль?

Но Александр не плакал, и печали в его глазах не было. Он нетерпеливо вырывался из рук матери, отмахивался от ее золотого гребня. Чтобы не расплакаться самой, Олимпиада пыталась шутить:

— Вот как ты собираешься в мегарон! Так же как Ахиллес, Пелеев сын, на бой собирался. Помнишь? От щита его свет достигал до эфира. А шлем сиял, как звезда. И волосы были золотые у него, как у тебя...

Но Александр, уже знавший наизусть всё об Ахиллесе, Пелеевом сыне, на этот раз не слушал, что говорит мать. И Олимпиада с горечью поняла, что ребенок уходит из ее рук и просто не может дожидаться той минуты, когда вступит, как взрослый мужчина, в отцовский мегарон.

За ним пришел Леонид, родственник Олимпиады. Она добилась, чтобы его взяли педагогом-воспитателем к сыну. Все-таки свой человек, через него Олимпиада будет знать, как живется в мегароне Александру.

— Прошу тебя, не мучьте его слишком в гимнасиях¹, — сказала она Леониду, и тот взглянул на нее с удивлением — так зазвенел ее голос от сдерживаемых слез, — он еще маленький. Вот возьми корзинку, тут сладости. Давай ему, когда он захочет полакомиться.

— Не могу ничего этого сделать, — ответил Леонид, — мне сказано: никаких уступок, никаких поблажек.

— Но ты спрячь, будешь потихоньку давать!

¹ Г и м н а с и и — место для гимнастических занятий.

— А разве я один буду около него? Целая толпа воспитателей-педагогов. В тот же миг донесут царю. Нет, я буду воспитывать его, как подобает эллину,— чем суровой, тем лучше.

— Ну идем же! — Александр схватил за руку Леонида и потянул его к выходу.— Идем же!

Ланика, не выдержав, отвернулась и в слезах закрыла лицо покрывалом. Мать проводила мальчика до порога. И потом долго стояла под ливнем солнечных лучей, падавших сквозь отверстие в потолке.

Александр, не оглянувшись, ушел со своим воспитателем. Они пересекли солнечный двор и скрылись в синем проеме дверей мегарона.

Олимпиада знала, что этот день наступит, она с тайной тоской ждала его. И вот этот день наступил. Филипп отнял у нее сына, как отнял свою любовь. Но не наступит ли и такой день, когда она за все рассчитается с Филиппом?

Мрачная, со сдвинутыми бровями, Олимпиада вернулась в гинекей. Комнаты показались ей слишком тихими и совсем пустыми.

Служанки и рабыни затрепетали, когда она вошла к ним. Суровый блеск ее глаз не сулил добра. Разговор, которым они скрашивали время за работой, замер на устах. Только звенящий шелест веретен и постукивание набивок ткацкого станка слышались в большом низком помещении, полном людей.

Олимпиада придирчиво присматривалась к работам.

— Это что — нитка или веревка у тебя на веретене?.. А у тебя почему столько узлов? Что будет из такой пряжи — сукно или дерюга? Клянусь Герой, я была все время к вам чересчур добра!

Пощечина налево, пощечина направо, пинок, рывок... Олимпиада срывала свое горе на служанках, как могла. Приказав отхлестать розгами молодую рабыню, которая показалась ей слишком заносчивой, Олимпиада немного успокоилась. Она позвала дочерей, игравших в мяч во дворе, и велела сесть за пряжу. Какими же хозяйками они будут в свое время и как могут спросить работу со своих рабынь, если сами ничему не научатся?

Вернувшись в спальню, Олимпиада уселась за пядьцы и принялась вышивать черную кайму на розовом пеплосе¹. Теперь

¹ П е п л о с — большой прямоугольный кусок материи, покрывало.

ее жизнь, ее заботы, ее мечты только в одном: давать работу служанкам, следить, чтобы они хорошенько ее выполняли, да и самой сесть за стан и выткать для мужа шерстяной плащ или, как сейчас, заняться своим нарядом, который уже никого не радует...

А мальчик, заполнявший собой все ее дни и ночи, ушел к отцу.

Александр и раньше не раз прибегал в мегарон. Но отец не хотел, чтобы мальчик видел его пьяные пиры, и приказывал тотчас увести ребенка обратно.

Теперь Александр вошел сюда по праву. Он шел, выпрямив спину, чтобы казаться повыше. Замедлял шаг, разглядывая грубые, покрытые копотью росписи на стенах. Подзывал собак, которые, войдя со двора, свободно бродили по залу в поисках какой-нибудь еды — после пира под столом всегда можно было найти хорошую кость или недоеденный кусок.

В мегароне Александра ждали педагоги-воспитатели, обязанные смотреть за ним, обучать правилам поведения, тренировать его в гимнасиях. Каждый из них приветствовал Александра, каждый хотел понравиться ему. Особенно старался акарнанец Лисимах.

— Какой красавчик! Да какой крепкий! Ахиллес, да и только. Скоро, пожалуй, отправится в поход с отцом. Но если ты, Александр, Ахиллес, то я — твой старый Феникс. Ведь я так же приставлен к тебе — учить тебя и воспитывать. Знаешь, как великий Гомер написал в «Илиаде»?

...Там и тебя воспитал я таким, о бессмертным подобный!
Нежно тебя я любил; и с другими никогда не хотел ты
Ни на пирушку пойти, ни откусать чего-нибудь дома
Прежде, чем я, на колени к себе посадив, не нарежу
Мяса тебе на кусочки и кубка к губам не приставлю! ¹

Так и я, как Феникс, готов служить моему богоравному Ахиллесу!

Другие воспитатели тоже хвалили Александра, стараясь незаметно утвердить свое влияние. Но никто не был так ловок в похвалах, как этот акарнанец, который, хотя и был грубым невеждой во всех остальных науках, знал Гомера и ловко играл на этом.

¹ Гомер, «Илиада». Перевод В. Вересаева.

Александру все это льстило. Но он слушал их с невозмутимым лицом и с горделивой осанкой. Он сын царя. Его восхваляют, но это так и должно быть.

— Здравствуй! — сказал ему отец, только что проснувшийся после вчерашнего обильного вином ужина.— От Филиппа, царя македонского, Александру привет!

У мальчика заблестели глаза от восторга.

— Царю македонскому Филиппу от Александра привет! — живо ответил он.

Он весь вспыхнул, так что и лицо, и шея, и грудь его покраснели. Белокожий, он краснел мгновенно, будто охваченный огнем.

— Вот ты и мужчина. Учись бегать, плавать, стрелять из лука, метать диск, бросать копье. Делай все, что скажут педагоги. Клянусь Зевсом, мне нужен крепкий, сильный сын, а не какой-нибудь неженка!

И, обернувшись к Леониду, Филипп грозно напомнил:

— Никаких поблажек! Никаких уступок!

— А мне и не надо поблажек! — обидевшись, запальчиво сказал Александр.— Я сам пойду в гимнасий. Вот сейчас и пойду!

Филипп заглянул в светлые бесстрашные глаза сына и усмехнулся.

— Не сердись,— сказал он,— меня самого так учили. Так вот учил меня благородный Эпаминонд — без поблажек. Поэтому я теперь не знаю усталости в битвах, выношу самые тяжелые лишения в походах, бью врага сариссой¹ — и рука моя не слабеет, могу скакать на коне день и ночь без отдыха, а когда нужно — внезапно явиться перед неприятелем и разбить его с ходу!

— Я тоже буду скакать на коне и бить с ходу!

— Будешь. Потому что тебе придется сохранить все, что я теперь завоюю.

— Я все сохраню. И завоюю еще больше! Я буду как Ахиллес!

По крутым бровям Филиппа прошла тень. Олимпиада! Это ее рассказы!

— Не забывай, что македонские цари пришли из Аргоса, из страны Геракла,— сказал он,— и что сам ты потомок Геракла. Никогда не забывай об этом! Никогда!

¹ С а р и с с а — длинное тяжелое копье.

Александр, пристально поглядев на отца, молча кивнул головой. Он понял.

Началась новая жизнь — среди мужчин, среди мужских разговоров и рассказов о минувших сражениях, о захваченных городах и о городах, которые следовало захватить...

Ни поблажек, ни уступок Александру не понадобилось. Крепкий, ловкий, азартный, он с наслаждением тренировался в палестре, бегал и прыгал, метал дротик, учился натягивать лук, который сделал Леонид ему по силам. Едва доставая до уздечки, он уже лез на лошадь, падал, сильно ушибался и только кряхтел от боли. Он раньше всех своих сверстников научился ездить на лошади. Самого еле видно из-за конской гривы, а скачет так, что педагоги чуть не падают от страха.

Если случайно кто-нибудь называл Александра ребенком, кровь бросалась ему в лицо, не помня себя он налетал на обидчика с кулаками, не задумываясь, справится с ним или получит хорошую сдачу. И случалось, что сдачу он получал. Но тогда распалялся еще больше, и остановить его было невозможно.

Педагоги не могли сладить с ним. Вспыльчивый, упрямый, Александр все делал как хотел, как находил нужным. И лишь тогда мог отказаться от задуманного, если ему умели объяснить, что задуманное им — плохо.

Скоро все окружающие уже знали, что с Александром можно ладить только разумными доводами, но не строгостью, не приказом.

Знал это и отец. Поглядывая на его синяки и царапины, Филипп усмехался себе в усы:

«Александр, будущий царь македонский! Эх, еще такие ли синяки придется тебе получать в жизни!»

В то время Филипп и Александр хорошо ладили друг с другом.

Но отец, как всегда, недолго гостил дома. И года не прошло, как снова по улицам Пеллы засверкали шлемы военных отрядов и лес копий тронулся к городским воротам. Снова за стенами города загрохотали осадные башни и тараны с медным бараньим лбом. Снова в широком царском дворе заржали и застучали копытами тяжелые боевые кони...

Александр стоял, прижавшись к теплой колонне портика, и смотрел, как садятся на коней этеры, друзья и полководцы, ближайшие соратники царя. Мужественные, загорелые в походах, привычные к непрерывным сражениям, разбоям и гра-

бежам, они собирались на войну, как в обычный путь, спокойно и деловито проверяли вооружение, оправляли на конях попоны; ни седел, ни стремян всадники в те времена не знали.

Филипп прошел мимо, большой, широкоплечий. Ему подвели его рыжего коня под синей расшитой попоной. Филипп с привычной ловкостью вскочил на коня, который храпел и задирал гривастую голову. Филипп натянул узду, и конь сразу смирился.

Александр не спускал глаз со своего отца. Он ждал, что отец заметит его.

Но Филипп был уже чужим, суровым и грозным. Взгляд его под сдвинутыми бровями был устремлен куда-то далеко, в такую даль, которую еще было не постичь Александру.

Широкие ворота, хрипло заскрипев на петлях, отворились. Филипп выехал первым. За ним следом, будто сверкающий поток, устремились этеры. Все меньше и меньше их во дворе. А вот уж и нет никого, и ворота, прохрипев, закрылись. Сразу наступила тишина, только деревья чуть слышно шумели над крышей, роняя на прохладные камни первые желтые листья наступающей осени.

— Где мой Ахиллес? Твой Феникс ищет тебя!

Александр с досадой отпихнул кулаком Лисимаха. Молча, сжав дрожащие губы, он направился в палестру. Там играли в мяч его сверстники, дети знатных македонян. Высокий, стройный мальчик Гефестион тотчас подбежал к нему:

— Будешь играть с нами?

Александр проглотил слезы.

— Конечно,— ответил он.

ПЕРВАЯ ОЛИНФСКАЯ

На фракийском берегу стоял большой греческий город Олинф.

Олинф много воевал. В давние времена воевал с Афинами, хотя жители, населявшие его, были родом из Халкиды, афинской колонии. Воевал со Спартой.

Теперь Олинф был сильным и богатым городом. Он стоял во главе тридцати двух родственных ему городов, расположившихся на побережье Евксинского Понта.

С Филиппом олинфяне заключили союз. И не было у них более верного, более доброжелательного союзника, чем царь македонский. Филипп помогал им в войне против Афин. Город

Анфемунт, из-за которого вечно спорили Олинф и Македония, Филипп отдал Олинфу. Отдал он олинфянам и Потидею, которую с большим боем отнял у Афин. Уж так-то он любил Олинф, так дорожил его дружбой!

Но прошло не очень много лет, и олинфяне, оглянувшись, вдруг увидели, что вся область, окружающая их город, как-то незаметно, понемногу захвачена Филиппом.

Теперь в Олинфе встревожились. Слишком сильным становится македонянин. Он их союзник, он дарит им города... Но не потому ли он все это делает, что боится, как бы Олинф не вмешался в его разбойные дела?

Сколько правителей уверял он в своей дружбе, а потом беспощадно разорял их земли! Разве не обманул он афинян, когда клятвенно обещал завоевать для них Амфиполь? Крупный город возле самого устья большой реки Стримона, важный пункт в торговле с городами Понта Евксинского, город-порт всего фракийского побережья, богатый рудниками, виноградниками, оливами...

Афиняне поверили Филиппу. Но как же они не поняли, что Амфиполь нужен ему самому? Они согласились — пусть Филипп завоеует для них этот город. Филипп взял его приступом — и оставил себе! Теперь Амфиполь — его важнейшая стратегическая база, крепость, открывшая ему весь берег Фракии. А для чего Филипп заверил Афины, что воюет для них? Да затем, чтобы они ему не мешали!

Может быть, этот коварный человек и олинфян успокаивает сладкими речами, чтобы вернее их обмануть и потом захватить?

Воистину замыслы Филиппа разгадать невозможно.

— Мы не перейдем моста, пока не подойдем к нему! — вот его обычный ответ и друзьям и врагам. А что он хочет сказать этим, известно только ему одному.

Подозрения вскоре перешли в уверенность и вражду. А Филипп, с его обольщающими речами, был далеко и ничего не знал. Он в это время воевал в Фессалии и успешно захватывал там города один за другим: Феры, Пагасы, Магнесию, локрийский город Никею...

Горы стояли в желтых и багряных одеждах осени. Но в долине, где расположился военный лагерь Филиппа, еще зеленела трава. Суровое серое небо висело над головой, приглушая своим холодным светом краски осенней листвы.

Войско Филиппа, отягощенное награбленным богатством,

отдыхало у костров. Филипп уже отпраздновал победу обильными и шумными пирами. И теперь, трезвый и деловитый, он сидел в шатре со своими полководцами и обсуждал дальнейшие планы военных действий. Филипп не собирался отдыхать, ему было некогда отдыхать — еще столько предстояло больших и трудных дел!

Теперь пришла пора брать Олинф. Часть войск уже отправилась в том направлении. Филипп приказал вести себя тихо и, не доходя до Олинфа, чтобы там никто не догадался о замыслах Филиппа, ждать его. Нагрянуть надо неожиданно. Неожиданность всегда половина победы.

— Ты уверен, царь, что им неизвестны твои намерения? — спросил один из полководцев.

— Если бы это было так, нас известили бы. Там ведь тоже есть разумные люди, которые понимают, что Олинфу гораздо выгоднее быть с Филиппом в союзе, чем во вражде.

В это время в шатер вошел гонец. Все обернулись к нему.

— Царь! — сказал он. — Олинф изменил тебе.

Филипп сверкнул своим единственным глазом.

— Как?

— Олинфяне почувствовали опасность. Не доверяют тебе. Отправили послов в Афины просить помощи.

— Вот что?.. — злоеющим голосом сказал Филипп. — Значит, они договор со мной нарушили? Тем хуже для них. — И вдруг весело улыбнулся. — И тем лучше для нас. Теперь уже они не смогут вопить, что Филипп — вероломный союзник. Я не нарушал договора. Нарушили они — значит, мы вправе вступить с ними в войну! Теперь остается одно — в поход на Олинф немедленно!

И снова, подняв сариссы, двинулись македонские фаланги Филиппа. Снова загудела земля под копытами могучей конницы, загрохотали колесами деревянные сооружения с таранами и баллистами-самострелами, которые могли метать во вражеский лагерь камни и дротики, стрелы зажигательные и простые.

А в это время в Афинах, на Пниксе, опять выступал Демосфен против Филиппа, страстно призывая афинян помочь Олинфу.

Вскоре из Афин к Филиппу явился лазутчик, присланный его сторонниками. Этот человек привез ему свиток, на котором почти слово в слово была записана речь Демосфена — его Первая Олинфская.

— Читай.

— «Большие, я думаю, деньги дали бы вы, граждане афинские, за то, чтобы знать, какими мерами помочь государству в том деле, которое вы сейчас обсуждаете...»

— Дальше, дальше,— прервал Филипп,— самую суть. Об Олинфе.

— Так. Сейчас. Вот. «... Мое, по крайней мере, мнение таково, что решить вопрос о помощи Олинфу надо сейчас же и что надо как можно скорее послать эту помощь...»

— Ага. Ну-ну, посылай. Дальше.

— «...Затем надо снаряжать посольство, которое должно быть на месте событий. Ведь бояться приходится главным образом того, чтобы этот человек...»

— Этот человек — царь македонский. Вот кто этот человек. Дальше.

— «...чтобы этот человек, способный на все и умеющий пользоваться обстоятельствами, чтобы он не повернул дело в свою пользу...»

— Какой грубый язык!

— «...Ведь для олинфян ясно, что сейчас они ведут войну не ради славы и не из-за участка земли, а ради того, чтобы спасти отечество от уничтожения и рабства, и они знают, как он поступил с теми из граждан Амфиполя, которые предали ему свой город...»

— Знают, конечно. Я убил их первыми. Если они могли предать своих сограждан, то разве не предали бы меня?

— «...И с гражданами Пидны, впустившими его к себе...»

— С ними я поступил так же, клянусь Зевсом! Как бы я верил потом им, предавшим свой родной город?

— «...Если мы, граждане афинские, оставим без поддержки и этих людей и в таком случае он овладеет Олинфом, тогда что же еще будет мешать ему идти туда, куда хочет? Пускай кто-нибудь ответит мне...»

— Я сам отвечу: никто!

— «...Учитывает ли кто-нибудь из вас, граждане афинские, и представляет ли себе, каким образом сделался сильным Филипп, хотя был первоначально слабым? А вот как: сначала взял он Амфиполь, потом Пидну, позднее еще Мефону...»

— Под Мефоной мне выбили глаз. Не дешево заплатил, клянусь Зевсом!

— «...Наконец, вступил в Фессалию. После этого в Ферах,

в Пагасах, в Магнесии — словом, всюду он устроил так, как ему хотелось, и тогда удалился во Фракию».

— Все припомнил!

— «После этого он заболел. Едва оправившись от болезни, он опять-таки не предался беспечности, но тотчас сделал попытку подчинить олинфян...»

— А как же? У меня нет лишнего времени.

— «...Скажите, ради богов, кто же среди нас настолько простодушен, кто же не понимает того, что война, происходящая сейчас там, перекинется сюда, если мы не примем своих мер?..»

— Клянусь богами, он прав. Но красноречие его впустую. У афинян все тяготы несут рабы. Только на рабов они и полагаются, и это их погубит.

Однако Филипп ошибся, говоря, что афинян речами воевать не заставишь. Речь Демосфена была так горяча и взволнованна, что убедила Народное собрание. Афиняне вскоре снарядили помощь Олинфу. Они послали олинфянам тридцать триер¹ с двумя тысячами наемного войска во главе с полководцем Харетом.

Война под Олинфом разгоралась. Уже осыпались листья, устилая долины, в горах гудели осенние ветры, начались дожди.

«Наступит зима, и война кончится,— думали олинфяне,— за зиму мы укрепим, соберем новое войско. Зимой никто не воюет!»

Надежды их были напрасными. Никто в Элладе не воевал зимой. Но Филиппу зима не была помехой. Его закаленное войско могло выдержать любые трудности и лишения.

Увидев, что македоняне не собираются уходить от стен города, олинфяне еще раз отправили послов в Афины с мольбой о помощи.

КОНЕЦ ОЛИНФА

— Прохладный ветер проносился по Пниксу, принося с гор высохшие, гремящие, как железо, колючие ветки бурьяна. Афиняне кутались в плащи. А на трибуне опять стоял Демосфен, взывая о помощи Олинфу. Шум ветра не мешал ему. Встревоженные афиняне, нахмурясь, слушали его. Возмущение Демос-

¹ Т р и е р а — военный корабль с тремя рядами весел.

фена и его ненависть к Филиппу передавались им, волновали их.

— ...Какого же времени и каких еще условий дожидаетесь вы, граждане афинские, более благоприятных, чем теперешние? И когда вы станете исполнять то, что нужно, если не сейчас? Разве не все наши укрепленные места занял уже этот человек? А если он завладеет и этой страной, разве это не будет для нас величайшим позором? Разве не воюют сейчас те самые люди, которых мы с такой готовностью обещали спасти, если они начнут войну? Разве он не враг? Разве не владеет нашим достоянием? Разве не варвар?..

И эта речь сделала то, что афиняне снова откликнулись на мольбу олинфян. Афины снарядили еще восемнадцать кораблей, послали под командой военачальника Харидема четыре тысячи наемников и сто пятьдесят афинских всадников.

Войска афинян помогли приостановить победное шествие Филиппа.

Все резче и холоднее становились ветры. Ночью замерзала вода. Олинфяне еще надеялись, что зима напугает македонян.

Но македоняне не отступали. Жаркие костры горели по ночам, и чем холоднее становилось, чем сильнее поливали землю осенние дожди, тем выше было пламя этих зловещих, рыжих, с черным дымом костров. И снова сражения. И снова защитники Олинфа разбиты. И снова упорно и неотступно продвигается македонянин к Олинфу, покоря лежащие на пути города. Вот уже взял он большой город Торону. Вот уже захватил Мелиберну— порт Олинфа.

И в третий раз за эту осень выступил Демосфен на Пниксе против Филиппа — это была его Третья Олинфская речь, полная страсти, ненависти и почти отчаяния, полная упреков афинянам за их бездействие. Но Харидем слал им хвастливые донесения, и афиняне решили, что победа над Филиппом уже обеспечена.

Зима проходила в боях, в трудных переходах, в нелегкой осаде городов, в победах, в темной радости грабежей, в дыму разоренных жилищ, в ликующих кликах победителей, в проклятиях побежденных...

Олинф доставался трудно. Филипп свирепел. Он тяжело заболел, чуть не умер; враги уже торжествовали, радуясь его смерти. Но могучий организм выдержал жестокие страдания. Филипп поднялся и снова продолжал поход.

Зима была суровой. Пронизывающие до костей дожди со

снегом, бури, сырые ветры, несущие тяжкую простуду и болезни. Но никто не жаловался в войсках Филиппа. А дома, в Македонии, в жару и в непогоду со стадами в горах легче ли? Может, и легче — там не убивают. Но ведь там и не разбогатеешь, разграбив завоеванный город, и славы не добудешь!

Уже много дорог пройдено, много взято городов. Вот уже и солнце потеплело, и горы снова оделись нежным туманом зелени.

Филипп скорым маршем вел свое войско. На похудевшем, осунувшемся лице с жестким очертанием рта, с глубокой морщиной на лбу отпечаталось выражение твердой решимости.

Уже ничто не могло остановить македонянина, и никто не мог остановить его. По талой, кое-где подсохшей и зазеленевшей посевами земле войска Филиппа подошли к Олинфу. Не дойдя до города, в сорока стадиях¹ от него, Филипп раскинул свой лагерь.

И тут он объявил олинфянам жестокий ультиматум:

— Либо вам не жить в Олинфе, либо мне не жить в Македонии.

Афины с трудом и промедлениями собрали наконец новую армию. Военачальник Харет вел семнадцать кораблей, на которых было две тысячи афинских гоплитов и триста всадников.

Пока они собирались, прошло лето и снова наступила осень. Черные афинские корабли качались на зеленых волнах Эгейского моря, пробираясь к Олинфу. Они из всех сил боролись с противным ветром. Осенью в этих местах дуют пассаты, и плыть на парусах им навстречу очень трудно.

А когда афинские триеры, измученные морем и ветрами, наконец подошли к олинфскому берегу, Олинф лежал в развалинах и в кровавом дыму пожарищ.

Филипп без всякой пощады расправился с Олинфом. Город разрушил и сровнял с землей. Уцелевших жителей — кого отправил в царские рудники на каторжные работы, кого продал в рабство или погнал на поселение вглубь Македонии. Лишь немногим удалось бежать и укрыться в эллинских городах.

Землю городских кварталов Олинфа Филипп роздал знатым македонянам. Олинфскую конницу он взял к себе, в свою царскую конницу этеров.

Остальные города — десять городов Халкидского союза — Филипп принял в состав Македонской державы.

¹ Стадия — 184,98 метра.

Это случилось в 348 году до нашей эры, когда Александру исполнилось восемь лет. Услышав о новой победе отца, он, грустный и сумрачный, пришел к своим товарищам.

— Клянусь Зевсом,— с досадой сказал он,— отец успеет завоевать все, и мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого!

ПЕРСИДСКИЕ ПОСЛЫ

Однажды в Македонию прибыли послы персидского царя.

Вся Пелла вышла смотреть на них. Персы важно сидели на конях, на расшитых золотом попонах, сверкая драгоценным оружием, ослепляя роскошью длинных одежд — красных, зеленых, синих... Все в этих людях было необычно для македонян, все удивляло: и бронзово-смуглые лица, и красные от хны, мелко завитые бороды, и пугающие нездешней чернотой глаза...

В царском дворце наступило смятение. Приехали послы, а кто же примет их? Царя нет, царь, как почти всегда, в походе...

— Но разве меня тоже нет дома? — высокомерно спросил Александр и объявил: — Послов приму я.

Послы вымылись с дороги, отдохнули. И когда они были готовы к разговору, Александр, одетый в свое самое богатое платье, принял их со всем достоинством царского сына.

Немолодые люди, придворные и советники персидского царя, переглядывались, пряча улыбку. О чем же будет говорить с ними этот маленький царский сын? Конечно, будет какой-нибудь детский лепет. Ну что ж. В ожидании настоящего разговора с Филиппом можно послушать и детскую болтовню.

Александр сидел в отцовском кресле, ноги его не доставали до полу. Но он был спокоен и по-царски приветлив — белокурый, светлоглазый, весь розовый от скрытого волнения. Большие, громоздко наряженные смуглые люди с улыбкой в таинственных черных глазах, молча ждали, что он им скажет.

— Я хочу все знать о вашей стране,— сказал Александр, чуть наморщив округлые светлые брови.— Велика ли ваша страна?

Послы переглянулись. Что ж, мальчик задает серьезный вопрос,— значит, и отвечать надо серьезно.

— Наша страна очень велика,— ответил краснобородый старый перс, возглавлявший посольство.— Наше царство

— Наша страна очень велика, — ответил краснобородый старый перс,
возглавлявший посольство.

простирается от Египта до Тавра и от Средиземного моря до океана, омывающего всю землю. Под могущественной рукой нашего великого царя много стран и народов, не сосчитать городов. Даже эллинские города, которые стоят на азиатском берегу — Милет, Эфес и все другие эллинские колонии,— платят нашему великому царю дань.

— А хороши ли дороги в вашей стране? Если ваше царство такое большое, то и дороги должны быть длинными? Есть ли у вас такие длинные дороги, чтобы проехать по всей стране?

— У нас есть хорошая дорога — торговая дорога через Лидию до самой Индии. По ней купцы возят товары.

— А какой ваш главный город, где живет ваш царь?

— У нашего великого царя три столицы. Летом он живет в Экбатанах. Там кругом горы, прохладно. Потом он переезжает в Персеполь — этот город двести лет тому назад основал наш великий царь Кир. Потом наш великий царь уезжает в Вавилон — там он живет подолгу. Город очень богатый, веселый, красивый. Когда-то наш великий царь Кир покорил его и отнял у вавилонян.

— А как, по каким дорогам проехать в столицу вашего царя в Экбатаны? Можно на конях? Или надо на верблюдах? Я слышал, что у вас есть верблюды.

— Если царь македонский пожелает приехать в гости к нашему великому царю, то он может проехать на коне. Дорога эта прямая и широкая. Повсюду вдоль дороги — царские стоянки, прекрасные маленькие дворцы, где есть все для отдыха: И бассейны, и спальни, и залы для пира. Дорога проходит по населенной стране и совершенно безопасна.

— А ваш царь — каков он на войне? Очень смелый?

— Разве несмелые цари могли бы завладеть такой огромной державой?

— А войско у вас большое? А как вы сражаетесь? У вас тоже фаланги? И баллисты есть? И тараны?

Персы несколько смутились. Маленький сын царя македонского завел их в тупик. Сами не понимая как, они оказались чуть ли не в положении доносчиков о своем собственном государстве.

Старый перс ответил на это неопределенно и уклончиво. Речь его замедлилась, он тщательно подбирал слова, и не понять было — будто правду он говорит, а будто и нет. Речи льстивые, а смысл?..

— Они, персы, очень уважают царя македонского. Но когда-то

и цари македонские служили персидским царям. Можно бы многое рассказать Александру о том, как служил персидскому царю Ксерксу македонский царь Александр, его предок, как проходили персидские войска по Македонии, все опустошая на своем пути: города, деревни, запасы хлеба и воды, которой даже в реках им часто не хватало — реки выпивали досуха. Но — осторожнее. Тут сидит перед ними не такой ребенок, перед которым можно высказываться не стесняясь. Его отец царь Филипп становится крупной фигурой, и с ним приходится считаться. А маленький Александр уже и теперь казался персу опасным.

— Филипп, без сомненья, заслуженно прославленный полководец,— говорили послы между собой, когда Александр оставил их,— но сын его, если уж с этих лет задает такие вопросы, словно заранее прикидывает, как завоевать наше царство,— что же из него будет, когда он вырастет и станет царем?

Александр пришел к матери чем-то смущенный. Олимпиада, сияющая, гордая сыном, встретила его горячим объятием.

— Мой Александр! Мой будущий царь!

Александр, все так же хмурясь, высвободился из ее рук.

— Ты знаешь, что мне сказал перс?

— Он обидел тебя?

— Нет. Но он сказал, что когда-то царь македонский Александр служил персам. Разве это правда?

— Это и правда и неправда,— задумчиво ответила Олимпиада,— персы заставили подчиниться. Их было здесь столько, что не сосчитать. Как же могла Македония противостоять им? Ведь персы даже Афины разорили и сожгли. Но царь Александр только делал вид, что служит им,— если нет силы сбросить врага со своей шеи, приходится хитрить, как часто делает и твой отец. А на самом деле царь Александр, как мог, помогал эллинам. Я знаю про него одну историю, когда-то твой отец рассказал мне ее.

Александр устроился поудобнее и, глядя прямо в глаза матери, приготовился слушать.

— Это было в ту ночь, когда афиняне собирались сражаться с персами около города Платеи. Персами командовал Мардоний, очень храбрый полководец и очень жестокий человек. Царь Александр был в его лагере как покоренный союзник. И случилось так, что Александр со своим войском пришел заодно с персами разорять эллинов. Что было ему делать, как поступить, если персы принуждают его сражаться против Афин?

— Я убил бы Мардония!

— Его охраняла большая свита. И какой смысл? Ты убил бы Мардония, а Ксеркс поставил бы на его место другого военачальника. Можно было только погибнуть и ничем не помочь своим. Александр поступил по-другому. Он узнал, что Мардоний наутро собирается начать бой. Мардоний хотел напасть на них на рассвете. Надо было предупредить афинян, чтобы персы не застали их врасплох. И вот ночью, когда весь лагерь уснул, Александр потихоньку сел на коня и помчался к афинянам.

— А если бы его увидели?

— Поймали бы и убили. И убили бы всех македонян. Так вот, когда он прискакал туда, афиняне тоже спали. Но он сказал страже:

«Александр, вождь и царь македонский, желает говорить с военачальниками».

Стража по его царскому вооружению, по его одежде увидела, что это действительно царь, и побежала будить своих вождей. Вожди пришли. И когда они остались одни, Александр сказал:

«Весть эту я вверяю вам, граждане афинские, с просьбой сохранить ее в тайне, чтобы вы не погубили меня. Я бы не сообщал ее, если бы столь сильно не заботила меня судьба Эллады; ведь сам я издревле эллин по происхождению и не хотел бы видеть Элладу поработенной. У Мардония решено с рассветом начать бой, потому что он страшится, что вы соберетесь еще в большем числе. Готовьтесь к этому. Если же Мардоний отложит битву, то вы держитесь и не отступайте, потому что у них остается припасов лишь на несколько дней. Если война кончится так, как вы хотите, вы должны вспомнить обо мне и о моем освобождении, потому что я ради эллинов решился на столь опасное дело. Я Александр, царь македонский».

Так он сказал афинянам все это и ускакал обратно. И занял свой пост у персов, будто никуда и не уезжал. Вот как царь Александр «служил» персам!

— Значит, он служил афинянам?

— Да. Служил афинянам.

— А когда началось сражение, против кого он сражался — против персов?

— Нет. Все-таки против афинян:

Александр задумался, наморщив лоб.

— Тогда чей же он был союзник? Персов или эллинов?

Олимпиада вздохнула:

— Когда у тебя маленькая страна и слабое войско, приходится служить и тем и другим. А по-настоящему-то он служил только своей Македонии.

— Значит, он был двуличным человеком,— сердито сказал Александр.— Он был перебежчиком.

— Можно сказать и так. Но зато он сохранил царство!

— Но все-таки он воевал и против своих, против эллинов! Нет, я так поступать не буду.

РАЗДОРЫ В ЭЛЛАДЕ

Эллинские государства непрестанно воевали между собой. Фивы, возвысившиеся при Эпаминонде, победили Спарту и Фокиду. И Спарта и Фокида претерпели много несчастий, земли их были разграблены, войска разбиты.

Но победившим их Фивам этого показалось мало. На собрании совета представителей эллинских государств — амфиктионов¹ Фивы предъявили обвинение Спарте в том, что они во время перемирия заняли фиванскую крепость Кадмею,— это было в 382 году. А фокидянам — что они во время войны опустошили Беотию, принадлежащую Фивам.

Решение выносили победители, и обвиняемых присудили к такому большому штрафу, который уплатить они были не в силах.

Фокидянам было присуждено отдать за неуплату штрафа свою землю Дельфийскому храму: земли Фокиды и Дельфийского святилища лежали рядом. Фокидяне лишились всего — у них не стало родины.

Тогда фокидяне разграбили храм Аполлона, где хранились огромные богатства. На это дельфийское золото они наняли войско и бросились войной на Фивы, которые довели их до святотатства и отчаяния. На стороне Фив сражались с фокидянами фессалийцы.

— Эта война, которую назвали священной, затянулась. Фокидян проклинали за их нечестивый поступок. И в то же время жалели. Если бы не Фивы, фокидяне никогда не решились бы

¹ Амфиктиония — союз эллинских городов, расположенных по соседству с каким-либо святилищем. Целью союза была охрана святилища, взаимная охрана прав союзников и устройство общих празднеств.

разграбить всенародное святилище. А жалея, Афины и Спарта присылали на помощь фокидянам свои отряды.

Войском фокидян командовал Филомел, отважный и умелый военачальник. С ним было трудно справляться.

Филипп зорко следил за делами в Элладе.

— Дайте мне с моим войском сразиться с Филомелом,— обратился он к Фивам.— Я хочу наказать фокидян! И я могу это сделать!

Но против этого предложения восстали Афины:

— Филиппу не столько нужно воевать с фокидянами, сколько войти через Фермопилы в середину Эллады. А это опасно. Такому союзнику, как Филипп, доверять нельзя.

И афиняне, подогнав к побережью военные корабли, закрыли от Филиппа Фермопилы.

Это было еще в 353 году.

Теперь наступило иное время. Многое изменилось. Сила Филиппа неимоверно возросла.

Война с фокидянами все еще тянулась. Вождь фокидян Филомел погиб в бою. Они выбрали другого вождя — Ономарха, не менее опытного и не менее отважного. И Фивы и Фессалия устали от этой войны. Совет амфикитионов, чтобы покончить с фокидянами, теперь уже решил поручить командование этой войной македонскому царю.

Итак, Филипп добился своего. Он объявил, что не собирается мстить за фивян. Нет, он идет покарать Фокиду за святотатство, за оскорбление бога. Нынче уже никто не загородил ему Фермопильского прохода. Он прошел через Фермопилы и вступил в Фокиду. Перед сражением он приказал воинам надеть лавровые венки, венки из ветвей дерева, посвященного оскорбленному богу Аполлону. Фокидяне дрогнули, увидев войско, увенчанное лаврами. Им казалось, что сам бог, которого они ограбили, выступил против них. Они потеряли мужество...

Филипп расправился с Фокидой жестоко. Она была стерта с лица земли и исключена из совета амфикитионов — из совета государств, охраняющих святилище. Место фокидян в совете Филипп потребовал себе. На совете были вынуждены вынести постановление: принять Филиппа в число амфикитионов и отдать ему голоса фокидян.

Все это устроив, Филипп направил в Афины послов — пусть и Афины признают это постановление. Когда Филиппа вводили в совет, представителей Афин среди амфикитионов не было.

На этот раз даже Демосфен, который по-прежнему ненавидел Филиппа, советовал уступить ему.

— Не потому, что это правильно,— с горестью сказал он.— Это даже несправедливо, чтобы македонянин участвовал в эллинском совете. Но я боюсь, как бы в противном случае не были вынуждены Афины вести войну со всеми городами сразу. К тому же Филипп уже прошел через Фермопилы и теперь может вторгнуться в Аттику. Выгоднее соблюдать мир, чем навлечь на себя такую опасность.

Так сказал Демосфен.

Однако сам он ни за что не хотел примириться с возрастающим могуществом Филиппа. Он по-прежнему выступал против него со своими гневными речами, которые потом были названы «филиппиками». Из всех сил своего таланта, своего редкостного красноречия он защищал от царя Афинскую республику.

Но у Филиппа в Афинах были и сторонники. Была македонская партия, которая считала, что для Эллады гораздо лучше было бы, если бы такой сильный, с железной волей человек, как Филипп, объединил ее. Эллада изнемогает от междоусобных войн, эллинские города непрерывно воюют между собой, отнимая все силы страны. И только одно можно сделать, чтобы спасти Элладу,— это признать Филиппа вождем, объединиться и под его началом обратить свое оружие против давнего и грозного врага — против персов.

Вождем этой партии был Исократ, знаменитый афинский оратор. Его мечтой было объединить все эллинские государства в один союз, а во главе поставить Афины.

— Наше афинское государство,— говорил он,— бесспорно признается самым великим и самым славным в мире!

Исократ призывал организовать священный поход против персидского царя, чтобы отомстить персам за все беды, причиненные Элладе, захватить персидские земли и поселить там всю афинскую безземельную бедноту.

Сам Исократ владел большими земельными угодьями. Может быть, его втайне тревожили мысли, что вся эта афинская беднота вдруг вздумает отнять у землевладельцев их земли. Так не лучше ли избавиться от этой голытьбы, поселив подалее от Афин?..

Исократ настаивал на этом — надо идти войной против персов. Но кто может возглавить объединенное эллинское войско?

Филипп македонский. Потому что в Элладе таких полководцев, как он, нет. А те эллины, которые могли бы взяться за это дело, или умерли, или убиты в бесконечных войнах эллинских государств.

Выступал за Филиппа и оратор Эсхин, бывший актер. Речь его была пленительна, хотя и не слишком глубока. Демосфен ненавидел Эсхина за то, что он защищает Филиппа. Речи Исократу тоже возмущали его. Как можно допустить, чтобы этот наглец и обманщик Филипп стал их военачальником, чтобы этот варвар стал вождем их эллинского войска!

— Наоборот, надо заключить союз с персидским царем,— говорил Демосфен,— склонить к союзу с Афинами Фивы и, объединившись, выступить против Македонии и разбить Филиппа.

Был среди афинских ораторов еще один пламенный политический деятель — Эвбул, очень богатый человек. Он тоже стоял на стороне Филиппа. Когда Демосфен призывал к войне с Македонией, Эвбул доказывал, что воевать с Македонией не надо.

Эвбул ведал денежной кассой Афин. Он увеличил раздачу денег народу — каждый афинянин, не имеющий ни земли, ни заработка, получил от государства деньги на жизнь и на зрелища. Народ был доволен законом, который провел Эвбул. Богатые рабовладельцы довольны потому, что деньги эти брались из военного бюджета, а не у них. А беднота была довольна потому, что теперь получала денег больше.

И когда Демосфен в своей Третьей Олинфской речи стал доказывать, что нельзя тратить деньги на зрелища, которые нужны для вооружения, его не захотели слушать. А чтобы неповадно было выступать против этого постановления, Эвбул предложил специальный закон: если кто-нибудь еще выступит против, тому смертная казнь.

Не согласен был с Демосфеном, когда тот громил в своих речах Филиппа, и старый оратор Фокион. Он долго был военачальником и теперь хорошо понимал, что Македония гораздо сильнее их и что сражаться с Филиппом не имеет смысла.

Все эти ораторы были пылкого характера и часто в своих дискуссиях доходили до яростной брани.

— Эсхин — бессовестный и проклятый сикофант¹, — кричал Демосфен, — крохобор, площадной крикун, жалкий писарь! Он

¹ С и к о ф а н т — профессиональный доносчик и соглядатай в Афинах.

дрянной и негодный от природы человек, он виновник гибели людей, областей, государств! Эсхин — это лиса, настоящая трагическая обезьяна, ведущая жизнь зайца, проклятый злобный человек!

— Демосфен — вероломное создание,— кричал в свою очередь Эсхин,— рабская натура, сикофант, болтун, неполноправный¹ гражданин, негодный человек из всех эллинов, бесстыдный, неблагодарный обманщик и негодяй!

Так, пока в Афинах ораторы без конца выступали, кто за Филиппа, кто против, кричали и бранились, Филипп в это время воевал в Иллирии и захватывал все новые земли, новые города.

Наконец было решено заключить всеобщий мир. Посланцы Филиппа явились для этого в Афины.

Посол Филиппа Пифон сказал:

— Македонский царь намерен оказать Афинам большие благодеяния и готов выслушать афинские предложения.

Афиняне ответили:

— Обе стороны должны иметь то, что всегда принадлежало им по праву. Остальные эллинские государства должны быть свободны и автономны. И если на них нападут, им должна быть оказана помощь.

Македоняне с этим согласиться не могли. Если принять такие условия, то Филиппу придется отказаться от всего Фракийского и Македонского побережья, которое он захватил, и вернуть все завоеванные города.

Послы Филиппа, ни о чем не договорившись, уехали домой.

БУКЕФАЛ

Филипп залечивал рану. Он вернулся из Иллирии с перебитой копьем правой ключицей. Царь не любил болеть, не терпел бездействия. Но он не мог сейчас держать в руке ни меча, ни сариссы.

Жизнь во дворце была такой же шумной, как всегда, когда Филипп возвращался домой. Сейчас у него было полно гостей — в Пеллу приехали афинские актеры, музыканты, философы, ученые.

¹ Оратор Эсхин утверждал, что бабушка Демосфена — скифянка, а значит, Демосфен не является эллином чистой крови.

Филипп был отважен в бою, безудержен на пиру. Но, прекрасно для своего времени образованный, он любил музыку, ценил литературу, беседы с учеными людьми доставляли ему наслаждение. Филипп вводил в свою довольно дикую страну эллинские обычаи, эллинскую культуру, эллинский язык.

Македонские цари издавна стремились привлечь к своему двору замечательных людей Эллады. В Македонии жил когда-то Меланипид, дифирамбический поэт с острова Мелоса, лучший лирик своего времени. Приезжал сюда и великий врач Гиппократ.

Царь Архелай, дед Филиппа, широко и радушно приглашал к себе философов и писателей. Софокл отклонил его приглашение. Сократ тоже не поехал в Македонию. Но трагик Агафон, эпический поэт Хойрил, музыкант и поэт Тимофей, художник Зевксис — все они подолгу жили у этого просвещенного и деятельного царя. Великий Еврипид¹ провел у него свои последние годы жизни и умер в Македонии.

Филипп с такой же щедростью принимал у себя выдающихся людей.

Дни проходили весело, пестро, разнообразно. То разыгрывалась пьеса, то ученые, друзья Филиппа, вели увлекательные беседы на самые различные темы, то пели певцы под нежный звон кифар...

В царском мегароне всегда толпилась молодежь, дети знатных македонян. Филиппу это нравилось — пусть они учатся, развиваются, воспитывают свой вкус. На его вечерах неизменно присутствовал и Александр со своими товарищами и друзьями. И всегда рядом с ним был его лучший друг, красивый кудрявый Гефестион.

Однажды, вскоре после полуденной трапезы, во дворец пришел фессалиец Филоник.

Фессалия славилась своей конницей. В обширных долинах и равнинах, богатых пастбищами, фессалийцы выращивали коней необыкновенной красоты и выносливости. Сами они, отважные всадники, не расставались с лошадью ни в походах, ни в мирные времена. Оттого и сложилась в древности легенда, что в долинах Фессалии жили кентавры².

— Царь, я привел тебе коня, — сказал Филоник.

— Коня? Но разве у меня нет коней?

¹ Еврипид — древнегреческий драматург.

² Кентавр — получеловек-полулошадь.

— Таких у тебя нет и не будет.

Филипп усмехнулся. Окруженный гостями, он вышел во двор.

Солнце уже свалилось к западу, но лучи его были еще жарки и ослепительны.

У Александра, когда он увидел коня, забилося сердце. Это был великолепный вороной конь с огненными глазами и с белой звездой на лбу.

— Его зовут Букефал¹,— сказал фессалиец.— Видишь, какой у него широкий лоб? Как у быка. Хвалить не буду, он в похвалах не нуждается.

Конь в похвалах не нуждался. Он танцевал, ему не хватало терпения стоять на месте. Мускулы играли под его блестящей шерстью.

— Сколько же ты хочешь за своего Букефала? — спросил Филипп.

— Тринадцать талантов.

— Тринадцать талантов за одного коня?

— Да, за одного коня. Но такой и есть только один.

— Посмотрим, каков он в беге.

Испытывать коня отправились в поле, на широкую зеленую равнину, охваченную солнцем.

Молодой конник из свиты царя подошел к Букефалу, схватил за узду и вывел на равнину. Но, когда он хотел сесть на него, Букефал с диким ржанием встал на дыбы и отпрянул в сторону. Этер кричал на коня, стараясь усмирить, затягивал узду. Но от этого конь впадал в ярость и каждый раз, как только конник намеревался вскочить на него, взвизывался на дыбы.

Подошел другой этер, более опытный, более суровый. Но сколько он ни боролся с Букефалом, конь и ему не покорился.

Филипп начинал хмуриться. Если бы не рана, он бы сам попробовал укротить коня. А этеры выходили к Букефалу один за другим и возвращались, ничего не добившись.

Филипп рассердился.

— Веди отсюда своего коня,— сказал он фессалийцу,— он же совсем дикий!

Тут Александр не выдержал:

— Какого коня теряют эти люди только потому, что по

¹ Б у к е ф а л — быкоглавый.

собственной трусости и неловкости не могут укротить его!

Филипп сверкнул на него взглядом, но промолчал. Молодые македоняне-этеры были смущены. Попытались еще один-другой сладить с конем. И не могли.

— Эх,— с досадой опять сказал Александр,— какого коня лишаетесь вы, и только потому, что не умеете ездить и трусите!

Филипп прикрикнул на него:

— Ты упрекаешь старших, как будто больше их смыслишь или лучше их умеешь обращаться с конем!

— С этим, по крайней мере, я справлюсь лучше, чем кто-либо другой!

— А если не справишься — какое наказание понесешь ты за свою дерзость?

— Клянусь Зевсом, я заплачу то, что стоит конь!

Все вокруг засмеялись.

— Хорошо,— сказал Филипп,— спорим на тринадцать талантов!

— Спорим!

Александр сразу бросился к Букефалу. Крепко схватив за узду, он поставил коня против солнца — Александр видел, что конь пугается своей тени, которая мечется перед ним по траве.

Потом позволил ему бежать и сам побежал рядом, не выпуская узды, и все время ласково поглаживал коня, успокаивал его. А когда увидел, что Букефал успокоился, дышит глубоко и ровно, Александр сбросил с себя плащ и прыжком взлетел на коня. Конь рванулся. Александр сначала слегка сдерживал его, натянув поводья, а когда почувствовал, что конь рвется бежать, дал ему волю, да еще и крикнул на него, ударив по бокам пятками. Конь, вскинув голову, птицей полетел по зеленой равнине.

У Филиппа дрогнули и сомкнулись брови. Все кругом умолкло, затаив дыхание, охваченные тревогой и страхом. Александр уходил из их глаз, исчезая в знойном мареве долины. Казалось, что он сейчас исчезнет совсем и больше не вернется.

Прошло несколько страшных мгновений. И вот вдали снова показался всадник на вороном коне. Конь бежал красиво, словно летел на невидимых крыльях, а мальчишка сидел на нем как влитой — сияющий, гордый, торжествующий.

Царская свита закричала, приветствуя Александра. А Филипп прослезился.

Когда Александр соскочил с коня, Филипп обнял его и поцеловал.

— Ищи, сын мой, царство по себе,— сказал он,— Македония для тебя слишком мала.

АРИСТОТЕЛЬ

Хоть и мало Филипп бывал дома, но за развитием и воспитанием сына он зорко следил.

Чем старше становился Александр, тем серьезней задумывался Филипп: кого пригласить к Александру учителем? Александра учат музыке, декламации. Он много читает. Ему еще только тринадцать лет, а он уже отлично стреляет из лука, бросает копье, скачет на лошади, как самый опытный конник. А бегают он так, что никто из товарищей не может его догнать...

Но все это поверхностно и примитивно по сравнению с тем, что может дать человеку настоящая эллинская культура. Сам Филипп был хорошо образован и хотел, чтобы сын его получил такое же образование и, если можно, еще лучшее.

Кого пригласить? Характер у его сына таков, что не каждый с ним справится,— пылкий, своенравный. Глядя на его горделивую осанку, слыша зачастую строптивые его речи, Филипп не раз бормотал себе в усы слова Софокла:

«...Кормило нужно тут и твердая узда».

Как-то Филиппу случилось встретиться с атарнейским царем Гермием, который был его союзником.

Между деловыми разговорами Филипп спросил, не знает ли Гермий достойного учителя, которого можно пригласить к Александру.

— Знаю! — живо ответил Гермий.— Таким достойным учителем может быть мой друг и родственник Аристотель.

Аристотель! Теперь и Филипп вспомнил о нем. Отец Аристотеля Никомах когда-то жил в Македонии при дворе царя Аминты, отца Филиппа.

— Аристотель? Так ведь мы росли вместе с ним! Да, этот человек будет хорошим учителем и воспитателем. Я уже слышал о нем, о его мудрости, о его учености!

Аристотель в это время жил в городе Митилене, на Лесбосе. Сюда и прибыли к нему посланцы Филиппа с приглашением в Пеллу.

Аристотель тогда был очень занят — он наблюдал жизнь морских животных и писал о них книгу. Остров, омываемый прозрачно-синей водой Эгейского моря, очень подходил ему для его занятий.

Но Филиппу он отказать не мог. Потянуло в знакомые места, озаренные светлыми воспоминаниями о днях юности, когда мир казался загадочным и прекрасным. Как-то выглядит сейчас Филипп? Он был рослый, красивый и очень любил военную науку. И недаром — Филипп стал завоевателем. Как смеялся он, бывало, над Аристотелем, вечно размышлявшим о непонятных вещах — об устройстве Вселенной. Куда уходит солнце и откуда появляется? На чем держатся звезды?

С тех пор прошло немало лет. Аристотель многое понял, до многого додумался. Многое изучил.

А Филипп завоевал много городов, покорил много народов. Ну что ж, каждый делает свое дело.

Аристотель не раздумывая собрался в путь и отправился в Пеллу.

Александр с затаенным волнением ждал нового учителя. Когда во дворе по каменным плитам застучали копыта лошадей, Александр вышел из мегарона и встал под портиком. Ему хотелось увидеть Аристотеля прежде, чем тот увидит его.

Люди, сопровождавшие Аристотеля, помогли ученому сойти с коня — видно было, что этот нарядно одетый, небольшого роста человек не очень-то ловок в обращении с лошадьми.

Ему было лет сорок. Горбоносое лицо с очень маленьким ртом. На широком лбу с морщинами уже сквозят залысины, белокурая борода аккуратно подстрижена...

Аристотель отряхнул свой алый, с черной каймой плащ, поправил золотую цепь на груди, оглянулся и тут же увидел Александра. Александр покраснел и выступил вперед. Они секунду смотрели друг на друга. Александру показалось, что небольшие темно-голубые глаза Аристотеля глядят в самую глубину его души, его мыслей...

Не успели ученик и учитель и слова сказать, как во двор вышел Филипп. Он встретил Аристотеля самой любезной из всех своих улыбок, обнял его и поцеловал.

— В этот день они долго сидели в мегароне с кубками вина, вспоминали дни своей далекой юности. Аристотель переоделся к обеду. Поредевшие пряди завитых волос он начесал на лоб, чтобы скрыть залысины. На руках у него сверкали перстни с

крупными драгоценными камнями. Аристотель следил за своей внешностью и любил одеваться пышно.

— Как ты вспомнил обо мне? — спросил Аристотель. — Ученых в Элладе много. Например, великий философ Платон. Я сам хотел у него учиться, но когда я приехал в Афины, оказалось, что он отправился в Сицилию.

— А, Платон! — усмехнулся Филипп. — Философ, который утверждает, что человек — это животное двуногое и беспёрое... Я слышал, что Диоген принес ему ощипанного петуха и сказал: «Вот человек Платона!»

Оба рассмеялись.

— Но мне кажется, что он более созвучен твоему этос, Филипп.

— Моему этос, моему характеру. Почему же?

— Ты царь. И ты поймешь его. «Смешна огромная толпа, — говорит он, — которая думает, что она хорошо может судить о том, что гармонично и ритмично, а что нет».

— Он прав. Потому Афины и проигрывают битвы, что там управляет толпа.

— Эллины проигрывают битвы, потому что они разрознены. Если бы эллины составляли одно целое государство, они могли бы властвовать над всей вселенной.

— Пока они объединятся — а этого никогда не будет, — вселенную буду завоевывать я.

— Да, я слышал о твоих... так сказать... блистательных делах. Кстати, ты разорил Стагиру, родину моих отцов.

Филипп сделал грустное лицо.

— Да, — вздохнул он, — я разорил Стагиру. И очень сожалею. А что было делать? Город сопротивлялся. Но то, что я разорил, я же могу и восстановить. — И переменял разговор: — Так ты спрашиваешь, почему я пригласил именно тебя? Во-первых, потому что слава о твоей учености уже широко идет по всей Элладе. Во-вторых, твой отец был другом моего отца, а ты был моим другом. В-третьих, мне посоветовал обратиться к тебе Гермий, атарнейский царь. Ведь ты одно время жил у него. И кажется, вы с ним в родстве?

Аристотель опустил глаза, словно разглядывая светящееся в золотой чаше вино.

— Несчастный Гермий погиб. Ты знаешь об этом?

— Я знаю. Персы увезли его в Сузы. Пытали и потом казнили.

— За связь с тобой, Филипп.

— За связь со мною!.. Я царь в своем царстве. Он был царем в своем царстве. Все царства так или иначе общаются между собой!

— Но его обвинили в том, что он вместе с тобой составил заговор против Персии.

Филипп возмущенно пожал плечами:

— О чем ты говоришь? Я не знаю ни о каком заговоре!

Аристотель внимательно поглядел на него. Единственный глаз Филиппа, голубой, как небо, светился искренним недоумением.

Но Аристотель видел, что Филипп откровенно обманывает его.

— Ну, как твоя склонность к философии? — снова переменял разговор Филипп. — Большую ли услугу оказала она тебе в жизни?

— Может быть, она-то и оказала мне самую большую услугу, — задумчиво ответил Аристотель. — Эта наука помогает думать, размышлять, наблюдать... Чему же ты хочешь, чтобы я учил твоего сына?

— Всему, что знаешь сам. А главное — воспитай его настоящим эллином.

— Но как же иначе, Филипп? Эллины остаются эллинами. А варвары — варварами. И забывать этого нельзя.

— Вот что еще меня очень сильно интересует, — сказал Филипп, — как ты смотришь на устройство государства? Может быть, ты демократ, Аристотель?

— Я думаю, Филипп, — осторожно ответил Аристотель, — что самое лучшее устройство государства — это небольшой полис: то есть государство-город, в котором первое место принадлежит средним слоям населения — ни очень богатым, ни очень бедным. Ведь хорошее государство больше всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы...

— Значит, ты считаешь монархию противоестественным политическим строем?

Филипп напряженно ждал ответа.

— Я считаю, что монархия — это нормальный строй, — уклончиво сказал Аристотель, — ненормальным строем я считаю тиранию. Тирания — это строй противоестественный. Ведь тиран должен все время следить за своими подданными — чем они занимаются, о чем говорят... Ему приходится возбуждать

среди своих подданных взаимную вражду, чтобы эта вражда не обратилась против него самого. Тиран разоряет своих подданных, чтобы содержать для себя охрану да и чтобы народ, занятый заботами о повседневном пропитании, не имел досуга замысливать заговоры против своего правителя.

— Я рад, что ты не порицаешь монархию. Чем была Македония до меня? Чем бы она была, если бы у нее не было такого царя, как я? Сейчас по военному могуществу кто сравнится с моим государством?

— Это так, Филипп. Но если государство обращает внимание лишь на подготовку своих военных сил, то оно держится, пока ведет войны, и гибнет, лишь достигнет господства: во время мира такие государства теряют свой закал, подобно стали. Подумай об этом.

Филипп задумался.

— Решим так, Аристотель,— сказал он потом,— обучай моего сына разным наукам — как царя. Но муштруй его — как простолудина. А управлять государством я научу его сам.

В тот же вечер во дворце был большой пир, затянувшийся до рассвета. Филипп дал себе волю. Он много пил, громко хохотал над грубым шутовством уличных мимов, шумно приветствовал флейтисток и танцовщиц, увеселявших гостей.

Чад и дым очага, звон кифар и свист флейт, неслаженные песни, крики, хохот... И царь и его гости самозабвенно веселились. Аристотель в раздумье смотрел на них, изредка пригубливая чашу.

Тринадцатилетний Александр, несмотря на требования Леонида уйти в спальню, сидел за столом, угрюмо глядя на это необузданное веселье. Аристотель подошел к нему, положил ему руку на плечо. Александр встал, губы его дрожали.

— Тебе нравится это, Александр?

— Нет.

— Зачем же ты сидишь здесь?

— Я хочу понять, почему отец предпочитает их всех — и этих флейтисток — моей матери?

— Уйдем, Александр. На такие вопросы еще ни один человек не мог дать ответа.

МИЭЗА

Аристотель без труда доказал Филиппу, что ему и Александру надо куда-нибудь уехать из Пеллы.

— Шумная жизнь твоего двора будет мешать занятиям.

Филипп охотно согласился с ним. Его и самого смущало присутствие сына на его пирах.

Филипп поселил их недалеко от Пеллы, в маленьком городке Миэзе на реке Стримоне. Александру казалось, что он вырвался из душного, тесного гнезда на свежий воздух, на волю. Вместо шума угарных отцовских пиров — серебристый шум реки, широкой и быстрой; вместо городских стен, замыкающих горизонт, — вершины Кабунских гор, одетых лесами. А если повернуться лицом к югу, то перед глазами высоко в небе засияет белая глава Олимпа, покрытая вечным снегом... Какая бы ни стояла жара, с Олимпа всегда веет хрустальной прохладой. Александр наслаждался этой прохладой, — и у него от рождения была очень горячая кожа. Говорили, что это свойство и делает его таким вспыльчивым.

В этом мирном уголке стояла полная тишина. Только ветер шумел в лесах, да пели птицы, да позванивал где-нибудь в ущелье небольшой водопад. Тихо было и в самой Миэзе, с ее маленькими домами, слепленными из глины, окруженными каменными стенами. Эти стены делали улицу слепой и пустынной; вся жизнь проходила во дворах — там жили, варили пищу, растили детей.

Мужчин в селах оставалось немного, Филипп взял в свои войска всех, кто в силах держать оружие. Остались старики, женщины, дети. Но они не бросили землю незасеянной. В долине, особенно по берегам Стримона, на тучных полях колосились пшеница и усатый ячмень, наливались сочные плети гороха... На склонах гор, укрытых густой травой до самой кромки леса, паслись стада — лошади, коровы, овцы, козы... Выше стадам подниматься было опасно — в лесах было полно зверья, дикие кабаны бродили в горах, волки, медведи, барсы. Даже львы водились там. Рассказывают, что они нападали на верблюдов, когда войска царя Ксеркса проходили по македонским лесам.

Вместе с Александром в Миэзу были отправлены и его товарищи, сверстники, сыновья македонской знати: Филота, сын полководца Пармениона, Нearch — критянин из богатой семьи мореходов, Гарпал, Эригий, Лаомедонт... И всегда рядом с ним.

всегда возле него, осторожный, ненавязчивый, но неизменно ласковый и мягкий, был его любимый друг Гефестион.

Здесь, в Миэзе, хозяином и властелином их стал Аристотель.

Занимались они в Нимфайоне, святилище нимф, окруженном красивой светлой рощей. Учитель и ученики гуляли по дорожкам. Учитель читал им лекции, тут же объяснял непонятное и отвечал на вопросы. Иногда, если учитель утомлялся, они усаживались на каменные скамьи, стоявшие под широкими нарядными кронами старых лип или ясеней, и продолжали занятия. Если шел дождь или слишком палило солнце, уходили в тень портиков, колонны которых белели среди зелени.

Александр жадно слушал лекции Аристотеля. Всеобъемлющие знания учителя восхищали его, вызвали большое уважение, из которого рождалась сердечная привязанность. Его привлекал холодноватый, уравновешенный характер Аристотеля. Александр старался уяснить себе: как это можно сохранять такое постоянное спокойствие? Ни своеволие, ни упрямство, ни бешеный гнев, который, словно пожар, охватывал иногда Александра, не могли вывести из себя его мудрого учителя. Александру все нравилось в этом человеке. И даже то, что он любит пышно одеваться, украшать себя золотыми цепями, носить золотые перстни и драгоценные камни, хотя другие ученики, да и сам Александр, тихонько посмеивались над этой слабостью: такой старый человек, философ, ученый, а наряжается, будто женщина!

Аристотеле преподавал самые разнообразные предметы: историю Эллады и Персии, физику, географию, естествознание, астрономию... Он рассказывал о происхождении животных, об устройстве земли, об устройстве Вселенной — все, что в то время было известно ученым и что открыл он сам, и в том виде, как это им представлялось и как представлялось ему самому. И какой бы науки он ни касался, всегда оказывалось, что тут он знает больше, чем знало в ту пору человечество. Аристотель учил и риторике — это тоже входило в систему образования. Считалось, что человек, не владея красноречием, ничего не сможет достичь в жизни.

Вот они идут по дорожке, устланной резной тенью деревьев и солнечными пятнами. Аристотель говорит, юноши слушают. Кто внимательно, кто рассеянно. Александр слушает, наморщив брови и крепко сжав губы, запоминает. Ему риторика необходима, потому что достигнуть ему нужно очень многого.

— Значит, первое: подобрать необходимый материал,— повторял про себя Александр,— второе: составить план; третье — постараться, чтобы речь была ясной, отчетливой, музыкальной; четвертое — заучить всю речь наизусть и пятое — разыграть ее с мимикой и жестикуляцией, подобными актерской игре...

Александр старательно учился этому искусству. Он слышал и видел, как прекрасно говорит его отец царь Филипп и как многих он убеждает в том, в чем хочет убедить. Великая сила красноречия, удивительная сила, похожая на колдовство. Вот, например, не так давно у Филиппа были афинские послы. Приехали договариваться о мире. Среди них был Эсхин, красивой осанки и благородного вида человек, друг Филиппа. И был среди послов неумный враг Филиппа — Демосфен. Он вошел с нахмуренным лбом и угрюмым взглядом.

Среди македонских вельмож тогда пронесся опасливый шепот. Вопрос должен обсуждаться важный: заключить мир так, как хотят афиняне, или так, как хочет Филипп. Если бы пришли обычные послы, пусть даже и недоброжелательные, Филипп уговорил бы их. Но как он уговорит Демосфена?

Филипп появился перед ними роскошно одетый, мужественно красивый, несмотря на черную повязку, закрывающую глаз, чрезвычайно веселый и любезный. Он принял послов, как самых дорогих гостей, предоставил им и отдых, и ванну с дороги, и богато накрытый стол.

А когда началась настоящая серьезная беседа, Филипп был так красноречив, так остроумен и так дружелюбен с Демосфеном, что тот совсем был сбит с толку. Он смущался, заикался, не знал, что отвечать... И словно забыл все речи, которые готовил, собираясь в Пеллу, словно растерял все громы и молнии, пока ехал сюда. А ведь он для того и включился в посольство, чтобы не дать Филиппу одурачить афинян.

Как подсмеивались потом в Афинах его враги, как язвительно он издевался Эсхин!

Говорят, что послы были очарованы Филиппом и, вернувшись в Афины, без конца восхищались им: он так образован, он так любезен, он так умен!

Демосфен угрюмо упрекал:

— Вы только занимаетесь сказками и не хотите видеть настоящего положения дел!

Получается, что Демосфен-то видел настоящее положение дел, но против красноречия Филиппа оказался бессильным.

Вот они идут по дорожке... Аристотель говорит, юноши слушают.

Да, риторике Александру надо учиться. Царям красноречие необходимо — это искусство тоже помогает управлять государством.

В свободное от занятий время Аристотель писал книгу о животных. Нужный для книги материал он собирал всюду. Расспрашивал рыбаков о повадках рыб и других морских животных. Разговаривал с охотниками, с пастухами. Вместе с пасечниками наблюдал таинственную жизнь пчел.

Он вскрывал трупы жертвенных или погибших от болезни овец, чтобы увидеть устройство их внутренних органов. Анатомировал глаз крота, чтобы понять, как он приспособлен для жизни этого животного под землей. Тем же путем терпеливого наблюдения он определил, когда у куриного зародыша начинает биться сердце. Он долго наблюдал сома, оберегающего икру. Ему нужно было знать, как устроен жевательный аппарат у ежа и одинаково ли поет соловей весной и летом...

— Не следует ребячески пренебрегать изучением незначительных животных,— говорил он,— ибо в каждом произведении природы найдется нечто достойное удивления.

Аристотель открывал перед Александром множество тайн природы, которых в те времена еще никто не знал.

— ...Все животные имеют прирожденную способность ощущать перемены тепла и холода; и как люди, которые либо прячутся зимой в домах, либо проводят лето в более холодных местностях, а зимуют в более теплых, так и животные способны это делать, меняют место... Журавли улетают со скифских равнин на болота, расположенные выше Египта, к истокам Нила... А пеликаны переселяются и улетают с реки Стримона на Истр¹, где производят потомство... И рыбы точно так же уплывают из Понта и плывут обратно в Понт. Другие зимой плывут к берегам, ища тепло, а летом от берегов, спасаясь от жары... И всегда более слабые животные первые начинают переселение — так, макрели переселяются раньше, чем тунцы, и перепела раньше, чем журавли, ибо те улетают в месяце баэдромии, а эти — в маймактерий².

¹ Истром тогда называли Дунай.

² Баэдромий — с 22 августа по 22 сентября. Маймактерий — с 22 октября по 22 ноября.

КАК УСТРОЕН МИР

Как устроена Вселенная? Где кончается ойкумена — обитаемая земля? Велика ли она со всеми своими странами и народами?

На эти вопросы Александру нужен был немедленный и очень конкретный ответ. Если царь Филипп завоюет все близлежащие страны, что останется завоевывать ему, Александру?

Еще в шестом веке до нашей эры философы, жившие в Ионии, на азиатском берегу, стали задумываться над вопросами: из чего состоят небесные тела — Солнце, Луна, планеты? Старались понять, какую форму имеет Земля. И как устроена Вселенная.

Они уже допускали, что объяснить устройство Вселенной можно и без участия богов. Еще тогда они Вселенную называли «космос», что значит — порядок.

Раньше ученые считали, что Земля — это плоский диск, немного вогнутый и наклоненный к югу из-за пышной растительности жарких стран. Но теперь и в этом начали сомневаться...

— Великий ученый был Фалес из Милета,— рассказывал Аристотель своим ученикам, гуляя по тенистой дорожке. Внимательное молчание окружало его. И только поскрипывание по песку изящных сандалий Аристотеля вторило его речи.— Раньше считали, что Земля прикреплена к небу. Но Фалес сказал, что Земля плавает на воде, подобно куску дерева.

— Это правда? Это так и есть?

Большие глаза Александра требовали точного ответа.

— Нет, это не так. Земля — шар и висит в пространстве свободно, без всякой опоры.

— Значит, Фалес ошибался? Тогда почему же он великий?

— Он принимал на веру то, что утверждали ученые до него. Но он открыл великую тайну, что океан — это прародитель всех вещей. И его ученик Анаксимандр подтвердил это. Он сказал, что животные возникли во влаге и затем вышли на сушу. И что даже человек ведет свое происхождение от этих рыбоподобных существ. И о том, что Земля свободно висит в пространстве,— тоже догадка Анаксимандра, и догадка гениальная, она открыла дальнейшую дорогу науке.

— А почему ты думаешь, учитель, что Земля — шар? Она же плоская!

— Даже большие ученые, Александр, долго считали, что Земля плоская. Анаксимен, например, считал, что Земля такая же плоская, как тонкая широкая плита. И что Солнце проходит не под Землей, а вокруг нее. А почему Солнце не видно ночью? Да потому, что оно скрывается за горами.

— А разве это не так?

— Величайший ученый Анаксагор, из города Клазомены, думал, что Земля — это вогнутый диск. Анаксагора изгнали из Афин за то, что он не считал небесные светила божествами. Он говорил, что Солнце — это громадный раскаленный кусок железа. Он говорил также, что Луна — это другая Земля, с горами, с равнинами и даже с обитателями, и что она свой свет получает от Солнца. Анаксагора предали остракизму¹.

Аристотель, опустив голову, задумался. Ученики вокруг негромко переговаривались, спорили. А иные молчали, стараясь усвоить то, что рассказал Аристотель. Но Александр хотел добиться своего:

— А все-таки почему же ты, учитель, думаешь, что Земля круглая?

— То, что Земля круглая, первым понял Пифагор. — Аристотель отвечал охотно, его радовала настойчивая любознательность Александра. — Пифагор, тоже иониец, — эта страна богата мудрецами, — Пифагор считал, что совершенные фигуры — это шар и круг. «Значит, — говорил он, — Земля должна представлять собой шар и двигаться по кругу». А еще он говорил, что Земля движется вокруг центрального огня, потому что центр — наиболее достойное положение, а огонь наиболее достоин занимать это место. И поэтому он утверждал, что Земля обходит этот огонь с запада на восток в течение суток, а Солнце обходит его в течение года.

— А где он, этот огонь? Почему мы его не видим?

— Пифагор говорил, что наша сторона земного шара всегда от него отвлечена. А я говорю — мы его не видим, потому что его нет.

— А почему же ты, учитель, все-таки знаешь, что Земля — шар?

Аристотель одобрительно кивнул головой.

— Ты умеешь добиваться своего, Александр. Так вот, я видел затмение Луны. А тень, которую Земля отбрасывала на Луну, была круглая. Пока все. Идите в палестру, друзья.

¹ О с т р а к и з м — изгнание на определенный срок.

— Нет, нет! — поспешно остановил его Александр.— Ты, учитель, еще не рассказал, где кончается ойкумена!

— В другой раз.

— Но я хочу знать, велика ли Земля и много ли на ней царств?

Аристотель привел его в портик, где стояли скамьи и стол на трех ножках. На столе лежали бронзовый шар и бронзовая дощечка. Над столом висела на стене белая доска для чертежей. Аристотель взял со стола бронзовую дощечку, на которой была выгравирована карта Земли — суша, реки и океан, окружающий ойкумену.

— Видишь, Александр? Когда-то такую карту сделал ученый-географ Гекатей. Вот Земля — ойкумена. Вот Эллада. Вот Македония. Море. А это огромное пространство Земли — Персия. Персию такой огромной сделал персидский царь Кир. Он покорил множество царств, объединил их. Я тебе уже рассказывал о царе Кире.

— Да, я все знаю про царя Кира, учитель. Значит, это и есть Персия,— повторил Александр.— Она очень большая. А что за Персией?

— Тут — Индия.

— А за Индией?

— За Индией, как видишь,— ничего. Океан. А в этой стороне — Египет. Но говорят, что в Индии, так же как и в Египте, водятся слоны,— очевидно, эти земли где-то соприкасаются друг с другом. Но эта карта Гекатея несовершенна.

Александр долго разглядывал бронзовую дощечку. Потом положил ее на стол со вздохом облегчения.

— Земля не так велика, и царств не так много. Я завоюю их все. И на всей земле будет только одно царство — мое, царя Македонского.

Аристотель с любопытством поглядел на него. Александр стоял перед ним сильный, крепкий, с решительным лицом, с глазами светлыми, зоркими и непреклонными...

— Может быть, может быть...— задумчиво сказал Аристотель.— Победа над персами с тем войском, которое создал царь Филипп, вполне возможна. Но я полагаю, что это не приведет ни к чему хорошему.

Александр промолчал. На этот счет у него было свое собственное мнение, которого никто не мог поколебать.

«ИЛИАДА»

Здесь, в зеленой тишине Нимфайона, Александр повторял за своим учителем гремящие строфы Гомера:

Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына.
Гнев проклятый, страданий без счета принесший ахейцам,
Много сильных душ героев пославший к Аиду,
Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным
Птицам окрестным и псам. Это делалось волею Зевса.

Аристотель сам переписал «Илиаду» для Александра.

Александр был ошеломлен огромным миром, который раскрылся перед ним. Боги, люди, отважные герои, битвы, переплетение чувств, страстей, счастья и страданий... И снова битвы. И снова битвы.

С дрожью сердца он встретил здесь обожаемого героя Ахиллеса, о котором пела мать над его колыбелью, о котором рассказывала, когда Александр подрос. Но разве могла женщина в гинеее рассказать о нем так, как поведал великий Гомер!

Аристотель и сам страстно любил поэмы Гомера. Преподавание поэзии он начал вот с этих его величавых строф:

Пой, богиня, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына...

Александр слушал стихи, как музыку. И не просто как музыку, он слушал их как откровение воину, вождю:

...Ахейцы поспешно надели доспехи.
Тут не увидел бы ты Агамемнона, сына Атрея,
Дремлющим, или трусливым, иль кинуться в бой не хотящим.

О том, как Агамемнон, оставив «яро храпящих коней» и колесницу,

...Сам же пешком обходил построения ратей ахейских.
Тех быстроконных данайцев, которые в бой торопились.
Их ободрял он словами и с речью такой обращался:
— Воины Аргоса, дайте простор вашей удали буйной!
Зевс, наш отец, никогда вероломным защитой не будет.

Тех, кто священные клятвы предательски первый нарушил,—
Будут их нежное тело расклеивать коршуны в поле,
Их же цветущих супруг молодых и детей малолетних
В плен увезем мы в судах, как возьмем крепкостенную Троию.

Александр жадно читал и перечитывал описание боев, заучивал то, что особенно поражало воображение и перекликалось с его тайными замыслами. Он забывал обо всем, сидя над «Илиадой»,— и где он, и с кем он. Александр в ахейском войске сражался против Трои.

...Вот уже в месте едином сошлись враждебные рати,
Сшиблись разом и щитные кожи, и копья, и силы
Меднодоспешных мужей. Ударялись щиты друг о друга
Выпуклобляшные. Всюду стоял несмолкающий грохот.
Вместе смешалось все — похвальбы и предсмертные стоны
Тех, что губили и гибли. И кровью земля заструилась.

Аристотелю с трудом приходилось отрывать Александра от «Илиады».

Аристотель читал лекцию по физике, а у Александра звенели в голове «медью гремящие» строки... Силой воли он заставил себя прислушаться, о чем говорит учитель.

А учитель говорил интересные вещи.

— ...Природа постепенно переходит от предметов неодушевленных к животным,— говорил он,— и, таким образом, вследствие непрерывности остается скрытой граница между ними. Так за родом неодушевленных предметов прежде всего следует род растений... Переход от растений к животным непрерывен... Ведь относительно некоторых существ, живущих в море, можно усомниться, животные это или растения. Непрерывность, постепенность перехода из одного рода в другой — таковы черты живого мира.

Александр задумывался. Ему казалось, что перед глазами раздвигаются завесы. Так вот как устроен мир... И среди этого мира, полного еще не познанных тайн,— человек. Кто он? Что он?

И на это у Аристотеля был ответ.

— Человек — общественное животное,— говорил он,— в большей степени, чем пчелы и всякого рода стадные животные.

Один из учеников, хитроумный Неарх, однажды задал такой вопрос:

— Говорят, что больше всего надо любить своего друга. Но каждый человек самый лучший друг самому себе. Значит, надо больше всего любить себя? А тех, кто делает так, бранят, называют себялюбцами. Как же поступать?

Аристотель ответил на это охотно и с удовольствием. Он любил размышлять о поведении человека в жизни и любил говорить об этом со своими учениками.

— Есть люди, которые всю жизнь стремятся захватить для себя как можно больше всяких благ — почета, денег, наслаждений. Таких людей называют себялюбцами, и справедливо называют. Но можно ли приравнять к ним того, кто отвергнет деньги и почести, охотно отдаст имущество и лучше проживет один год, совершив великое, прекрасное деяние, чем многие годы бесцельно. От власти и почестей он откажется ради других. Но прекрасное оставит себе!

Александр внимательно слушал это поучение. И снова не согласился с учителем.

— Они охотно отдают имущество... — повторил он, обращаясь к Гефестиону, когда они вдвоем направлялись в палестру. — Я тоже могу отдать друзьям все... Но власть? Власть нужна мне самому. Кто же из вас лучше воспользуется властью, нежели я?

— Эти слова учителя относятся ко всем нам, — успокоил его Гефестион, — но не к тебе, Александр. Ты — сын царя. А царь без власти — уже не царь.

— Помнишь, Гефестион, как учитель однажды сказал: цель человеческого бытия — познания. А как же завоевания, подвиги, слава?

— То, что он сказал, так это для философов. А для царей другая мера. Ведь он и другое сказал: «Не одно и то же прилично богам и людям».

— Да, помню. Иногда мне кажется, что он готовит из меня философа, а не царя и полководца. Но он же сам дал мне в руки самое лучшее руководство воевать и побеждать — «Илиаду».

...В город вбежали троянцы, подобно испуганным ланям.

Пот осушили, и пили, и жажду свою утоляли,

Вдоль по стене прислонившись к зубцам. Приближались ахейцы, —

Двигались прямо к стене, щиты наклонив над плечами...

Я вижу себя среди них, Гефестион. Мы так же пойдем осаждать города. Мы завоюем весь мир. Ты же видел чертеж на медной доске? Ойкумена не так велика.

РАССКАЗ О ФЕРМОПИЛАХ

Аристотель преподавал также историю Эллады; о войнах рассказывал он, о героях, о том, как персы грабили и жгли Афины, о том, как защищались эллины и как они прогнали персов...

— Учитель, расскажи нам о таком героическом подвиге,— попросил Александр,— который остался прославленным на веки!

— Хорошо,— согласился Аристотель,— я расскажу вам о многих подвигах, совершенных эллинскими героями,— о битве при Саламине, о битве при Марафоне... Но сначала расскажу о подвиге Леонида, царя спартанского.

Фермопилы, как вам известно,— узкий проход между горами и морем, ведущий в середину Эллады. Когда персы на своих кораблях подошли к Фермопилам, эллины, которые собрались защищать проход, испугались и ушли.

А Леонид, царь спартанский, решил остаться на месте и загородить персам проход. Он послал гонцов в разные города за помощью, потому что войска у него было мало. Но в это время начался Олимпийский праздник, праздник всей Эллады, и города по этой причине не прислали войск.

Между тем царь персидский Ксеркс направил в Фермопилы соглядатая.

— Посмотри, что там делают эллины и большое ли у них войско.

Персидский всадник тихонько подъехал к лагерю Леонида, стоял и смотрел. Вернулся он удивленный.

— Царь, воинов там немного. И ведут себя беззаботно. Одни заняты гимнастическими упражнениями. Другие расчесывают себе волосы.

Ксеркс засмеялся:

— Так они готовятся умирать?

Он позвал к себе спартанца Демарата, который был изгнан из Спарты и жил при дворе персидского царя.

— Объясни мне их поведение.

— Царь,— сказал Демарат,— уж и прежде ты слышал от меня об этом народе. Ты смеялся надо мною, когда я говорил то, что предвидел. Люди эти пришли сражаться с нами и готовятся к бою. Таков у них обычай: когда предстоит рисковать жизнью, они украшают себе голову. Да будет тебе известно: если ты покоришь этих спартанцев и тех, что находятся в Спарте, то не останется ни одного народа, который решился бы выступить против тебя.

Ксеркс пренебрежительно отвернулся. Как могут эти люди, если их так мало, сразиться с ним?

Персидский царь четыре дня ждал, давая время эллинам убежать. На пятый день Ксеркс узнал, что они по-прежнему в Фермопилах.

— Ну, если они вследствие своей наглости и безрассудства все еще ждут сражения, пусть идут мидяне, захватят их живыми и приведут ко мне!

Но спартанцы встретили мидян боем. Сражение длилось с утра и до вечерней зари. Мидяне подступали и снова отходили, много теряя убитыми. Наконец отступили совсем.

Тогда Ксеркс послал к Фермопилам отряд «бессмертных» под командой Гидарнеса. «Бессмертные» пошли в бой чуть ли не с улыбкой,— что значит для них эта горсть людей, засевших у скал.

Но оказалось, что и «бессмертные» ничего не могут сделать. Они не могли двинуть на эллинов всю массу войска, теснина не давала им развернуться. К тому же копья у персов были короче, чем у эллинов. А спартанцы сражаться умели лучше, чем персы, хотя бы даже и «бессмертные».

Ксеркс сидел на холме, на заранее поставленном для него троне, и наблюдал битву.

В страхе, в изумлении он не раз вскакивал с трона, словно желая помочь своим.

В боях прошло два дня. На третий день персы снова начали сражение.

— Их немного,— сказал Ксеркс,— они измучены и изранены. У них больше не хватит сил сопротивляться.

Он не знал, что эллины разделились на отряды. Отряды эти сражались по очереди и по очереди отдыхали. А еще один

¹ «Бессмертные» — отряд отборного войска, где убитые тотчас заменялись другими воинами, так что число отряда не уменьшалось.

отряд послали на гору, чтобы охранять тропинку, по которой может подкрасться враг.

Ксеркс гневался, но что делать — не знал. И тут, как нередко бывало, к нему на помощь явилось предательство. К царю пришел малиец Эфиальт.

— Если ты дашь мне хорошую награду, я помогу тебе, — сказал он, — я проведу твоё войско к Фермопилам по тропинке через гору. И тебе больше не придется сражаться с эллинами, ты возьмешь их с тыла.

Ксеркс наградил Эфиальта. И в сумерки, когда начинают светиться звезды, а люди зажигают огни, Эфиальт повел персов по тайной тропе. Эту тропу знали только малийцы, которые жили в этих местах.

Там в горном ущелье течет река Асоп. От реки Асопа и начинается лесная тропа. Она поднимается на гору, идет по краю горы и сбегает к локридскому городу Альпене — первому городу со стороны Малии.

Персы в темноте переправились через Асоп. Они поднимались на гору всю ночь. Справа от них были темные, заросшие лесом вершины Этейские, а с левой стороны — Трахинские высоты. Шли молча, стараясь не загреметь оружием, не звякнуть копьем...

На горах лежала густая тьма, даже звезды не проглядывали сквозь высокие лесные кроны.

На рассвете персы вышли на вершину горы.

В этом месте как раз стоял спартанский отряд, стороживший тропу.

Персы шли молча. Но под ногами у них шумела прошлогодняя листва, и этот широкий шум услышали эллины. Они сразу схватились за оружие. И в это время персы появились перед ними.

Гидарнес, начальник персидского отряда, в изумлении остановился. Он не ожидал встретить здесь войско и построил свой отряд к бою. С визгом и воем полетели стрелы. Эллина побежали на самую вершину горы.

Но Гидарнес не стал преследовать их. Он поспешно повел свое войско вниз, туда, где укрепился отряд спартанского царя.

Спартанцы уже знали все. Еще ночью явились к ним вестовщики и сказали, что персы обходят гору. На рассвете прибежали воины с горных вершин, которые посланы были туда Леонидом.

А накануне жрец и гадатель Мегистия, после того как принес жертву и рассмотрел ее, сказал эллинам:

— На заре нам предстоит смерть.

Стали совещаться. Что делать? Одни говорили, что надо покинуть лагерь, все равно их смерть будет бесполезна. Другие возражали — они пришли защищать родину, значит, будут ее защищать.

Тогда Леонид сказал:

— Те, кто хочет уйти, пусть уходят. Но сам я не уйду, потому что считаю это постыдным. И если умру здесь за свое отечество, то на мою долю выпадет громкая слава, а слава Спарты приумножится.

Еще в те дни, когда персы только что подошли к берегам Эллады, пифия в Дельфах предсказала судьбу Леонида:

У вас, обитатели Спарты обширной, будет разрушен
Город большой ваш и славный мужами Персиды. Или — не будет.
Но тогда стогны твои, Лакедемон, оплакивать станут
Царя вашего смерть, из рода Геракла...

«Это моя судьба,— думал Леонид,— я тот царь из рода Геракла. Я умру, но сохранится Спарта».

Взошло солнце. Царь Ксеркс, по персидскому обычаю, совершил солнцу жертвенное возлияние. И сам повел войско.

Леонид отошел от узкой полосы берега, поставил отряд в более широком месте. Тут и произошло сражение. Персы гибли бесчисленно. А позади стояли начальники и бичами гнали их в бой.

Спартанцы дрались со всей отвагой, со всем мужеством, на какое были способны. У них сломались копья — они схватились за мечи. У кого не стало и мечей — дрались врукопашную.

Но враги окружили их со всех сторон и похоронили под черной тучей железных стрел. В этой битве погиб Леонид, царь спартанский, и все его триста воинов легли вместе с ним.

У входа в Фермопилы есть холм. Сюда отступили спартанцы, когда варвары неожиданно явились к ним с Эфиальтом. Здесь был их последний бой. Теперь там стоит каменный лев в честь доблестного воина Леонида, царя спартанского.

На улице шумел дождь и летели хлопья снега, когда Аристотель рассказывал у очага эти длинные истории о войнах, о бедствиях народных, о подвигах героев Эллады... Он умолк и, задумавшись, загляделся на огонь.

— А что же этот проклятый Эфиальт? — спросил Александр с пылающим от волнения лицом. — Неужели он остался жить после этого?

— Жить! Какая может быть жизнь у предателя!.. — сказал Аристотель. — Сначала он бежал в Фессалию, скрываясь от эллинов. Была объявлена цена за его голову. А потом его убил трахинянин Афенад. Правда, он убил Эфиальта за другое подлое дело. Но все равно Спарта наградила Афенада.

ПОВОРОТ ЖИЗНИ

Расцветали весны, полыхали летние дни под ливнем солнца; в прохладе и тишине рощи Нимфайона задумчиво проходили нарядные месяцы осени, отягченные плодами; шумели зимние дожди, и горные ветры завывали над крышей...

Александр привязался к Аристотелю; он любил его не меньше, чем отца.

— Отцу я обязан тем, что живу, — говорил он, — а Аристотелю — тем, что живу достойно.

Аристотель открыл перед ним огромный мир знаний, мыслей, красоты. Жизнь Александра наполнилась самыми разнообразными интересами и увлечениями. Он стал внимателен ко всему окружающему — к природе, к живым существам... Иногда по ночам ему казалось, что он слышит музыку проходящих в торжественном шествии планет, — Аристотель сказал, что Платон слышал эту музыку...

Александр научился распознавать лечебные травы и умел применять их при болезнях. Без медицинских познаний человек в то время не мог считаться по-настоящему образованным. Аристотель приучил его к чтению книг, открыл ему высокую красоту трагедий великих писателей — Еврипида, Софокла, Эсхила...

Благодаря ему Александр понял величие эллинских мудрецов, значение их гениальных домислов, положивших начало всем наукам мира. Аристотель познакомил его с учением многих великих философов-атомистов: Левкиппа, Демокрита, который развил учение Левкиппа об атомах...

Александр не раз задумывался над строками Демокрита, стараясь понять их до конца.

«...Миров бесчисленное множество, они возникают и гибнут; ничего не возникает из ничего, и ничто не переходит в ничто.

И атомы бесчисленны по разнообразию величин и по множеству, носятся же они по Вселенной, кружась в вихре, и таким образом рождается все сложное: огонь, земля, воздух, вода. Дело в том, что последние суть соединения некоторых атомов...»

«...Атомы носятся, подобные пылинкам, которые бывают видны в полосе света. Материи противопоставляется пустота. Всякое тело существует, пока остаются соединенными составляющие его атомы. С распадением их тело умирает.

Душа, являющаяся двигателем, имеет материальную сущность и умирает вместе с телом...»

А как же Аид, как же подземное царство мертвых, где бродят их тени?..

«...Боги только измышление самих людей, а если они даже и существуют, то не оказывают никакого влияния на жизнь мира».

Значит, там, на Олимпе, никого нет? А разве не боги отвечают в святилищах на вопросы? И разве не потому бушует море, что ударяет трезубцем по воде Посейдон? И разве дрожит земля и блещут молнии не потому, что у Зевса от гнева дыбом встают его иссиня-черные волосы? И разве не вмешивались боги в войну ахейн с троянцами?..

Высказывание о душе и о боге поразило Александра. Поверил он, что богов нет и что душа умирает вместе с телом, или не поверил? Но если и поверил, то никогда никому не сказал об этом.

А сколько счастья доставила ему «Илиада»! И это счастье ему тоже открыл Аристотель.

Теперь, став старше — ему исполнилось шестнадцать—и, постигнув, скольким он обязан Аристотелю, Александр уже не подсмеивался потихоньку, как раньше, вместе с мальчишками, над его тонким голосом, над щегольством, над его золотыми цепями и обычаем каждый день умываться теплым оливковым маслом... Но другой его привычке — очень мало отдавать времени сну, потому что жизнь человека и так коротка, а успеть надо много,— Александр и сам старался следовать. Аристотель, ложась в постель, брал в руку медный шар. А возле кровати ставил медное блюдо. И когда засыпал слишком крепко, рука его во сне разжималась, и медный шар падал в медное блюдо. Аристотель от звона сразу просыпался. И считал, что сна для него достаточно. Александр пробовал делать так же. Но это было ему трудно.

— Так в занятиях, в играх, в тренировках на палестре прошло

три года. На четвертом году жизни в Миэзе отец вызвал Александра в Пеллу.

Филипп без конца воевал — где удачно, где неудачно. Неудачи не останавливали его, не охлаждали его яростного стремления захватывать чужие земли и осаждать города.

Собираясь захватить большой город Византии, стоявший на азиатском берегу Пропонтиды¹, Филипп сказал Александру:

— Ты видишь, как я тружусь для нашей отчизны. Все города южной Фракии уже принадлежат Македонии. Но нам необходимо взять Византий и Перинф. Они стоят в проливах, а проливы — это торговые пути, как ты сам понимаешь... Города эти сильны, мне придется провести там немало времени. А здесь управлять Македонией останешься ты.

Александр выпрямился, приподняв голову.

— Ты останешься здесь не один. Антипатр поможет тебе.

— Я могу и один.

— Не сомневаюсь. Но советы опытных людей тебе не помешают, не пренебрегай ими. У нас много врагов. Покоренные племена могут восстать. Внутри Македонии тоже немало сиконтов — и персидских и афинских.

— Я справлюсь с ними.

— И опять — не сомневаюсь. Только не отвергай советов друзей — я их тоже не отвергаю. Особенно советов Антипатра — он не предаст и не обманет. Правителем будешь ты, тебе я доверяю нашу государственную печать, пользуйся ею разумно.

Филипп уехал. И Александр больше уже не вернулся в Миэзу.

Филипп расплатился с Аристотелем за обучение сына щедрой платой. Он восстановил разрушенную им Стагиру — родной город Аристотеля, освободил из плена всех жителей Стагиры и вернул их домой.

Филиппу приходилось трудно. Чтобы подступиться к Византию и Перинфу, надо войти с флотом в Пропонтиду. Но это Афинская область; по договору с Афинами Филипп не должен сюда вторгаться, и афинские поселенцы — коринфяне не пропустят его.

— Но Филиппу нужно пройти в Пропонтиду. И чтобы не было помехи, он прежде всего напал на Коринф. Коринфяне ничего не могли сделать, задержать Филиппа у них не было сил. Под-

чинив Коринф, Филипп провел свои длинные корабли в Пропонтиду. И осадил Перинф.

Филипп осадил Перинф, но взять его не смог. Византий прислал Перинфу помощь. Филипп упорно продолжал осаждать Перинф, и победа его была уже близка, город изнемогал...

Но на помощь городу подоспели наемники персидских сатрапов из Малой Азии. Они привезли в Перинф оружие и припасы. Наемники с боем прорвали македонскую блокаду и вошли в город.

Филипп не отходил. Его тараны гулко били по стенам, били неустанно, не переставая, и этот грохот разносился по городу, как удары смерти, которая стучится в Перинф.

Стены наконец были пробиты, и македонские войска ворвались в город. Перинф защищался отчаянно. На улицах были сделаны заграждения; стрелы, дротики, камни летели из каждого дома, с крыш, с гребня городских стен. Бились на каждой улице, заливая кровью родные пороги...

И отбились. Филипп оставил Перинф.

Филипп оставил Перинф. И тут же, еле переведя дыхание, бросился на Византий. Он надеялся застать его врасплох.

Но Византий запер перед ним ворота.

Филипп осадил город. Из дня в день, из ночи в ночь македонские войска таранили Византий, домогаясь сдачи. Но город не сдавался, ему помогали афиняне и жители эллинских островов — хиосцы, родосцы, косцы...

А в Афинах по-прежнему, только еще более гневно, гремели против Филиппа обличительные речи оратора Демосфена:

— ...Он видел, что мы более всех людей пользуемся хлебом привозным, и потому, желая овладеть подвозом хлеба, стал требовать, чтобы византийцы приняли участие в войне против нас. Но те отказались. И он, устроив заграждения перед городом и подведя осадные сооружения, начал осаду!

Стены Византия были крепки, тараны никак не могли сокрушить их. Очень сильно заботила Филиппа и казна, которая истощалась столь долгой осадой. Подступала прямая нужда в деньгах: Филипп видел, что скоро ему не на что будет содержать войско.

И тогда он пошел на крайность. Он захватил в море сто семьдесят круглых купеческих кораблей и распродал их груз. Так он запасся средствами для дальнейшей войны.

— Разбойник! Морской разбойник!

— Филиппа не очень-то расстраивала брань, которой осыпал

его Демосфен. Царь лишь посмеялся бы над его криками, если бы Афины не послушались Демосфена и не ввязались бы в его войну с Византием.

Но Афины ввязались в эту войну, они начали помогать Византию, они мешают Филиппу!

И Филипп отправил в Афины гневное письмо. Давно прошло то время, когда он так боялся их вражды и так искал их дружбы.

«Филипп совету и народу афинскому привет! Хотя уже много раз я присылал к вам послов, чтобы обеим сторонам соблюдать присягу и договоры, вы не придавали этому никакого значения. Вот поэтому я почел нужным направить к вам письмо о тех делах, в которых вижу нарушение своих прав».

Филипп перечислил все обиды, причиненные ему Афинами, он привел длинный ряд тяжелых обвинений в ненависти, несправедливости, предательстве. И закончил письмо так:

«...Я с полным правом буду обороняться против вас и, взяв богов в свидетели, разрешу наш спор с вами».

В Афинах негодовали:

— Вот как! Это, значит, не он ворвался в нашу область и нарушил договор?! Это, значит, не он, а мы нападаем, а он только обороняется?!

Афиняне в ответ на это письмо объявили Филиппу войну. И в гневе повалили плиту, на которой был написан договор о мире с македонским царем.

И война с Афинами, прерванная было Филократовым миром, когда было принято решение о том, что «каждый должен владеть тем, что он имеет в данное время», загорелась снова.

Осада Византия затянулась.

Филипп осаду не снял. Но, чтобы не держать все свое войско в бездействии около Византия, отобрал самых сильных и храбрых воинов и отправился с ними на завоевание соседних городов...

Александр в это время стоял во главе македонского царства и тех войск, которые были оставлены ему для защиты Македонии.

АЛЕКСАНДРОПОЛЬ

Александр, приняв государственную печать, сразу почувствовал себя взрослым. В его голосе появился повелительный тон, его распоряжениям никто в доме не смел прекословить.

За три года жизни в Миэзе Александру редко приходилось встречаться с матерью. Теперь же, встретившись, он с печалью заметил, что мать постарела, стала как-то меньше ростом, хотя держалась по-прежнему царственно и надменно.

Но вся ее надменность пропала, когда она увидела сына. Олимпиада поспешила ему навстречу, протянула к нему руки, в черных глазах ее заблестели звезды.

— Сын мой, Александр! О, сын мой, Александр!

Александр готов был стать перед ней на колени, утешить, хотя она не жаловалась, сказать ей, как нежно он к ней привязан, хотя она этого не требовала. Олимпиада все это увидела в его глазах, в его улыбке. Она с восторгом глядела на своего сына — такой он сильный, такой красивый, так уверенно держится!

Олимпиада расспрашивала Александра о его жизни в Миэзе. Она хотела знать обо всем: и как он жил, и с кем дружил из товарищей, и чему учил их Аристотель, и как учил... Она хотела знать все подробности, все горести, все радости и даже мысли своего сына.

Александр охотно отвечал на ее вопросы. Об Аристотеле он рассказывал с обожанием и восхищением.

Олимпиада, слушая, как он говорит о своем учителе, прослезилась — выдержка изменила ей.

— Мы поставим памятник этому великому человеку! — сказала она.

Александр удивился, увидев ее слезы. Раньше Олимпиада никогда не позволяла себе этого. Он заметил, что на лице у нее появились морщинки. Видно, много пришлось ей хмуриться и мало смеяться. Он взял ее руку и поцеловал. И оба они — мать и сын — поняли, что у них нет никого дороже друг друга...

— Вернется царь, и мы обязательно поставим памятник Аристотелю,— повторила она.— Может быть, в Дельфах. Или в Олимпии.

В этих словах звучало удовлетворение. Вот они, македонские цари, могут ныне ставить памятники в святилищах Эллады. Филипп уже достаточно всемогущ.

— Правда, сейчас опять неладно с Афинами,— продолжала она, нахмурившись,— все портит этот негодный человек Демосфен. Но Филипп справится с ним рано или поздно.

— Я сам справлюсь с ним, если отец не успеет,— сказал Александр.

И мать, посмотрев на него, поняла, что так и будет. Александр — сын своего отца! Македонским царям и в мысли не приходило задуматься о том, что Демосфен, враждуя с ними, отстаивает свободу своей родины.

Вскоре в Македонии стало известно, что дела у Филиппа не ладятся. Об этом стало известно и в Фессалии, и во Фракии. Прошло не так много времени, и Александру сообщили, что фракийское племя медов отпало от Македонии и больше не хочет признавать ее власти. У медов есть своя земля, свои города, и они не хотят терпеть македонского произвола!

Александр, помня наказ отца, обратился к Антипатру.

— Я хочу немедленно пойти и наказать медов, — сказал он. — Собери войско.

Антипатр согласился. Это будет правильно. Он не думал, что полководец, которому пошел всего лишь семнадцатый год, сможет выиграть сражение. Антипатр и сам шел вместе с Александром — ему хватало и военных способностей, и военного опыта. А в том, что медов надо наказать и снова подчинить Македонии, он не сомневался. Ведь не Александру, но ему, Антипатру, будет стыдно перед Филиппом, что не сумел без него навести порядок в покоренной стране.

И Александр в свои шестнадцать лет впервые надел боевые доспехи.

Олимпиада не спала всю ночь. В ее видениях бродил по комнате маленький светлокудрый мальчик. Она брала его на руки, прижимала к груди.

«Почему он такой горячий? Не болен ли?»

И спокойный голос Ланики:

«Он всегда горячий. Просто горячая у него кровь».

А теперь Александр уже надевает свой гривастый шлем. И не на праздник идет — на битву. Она позвала бы Антипатра, попросила бы оградить сына от опасности.

Но ведь сын оскорбится!

Так она маялась до утра. Вставала, ходила по комнате, ложилась снова. Тяжесть недобрых предчувствий угнетала сердце. Что будет? Что будет, если... Нет, даже мысли такой нельзя вынести!

Но когда наступил час прощания, Олимпиада стояла перед сыном спокойная.

— Жду тебя с победой.

— Приду с победой.

Она заглянула сыну в глаза и спросила, понизив голос:

— А не боишься ли ты, Александр? Не страшно ли тебе?

Александр искренне удивился:

— Не страшно ли? А что такое страх?

Александр подчинялись все военачальники его войска. Антипатр посоветовал им, щадя самолюбие юного полководца, тихонько поправлять его ошибки, если он будет ошибаться, но делать это осторожно. Все знали его упрямство, знали его вспыльчивый нрав. Они шли в поход вслед за Александром, который сидел на своем большом сильном коне, на своем Букефале, и украдкой посмеивались:

— Умудренный в боях воин ведет нас!

Однако вслух подшучивать опасались.

Войско вступило во Фракию. Вечер застал их в широкой долине, отлого спускающейся с гор. Густые лиловые сумерки медленно сползали вниз, заслоняя дорогу; потемнели и окрестные горы. Только вершина могучей горы Гем светилась в побледневшем небе.

Антипатр посоветовал Александру созвать военачальников перед боем, выслушать, что они скажут.

— Так всегда делает твой отец, Александр!

Александр велел созвать военачальников.

— Сегодня войско отдохнет с дороги,— сказал он.— Дайте поужинать воинам. Накормите коней. А на рассвете мы возьмем город медов.

Военачальники повиновались. Каждый, идя к своему отряду, думал, что совещания как будто и не получилось... Да его как будто и не понадобилось... Повиновался и Антипатр. Он и сам не дал бы более разумного и более ясного приказа.

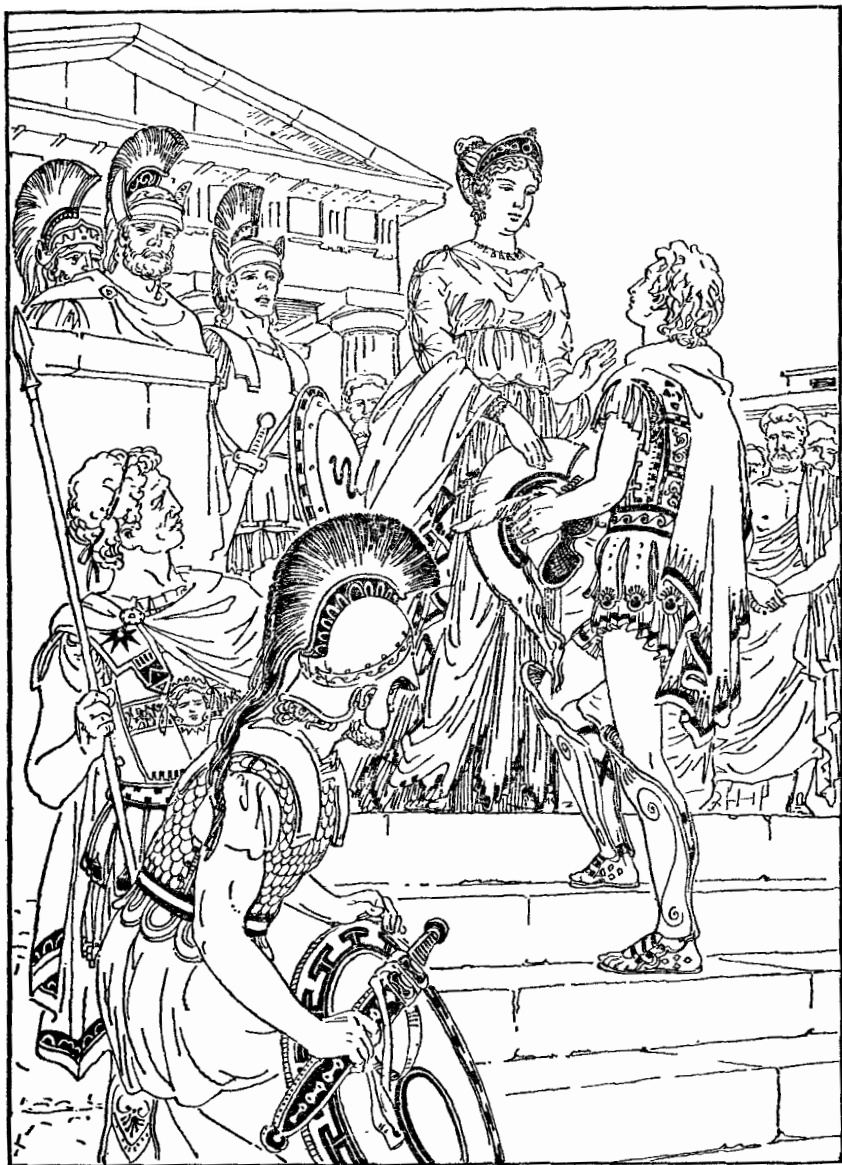
Антипатр проснулся в тот час, когда начали меркнуть звезды и на самых высоких вершинах гор забрезжил отсвет наступающего дня.

— Пора! — сказал он. И, надев боевое снаряжение, вышел из шатра, намереваясь разбудить Александра.

В этот момент грянули трубы — сигнал к подъему. Александр проснулся раньше.

Юный полководец был неустойчив. Ему казалось, что войско движется слишком медленно. Он досадовал, что из-за этой медлительности им не удастся захватить медов врасплох, заняв их город с ходу, как ему хотелось.

А войско шло скорым шагом. Ни тяжелой поклажи, ни обоза не было у них — Филипп приучил своих воинов обходиться без обозов.

Когда наступил час прощания, Олимпиада стояла перед сыном спокойная.

Меды, которые знали, что Филипп далеко и сражается из последних сил, осаждая Византий, и что он терпит там тяжелые неудачи, спокойно встретили утро наступающего голубого дня.

Внезапно ворвавшиеся в город македонские отряды, сверкающие щитами и копьями, гремящие копытами коней, ошеломили их. Меды попробовали сопротивляться, но малочисленное, слабое, плохо вооруженное племя было смято, войско его разбито, жилища разграблены.

Оставшиеся в живых меды пришли к Александру. Он, разгоряченный битвой и победой, принял их, сверкая глазами, полными гнева. Не дослушав их просьб о милости к побежденным, Александр приказал изгнать их всех из города, а город отдать переселенцам из Македонии.

Отец однажды сделал так же: захваченный город заселил македонянами и назвал его Филиппополем. Александр последовал его примеру: завоевал город, заселил македонянами и назвал его Александрополем.

Возвращаясь в Пеллу, ни воины, ни военачальники уже не подшучивали над юношью полководца. Его быстрый ум, его способность мгновенно принимать решение, его горячность в битве многих удивила и заставила задуматься. Чего ждать от Филиппа, они знали: походов, побед, поражений, новых побед, обогащающих победителей имуществом побежденных.

А что будет, когда власть в Македонии возьмет в руки этот безудержно и безрассудно отважный юноша и станет их царем? Не ринется ли он, как бешеный конь, увлекая их страну не только к победам, но и к гибели?

ЦАРЬ АТЕЙ

А у Филиппа дела по-прежнему не ладились. Вся зима прошла около стен Византия. Уже солнце повернуло на весну, засверкало бирюзой море, а Филиппово войско по-прежнему беспомощно стояло у неприступных византийских стен. А как они били таранами эти стены! Сколько раз пытались сделать подкоп. Леон, который стоял во главе византийской обороны, мушкетерно, неуклонно отбивал их.

— Филипп почернел от гнева, от напрасных усилий, от тяжелых забот. Ему нужен был Византий. Ему нужно было отторгнуть этот большой приморский город от Афинского союза. Ему необходимо было завладеть им. Ему надо было по-

ставить в Византии свое войско, а в гавани Византия — свой флот.

Но Византий не сдавался, он стойко защищал свою независимость и свободу. И у Филиппа уже не хватало сил, чтобы покорить его.

Теперь мысли македонского царя все чаще обращались к северу, к той стране, что лежит между болотистой Меотидой¹ и большой рекой Борисфеном² и которую называют Малой Скифией.

Девяностолетний скифский царь Атей славится как предприимчивый и отважный воин, войска у него много. Филиппу уже приходилось сталкиваться с ним. Еще в 342 году Филипп вступил во Фракию и осадил город Эдесс. Тотчас и Атей двинулся туда же со своей бесчисленной армией и помешал ему взять город. Филиппу пришлось тогда отвести свое войско и даже отпустить пленных. Кроме того, он вынужден был еще и заключить договор с Эдессом о ненападении.

Старик Атей очень силен. Хотя армия его не в железо одета, шлемы и панцири у них из сыромятной бычьей кожи, и мечи не такие тяжелые, и копья не такие длинные, а победить их трудно. Очень воинственны. Очень выносливы. Видно, такими выносливыми сделала этих людей их страна, где зимой так морозно, что медные сосуды для воды лопаются, а вода в них замерзает. И реки там замерзают. Говорят, что они рыбу из льда вырубают гангамою, а рыба там попадается почти такого же роста, как дельфин. Хорошая рыба, скифы называют ее осетром...

Станный народ скифы. Живут в кибитках под войлочным шатром, скитаются по равнине со своими стадами. Но силы у них много. Вот уже и во Фракию вошли, заняли земли до самого Гема. Фракийские племена уступили им,— но попробуй не уступить! Впрочем, пусть живут. Там земли бесплодны, одни болота.

Филипп давно понял, что Атей пристально следит за ним. Так и смотрит, как бы царь македонский не тронул его скифских земель. Филипп их не тронет. Он еще тогда под Эдессом понял, что с Атеем нужно установить самые дружеские отношения — силой тут ничего не поделаешь.

— Атей принял его дружбу. Верил он Филиппу? Едва ли. Филипп чувствовал, что этот мудрый старик видит все его мыс-

¹ Меотиды — Азовское море.

² Борисфен — Днепр.

ли. Однако, когда его недавно начали теснить истрийцы — союз племен, живших на Истре, которые воспротивились нашествию скифов,— Атей направил к Филиппу послов.

—Если ты поможешь мне теперь, я оставлю тебе в наследство скифское царство, ты будешь в Скифии после меня царем!

Филипп немедленно отправил к Атею часть своего войска. Теперь его македоняне там, помогают скифу сломить истрийцев. А когда Атей победит их и усмирит, не поможет ли он Филиппу, в конце концов, одолеть Византий?

Конечно, поможет. Он ведь обещал прислать войско. И денег обещал. А деньги нужны, эта проклятая осада совсем истощила македонскую казну... Только почему же так долго нет оттуда вестей? Почему Атей не шлет гонцов ни с благодарностью за помощь, ни с известием о победе?

Вести явились неожиданно. Филипп не верил своим глазам, когда увидел, что к его стану приближаются посланные в Скифию македонские отряды.

Военачальник этих отрядов предстал перед Филиппом сердитый и расстроенный.

—Атей отослал нас обратно,— сказал он,— говорит, что скифы сильны и храбры и ни в чьей помощи не нуждаются.

Филипп потемнел от гнева.

—Да ведь он же сам просил у меня помощи! Да еще обещал меня оставить наследником своего царства! Почему ты не напомнил ему об этом?

—Как же не напомнил? Конечно, напомнил. Иначе зачем бы мы пришли?

— Что же там произошло?

—У истрийцев умер их царь. И они ушли, не стали сражаться с Атеем. Война кончилась — на что же скифы мы? Вот и отослал прочь.

— Повтори, что он велел передать мне.

—Он велел передать тебе, царь, что помощи твоей не просил. И что он никому не поручал говорить о том, что оставит тебе царство. И сказал, что они не нуждаются в македонской защите, так как скифы превосходят македонян в храбрости. И что в наследниках он тоже не нуждается, так как его сын здравствует!

Филипп в бешенстве послал проклятье Атею.

— И меня, Филиппа македонского, обвиняют в веролом-

стве?! Ах, проклятый старик, мы еще встретимся с тобою... Они хоть заплатили вам что-нибудь за то, что вы пришли туда?

Военачальник покачал головой:

— Ничего.

— Ну-ну! Вот это честно!

Филипп велел тотчас снарядить послов к Атею.

— Скажите, что я требую возместить хотя бы часть расходов на осаду Византия — он же обещал мне и денег, и войска, а ничего не дал! Он должен выполнить это требование немедленно, тем более что он не только не уплатил за службу моим воинам, но даже и расходов на них не возместил!.. С ответом возвращайтесь как можно скорей! — приказал он.

Послы помчались. И вернулись так скоро, как могли донести их быстрые кони. Но что за издевательский ответ привезли они!

Скифский царь просит извинить его. Но климат в Скифии тяжелый, а почва бесплодная. Такая почва не приносит богатства, но еле-еле дает пропитание. Нет у него сокровищ, чтобы он мог удовлетворить столь великого царя, как Филипп, а прислать небольшую подачку он считает еще более непристойным, чем вовсе отказать. Вообще — пусть будет это известно македонскому царю — скифов ценят за доблесть, а не за богатство.

Получив этот ответ, Филипп ничего не сказал. Но решение принял в ту же минуту: «Хватит. Время разговоров с тобой, старик, прошло. Терпеть твою наглость я больше не в силах».

Однако эти мысли он пока оставил при себе. Филипп знал, как легко переносятся из лагеря в лагерь военные тайны. Внешне спокойный и приветливый, он будто и не заметил, как издевается над ним старый скиф. И снова отправил послов к Атею.

«Атею, царю скифскому, от Филиппа привет! Во время осады Византия я дал обет воздвигнуть статую Гераклу. И теперь иду, чтобы поставить ее в устье Истра. Так прошу тебя — не мешай мне пройти спокойно, как другу, по твоей земле и почитать бога!»

Послы уехали.

Филипп приказал снять осаду Византия. И тут же стал готовить войско в поход. Пускай Атей встречает его «как друга» со статуей Геракла! И, не дожидаясь возвращения послов, двинул свои фаланги.

— Послы встретились в пути. Они везли ему ответ царя Атея. Если Филипп хочет выполнить свой обет, то пусть пришлет ста-

тую к нему, к Атею. Он обещает не только поставить статую, но и сохранить ее невредимой.

— Однако я не потерплю,— заявил Атей,— чтобы войско Филиппа вступило в пределы моего царства! Если же Филипп поставит статую против воли скифов, то, как только он уйдет, я низвергну статую, а медь, из которой она отлита, превращу в наконечники для стрел.

Ничто — ни просьбы, ни лукавство, ни лесть — не действовало на скифа.

— Он не потерпит меня на своей земле, вы слышите? — усмехнулся Филипп, и усмешка его была зловещей.— Клянусь Зевсом, он не потерпит!

Македонское войско тяжелым, уверенным шагом, под которым гудела земля, двинулось на Скифию.

На юго-западной границе Скифии, вдалеке от городов, два войска — скифское и македонское — схватились в яростной битве. Филипп, расстроенный и рассерженный предыдущими неудачами, свирепо дрался в первых рядах. Сквозь сверкающий хаос мечей и копий он неотступно пробивался к Атею. Филипп устал улыбаться ему и притворяться другом, ему надоело опасаться его могущества, надоело терпеть поражения, терпеть препятствия, встающие на пути его замыслов. Он своей рукой убьет Атея!

— Может быть, ты все-таки потерпишь меня на своей земле? — повторял он сквозь зубы.— Может быть, все-таки потерпишь?

Скифское войско было огромно. Но оно не устояло перед железной сомкнутой фалангой Филиппа. Филипп уже видел белую бороду богатыря Атея, уже видел блеск его тяжелого меча, который разбрасывал молнии направо и налево. Филипп понукал коня, толкал его в самую гущу битвы, в самую страшную сечу, пробиваясь к Атею.

И вот уже редееет скифское войско. Груды тел лежат кругом. Последние воины еще защищают своего старого царя, а македоняне уже окружили их несокрушимой стеной.

Филипп прорвался к Атею.

На мгновение взгляды их встретились. Глаза старика были полны горя и ненависти. Он замахнулся мечом, рванувшись к Филиппу. Но Филипп двинул на него коня и одним метким ударом сариссы убил скифа.

Битва кончилась.

Македонское войско бросилось грабить убитых скифов.

А потом, похоронив своих погибших воинов, отправилось разорять несчастную Скифию.

Тревога пошла по городам приморья. Скифы разгромлены, теперь никто не защитит их от Филиппа! Стало опасно и в Истрии, и в Томах, и в Калитии. Македоняне пойдут домой из Скифии по их побережью — и что будет тогда? Может быть, завтра же их поля погибнут и города задымятся в развалинах...

Но македоняне, отягченные огромной добычей, не пошли по городам побережья. Они возвращались домой по внутренним областям.

Атей говорил правду — ни золота, ни серебра не было в его царстве. Но македоняне гнали двадцать тысяч пленных женщин и детей. Их можно продать в рабство и получить золото и серебро. А можно заселить ими дикие местности Македонии и заставить работать.

Кроме того, они взяли двадцать тысяч самых лучших кобылиц, чтобы развести породу выносливых скифских коней. А овец и коз никто не считал. Их гнали стадами.

«Ну что ж, — думал Филипп, возвращаясь домой, — не удалось взять Византий — а Византий я рано или поздно возьму, — так взял Скифию. Атея нет. Он, клянусь Зевсом, все-таки дозволил вступить на его землю! А если нет Атея, кто помешает мне держать в руках всю Фракию?»

Филипп прикидывал, сколько барыша у него останется после этой победы. Размышлял о том, куда ему направить пленных, как распределить скот, что отдать войску, что отдать военачальникам и этерам, что взять себе.

Филипп хмурился, вспоминая неудачи в проливах. Но тут же и утешался.

«Теперь прежде всего надо захватить Понтийское побережье. Возьму все эти города — Эдесс и Калатию, а далее... Посмотрим тогда, как сможет Боспор помочь Афинам и Византию. А помощь им понадобится!»

НЕОЖИДАННОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Филипп был спокоен. Огромная добыча поправит дела Македонии. Скоро они придут домой, граница его царства уже недалеко, уже видна белая голова Олимпа...

— А там — отдых, хороший пир. И новые сборы. Пролиты,

проливы ему необходимы. Не победил сегодня. Но это еще не значит, что и завтра не будет победы.

Вот уже и широкий Истр шумит в долине. Переправлялись долго, тяжело, войско было слишком отягчено добычей. Шум воды, ржание лошадей, громкий непрерывный поток козьих и овечьих голосов, плач и крик скифских детей и женщин, испугавшихся реки...

Филипп, окруженный этерами, терпеливо ждал, пока все захваченное им богатство будет переправлено через реку.

— Не я виноват, что они плачут,— сказал он одному из своих этеров,— старый скиф не хотел моей дружбы. И чего они так кричат?

Рыжий полководец Аттал, зять Пармениона, грузно сидевший на огромном коне, чуть заметно усмехнулся: «Хм... Дружбы!»

— Да,— проворчал он.— Атей не знал, что такое македонское войско. Теперь узнал. А кричат — так они же варвары. Эллины умирают молча. Пусть кричат.

Переправились благополучно. Войско вступило в страну трибаллов, племени, обитавшего в долинах Истра. Осталось только миновать их — и македоняне вступят на родную землю.

Вдруг передовые отряды остановились. Остановилось и все войско.

Примчались конники, ехавшие впереди.

— Царь, трибаллы стоят вооруженные. Они отказываются пропустить нас через свою землю!

Филипп немедленно выехал вперед и развернул войско в боевой порядок.

Трибаллы стояли стеной, приготовившись к битве. Это было дикое племя, сильное и всегда готовое к войне.

— Не пропустим через свои владенья,— сказал их вождь Филиппу,— если не отдашь нам половину твоей добычи.

Филипп возмутился. Только что погиб от его руки могучий скиф Атей. А тут какие-то варвары — трибаллы осмелились стать у него на дороге!

Филипп ответил пренебрежительно и резко. Из рядов трибаллов полетели оскорбления и ругань. Македоняне в долгу не остались, осыпая трибаллов бранью и насмешками. От брани перешли к битве.

Неожиданно разгорелось большое сражение. Богатая добыча, которая была перед глазами трибаллов, придавала им отваги.

И тут, где Филипп не ждал беды, его подстерегла беда. Его ударили копьем в бедро. Удар был такой тяжкий, что копье, пронзив бедро Филиппу, убило под ним коня.

Филипп, заливаясь кровью, упал вместе с конем...

Македоняне испугались, думая, что их царь убит. Этеры бросились к нему, ряды войска смешались... Трибаллы воспользовались их смятением, угнали и пленных, взятых в Скифии, и весь скот, утащили все, что македоняне награбили у скифов.

Тяжело раненного царя привезли в Пеллу. Внесли в дом на щитах.

Александр выбежал навстречу. Ужас, жалость и еще какое-то непонятное волнение, похожее на чувство надвигающейся опасности, против которой ему надо собрать силы, охватили его. Но, приученный владеть собой, он только бледнел, провозжая отца к его ложу.

Отец был жив.

Встретив испуганный взгляд Александра, он усмехнулся запекшимися губами.

— Пока еще не умру. Еще много дел не сделано...

Врачи немедленно взялись за Филиппа. Александр не отходил от его постели. Он и сам многое понимал в лечении ран, знал травы, которые надо прикладывать, чтобы рана не воспалилась, умел делать отвары и лекарственное питье для восстановления сил. Филипп глядел на Александра с нежностью.

— Откуда ты знаешь все это?

— Меня научил Аристотель.

— Аристотель — великий человек.

— Мать сказала, что надо ему поставить памятник.

Филипп промолчал.

— Мать сказала, что ты и она — вы вместе поставите памятник Аристотелю. Или в Дельфах. Или в Олимпии.

— А что говоришь ты?

— Я очень люблю его, отец.

— Хорошо. Я поставлю памятник Аристотелю. Или в Дельфах Или в Олимпии.

В эти долгие дни болезни, когда можно было вволю обо всем подумать, все взвесить и обсудить, Филипп многое поверял Александру.

— Я знаю, что думают обо мне... — с иронической усмешкой говорил он. — Что я не выбираю средств, чтобы добиться своего, могу предать друга, могу обмануть союзников, могу нарушить

любую клятву. Ну что ж, пожалуй, все это так и есть. Но ты должен знать, что я все это делаю и принимаю такую хулу на себя ради одной цели — ради могущества Македонии. Я человек. Ни хуже, ни лучше я не стану оттого, что Демосфен в Афинах поносит меня. Но он мешает возвыситься Македонии, вот это ты запомни. И помни об этом, когда меня не будет.

Александр вскинул на него укоряющие глаза.

— Если, конечно, я до тех пор сам не успею с ним справиться,— продолжал Филипп,— я ведь тоже кое-что знаю о нем. Разве не в его руки плывет персидское золото? Разве не помогает он персам, стараясь уничтожить меня? Но ты знай одно: не персы твои союзники, а эллины. И не во главе персов, не во главе варваров должны стоять македонские цари, а во главе Эллады!

Александр улыбнулся.

— Во главе? Но эллины нас даже в города свои не пускают.

— Пустят. Позовут.

— Позовут?

— Позовут, Александр, клянусь Зевсом. Только бы поскорей зажила эта проклятая рана.

— Но как же это будет, отец? Афины против нас, Фивы против нас. Демосфен все время кричит, чтобы Афины заключили союз с Фивами...

— Я сам заключу союз с Фивами. Они мешают мне войти в Аттику.

— Но как?

— Надо ждать удобного случая. А случай будет. Надо только поймать его и не упустить.

«Пока только одни поражения,— думал Александр,— а он разговаривает так, будто были одни победы...»

— Необходимо войти в Аттику,— продолжал Филипп,— силой или хитростью — все равно. И стать во главе всех эллинских городов. А потом поднять их на защиту тех греков, что на азиатском берегу. Кто же из эллинов откажется от этого благородного дела? Может быть, только Спарта,— они же никому не желают подчиняться. Но без Спарты обойдемся.

— Опять ты говоришь: стать во главе. Но разве эллины захотят поставить тебя во главе?

— Конечно, не захотят. Но они бессильны. Ты забываешь, что войско наше всегда готово к сражениям. И ты меня недооцениваешь. Я ведь уже глава, глава совета амфикионов.

Если бы эллины могли объединиться, тогда я говорил бы по-другому. Тогда никто не мог бы справиться с ними. Но они никогда не объединятся. Ни один их город не подчинится другому. Если бы, например, я не объединил все наши македонские княжества, разве мы могли бы рассчитывать хоть на какую-нибудь победу? Македония навсегда осталась бы безвестной и беззащитной.

— Ты говоришь, отец, «силой или хитростью — все равно». Леонид, который пал при Фермопилах, решил умереть, лишь бы оставить славу за своей родиной и за собой. Он очень заботился о чести своего имени. А ты о своем имени совсем не заботишься.

— О своем имени, Александр, я действительно мало забочусь, клянусь Зевсом! На что мне слава после смерти? Но зато я забочусь, и очень много забочусь, и тружусь для Македонии. Ты видишь, у меня нет глаза, у меня сломана ключица, еле срослась. И теперь вот лежу с тяжелой раной. Даже злейший враг мой Демосфен признает, что я не щажу себя ради Македонии. А эта слава повыше, чем слава одного человека, хотя бы и царя. Береги Македонию, когда будешь царем. Береги ее славу.

Филипп был захватчиком, поработителем, а порой — просто разбойником, для которого не писано никаких законов. Но родину он любил.

Это были дни большой дружбы Александра с отцом. Только слезы Олимпиады и жалобы ее на Филиппа вносили в сердце Александра горечь и недоумение. Мать он любил по-прежнему.

ОПЯТЬ ПРОВАЛ

В Элладе неожиданно вспыхнула война. Локрийцы из Локрийской Амфиссы осквернили землю Аполлона Дельфийского. Необходимость наказать локрийцев энергично и красноречиво доказывал Эсхин. Совет амфикионов — государств, охраняющих святилище, — постановил объявить локрийцам войну. Амфикионы решили просить Филиппа, как главу совета и как отважного и умелого полководца, взять на себя ведение этой войны. Послом к Филиппу пришел стратег амфикионов Котиф.

— Мне поручено просить тебя, — сказал он, — чтобы ты

помог Аполлону и амфикионам и не допустил оскорбления бога со стороны нечестивых амфиссейцев!

Это и был тот случай, которого так ждал Филипп и за который он теперь жадно ухватился. Филипп принял просьбу совета. Еще хромой от недавней раны, он сел на своего боевого коня и с огромной армией, уже законно, как военачальник священного похода, вошел в Элладу.

Быстрым маршем войска Филиппа ринулись через Фермопильский проход. Александр следовал за отцом на своем несравненном Букефале. Он видел, что войско идет совсем не туда, куда послали македонского царя амфикионы. Это смущало его, но он молчал и повиновался.

— Зачем нам занимать Локрийскую Амфиссу? — сказал Филипп своим приближенным полководцам, когда кони их уже вступили на дельфийскую землю. — Амфисса в союзе с Фивами. Мы возьмем Амфиссу, а Фивы заключат союз с Афинами. Что хорошего в этом для нас? Нам самим надо договориться с Фивами прежде, чем они объединятся с Афинами. Так зачем нам эта Амфисса?

— Но амфикионы поручили нам наказать амфиссейцев, — возразил Антипатр. — Что ты ответишь амфикионам?

— Но мы же не будем трубить в трубу, что идем в Фокиду, поближе к Беотии, а не к Амфиссе. А кто-нибудь с отрядом пройдет и к Амфиссе — для отвода глаз.

Всем — и военачальникам, и этерам — были известны коварные приемы Филиппа. Силой или обманом — все равно. Лишь бы добиться того, чего ему нужно добиться.

И может быть, только одному Александру не нравилось это. Он был еще очень молод тогда и презирал обманы. Силой, только силой и отвагой следует завоевывать страны, силой войска и талантом полководца.

Но полководцем был не он, а Филипп. Его мнения не спрашивали. Все сделали так, как сказал царь. Небольшой отряд направился к Локрийской Амфиссе, которую поручено было наказать. А главную армию Филипп через Фермопильский проход провел прямо в Фокиду. И здесь, у самой границы Беотии, с ходу захватил и занял крепость Элатею. Элатея стояла на дорогах, которые шли и в Фивы и в Аттику. Отсюда Филипп мог за один день нагрянуть в Беотию и за три дня — в Афины!

— Стояла прекрасная осенняя пора. Землепашцы убирали хлеб, на их маленьких круглых токах слышался мирный шум

молотьбы. Веяли горох и пшеницу, подбрасывая лопатами вверх под ветер; сухое облачко пыли и соломы поднималось над желтым полем. Созревал виноград, в лозах уже светились прозрачно-золотые гроздья, наливались соком, подготавливая веселое вино. Серые, серебристые ветки маслин гнулись под тяжестью обильных плодов — масло для еды, масло для светильников, масло для обтирания, чтобы кожа не сохла так сильно под яростным летним солнцем...

Из Элатеи Филипп направил послов в Фивы, в главный город Беотии.

— Сулите беотийцам всяческие выгоды,— приказал он,— уговорите их объединиться с нами против Афин. А если не захотят союза с нами, то пускай пропускают через свою страну наше войско в Аттику.

Войско Филиппа уже в полной боевой готовности стояло на границе.

В Афинах еще ничего не знали. Был вечер. Колонны Акрополя, озаренные красным светом заходящего солнца, торжественно возносились над городом. Вершины гор словно таяли в потемневшей синеве неба. Пахло сухой полынью и камнем стен, отдававших дневное тепло...

Где-то звенела форминга¹. Из квартала горшечников, которым покровительствовала сама Афина, глухо доносилась песня — заклинание у гончарных печей.

... О, снизойди к нам, Афина! Прости свою руку над печью.

Пусть обожгутся как следует чаши и всякие миски

Да закалятся получше — труд при продаже окупят...

Горожане отдыхали в прохладе сумерек у источников под деревьями или прохаживались по улицам со смехом, с негромкими разговорами.

Вдруг кто-то быстрым шагом прошел в пританею. Те, кто видели этого человека, сразу поняли, что случилось недоброе.

Был тот вечерний час, когда правители города обедали.

— Пританы! — крикнул вестник. — Филипп в Элатее!

— Если бы Зевс метнул молнию к ногам афинских правителей, она не поразила бы их сильнее. Они вскочили из-за стана. Многие тотчас поспешили на площадь, где стояли лавчонки

¹ Ф о р м и н г а — струнный музыкальный инструмент.

торговцев. Пританы своими руками отдирали от палаток деревянные щитки и складывали их посреди площади для костра. К ним на помощь тотчас сбежались встревоженные горожане. И вскоре высокое пламя костров поднялось над городом — сигнал военной тревоги, сигнал грозящей опасности.

Зловеще завывала военная труба. Песни горшечников умолкли.

Встревоженные люди выбегали из домов.

— Что случилось? Что случилось?

— Филипп в Элатее. В трех днях от Афин!

Афинские стратеги с озабоченными лицами поспешно проходили в пританею.

В эту ночь в Афинах не ложились спать. Не спал и сельский народ афинского государства. Надо быть готовым. Может, придется бежать под защиту городских стен, спасти семью, имущество, гнать скот... Страшен враг, вступивший на их мирную землю!

Наутро, чуть забрезжил рассвет, афинский народ начал собираться на Пниксе. Вскоре явились правители. Они доложили собранию о том, что случилось. Вот тот самый человек, который принес эту весть.

Вестник поднялся на возвышение и кратко сообщил о том, что ему известно: вместо того чтобы идти войной на Локрийскую Амфиссу, Филипп-македонянин захватил крепость Элатею, и войска его в любой час готовы ворваться в Беотию.

Народ загудел. Если Филипп захватит Беотию и Фивы, то вместе с ними двинется на Афины. А Фивы с Афинами в раздоре, они и без войны впустят Филиппа. И тогда Афины будут бессильны противостоять ему... Что делать?..

Глашатай поднял свой жезл с изображением двух змей.

— Именем совета Народного собрания, кто желает говорить?

Толпа продолжала тревожно шуметь, но никто не отзывался на этот призыв. Глашатай повторил:

— Кто желает говорить?

А когда он еще и в третий раз обратился с этим к народу, из толпы выступил Демосфен.

— Буду говорить я.

— Демосфен, как всегда, знал, что надо сказать. Особенно о Филиппе. С того самого дня, как мир услышал имя Филип-

па, Демосфен следил за действиями македонского царя и с первых же его шагов понимал, чего тот добивается.

Демосфен несколько успокоил афинян:

— Те, кто слишком тревожится, считая фиванцев сторонниками Филиппа, не знают настоящего положения дел; будь это действительно так, я уверен, мы бы уже слышали сейчас не о том, что он в Элатее, а о том, что он у наших границ!..

Но, сам глубоко встревоженный, Демосфен со всей страстью стал доказывать, что афинянам надо добиваться союза с Фивами, надо забыть прежние несогласия — ведь и царь Филипп ищет союза с фиванцами. И если Афины сейчас не позаботятся о Фивах и не помогут им противостоять Филиппу, тогда Фивы будут в его власти, должны будут действовать ему в угоду. Надо позаботиться о Фивах — они в опасности. Надо привести все войско к Элевсину, чтобы фиванцы видели, что Афины готовы к борьбе. Надо немедленно направить в Фивы послов и предложить им помощь.

Так и сделали, как сказал Демосфен. Гражданское ополчение Афин вооружилось и двинулось к границе, в Элевсин. А в Фивы направили послов. Демосфен, сознавая всю важность того, что происходит, сам возглавил посольство.

Но когда афиняне пришли в Фивы, там уже сидели послы Филиппа. И вместе с ними были послы его союзников — фессалийцев.

Демосфен сразу увидел, что в Фивах ему придется тяжело. Послы Филиппа держались уверенно, с веселым видом разговаривали друг с другом и с хозяевами-фиванцами, принимавшими их. Демосфен уловил, что речь идет у них о том, как Филипп любит Фивы — ведь он не забыл, что когда-то жил здесь, — и что он до сих пор чтит имя благородного человека и великого полководца Эпаминонда.

И сразу заметил, что те из фиванцев, что держат сторону Афин против Македонии, смущены и встревожены.

— Вы опоздали, — сказали Демосфену его друзья. — Фивы на стороне Филиппа.

— Фивы еще не слышали Демосфена, — возразил один из афинских послов, — а он здесь!

Македонские послы тотчас откликнулись:

— А, афинский Баттал здесь!

— Как острые дротики, посыпались насмешки и обидные прозвища. Афинские послы совсем смутились. Хмурясь, они пере-

глядывались друг с другом. Как видно, слишком твердо заняли здесь свои позиции друзья македонянина. Если Фивы и Филипп уже заключили союз, что же будет с Афинами? Положение афинских послов было шатким и оскорбительным. Они здесь незваные и нежеланные гости... Надо бы обидеться и уйти отсюда.

Но Филипп в трех днях пути от Афин!..

Демосфен, напряженно сжав тонкие губы, молчал, не отвечая на оскорбления. Он ждал своего часа.

Фиванским правителям было трудно. Как решить? Отказаться от союза с Афинами — значит, избавиться от войны с Филиппом. Но тогда погибнут Афины, а Фивы попадут в полную зависимость от македонянина. Заключить союз с Афинами? Фаланги Филиппа тотчас вступят в Беотию — и погибнут Фивы.

Назначили Народное собрание. Пусть решит народ, как поступить.

Первое слово дали послам македонского царя. Македоняне были красноречивы. Они восхваляли Филиппа, его таланты полководца, его отвагу, его справедливость правителя. Напоминали фиванцам, сколько обид претерпели Фивы от Афин. Напоминали и о том, сколько добра сделал для них Филипп: вернул Фивам власть над Беотией, взял на себя тяжелую войну с фокидянами, избавив от этой войны фиванцев. Так разве не должны теперь фиванцы вспомнить об этом и заплатить Филиппу благодарностью? И разве не должны они отомстить Афинам за их обиды? Так пусть же фиванцы либо пропустят через свою землю македонян в Афины, либо вместе с македонской армией войдут в Аттику. И тогда в Беотию из Аттики широкой рекой потечет богатство: и рабы, и скот, и все ценное, что есть в этой стране!

Эти речи казались справедливыми. Филипп взял войну с Фокидой вместо них на свои плечи... Разве не правда? Правда! Филипп вернул фиванцам господство в Беотии... Разве не правда? Правда!

А при упоминании об афинских богатствах, которые можно будет разграбить, у многих закружилась голова. Что же тут думать? Неужели отказаться от дружбы с Филиппом и погибнуть от его вражды?

После македонян выступил Демосфен. Он был бледен, глаза его светились. От его речи сейчас зависела судьба целого государства, судьба Афин, судьба его родины.

— Граждане фиванские!

Его голос прозвучал так взволнованно, что собрание сразу затихло. И сразу божественный дар его красноречия, его речь, продиктованная отчаянием, захватила фиванцев. Демосфен воззвал к их честолюбию, напомнил им об их славе и доблести. Он говорил так, что речь его, по словам древних писателей, «заставила их забыть и страх и благодарность...»

И когда Демосфен умолк, всем было ясно, что он победил.

Фиванцы тут же отправили послов в Афины с просьбой помочь им. Афинское войско, стоявшее рядом, в Элевсине, вошло в Беотию. Фиванцы встретили афинян радушно, приняли в самом городе, в Фивах, приглашая их в свои дома, к своим очагам...

В Афинах это событие праздновали как великую победу, приносили жертвы богам, устраивали в их честь праздничные шествия — в то время люди верили, что это боги помогли им, вдохновили Демосфена и избавили их от Филиппа!

Филипп не ожидал такого поворота дел.

Александр видел, как, слушая отчет своих послов, Филипп накалялся яростью, как вздувались у него жилы на лбу, как темнело лицо. Александр не понимал, почему медлит отец, почему он тотчас же не двинул войска в Беотию. Чего он ждет? Или он испугался неудач, которые преследуют его все последние годы? Или он больше не верит, что может победить? Не собирается ли он вообще сложить оружие?

Немного успокоившись, Филипп на все эти тревожные и гневные вопросы ответил Александру.

Нет, он не испугался и неудачи не обезоружили его. Но сейчас надо быть очень осторожным. Он надеялся, что Фивы заключат с ним союз, и тогда он сразу прошел бы в Афины. Но так, как он думал, не получилось. Теперь придется воевать сразу и с Фивами и с Афинами, а это сила равная, а пожалуй, даже и превосходящая. Значит, надо еще раз сделать попытку договориться о мире, о дружбе. Проще всего ринуться сейчас в войну и, проиграв ее, погубить все.

— Сейчас нельзя допускать поражений. Мы на острие меча. Еще одна неудача — и погибнут все мои многолетние труды. Иногда выдержать, промолчать, стерпеть гораздо труднее, чем сразу броситься в бой. И гораздо важнее. В общем, мы не перейдем моста, пока не подойдем к нему.

Скрепив сердце и приняв обольстительный облик дружеского любия, Филипп еще раз отправил послов в Фивы с предложением союза. Им надо объединиться. Им надо объединить все

эллинические государства, а не воевать друг с другом. Потому что враг у них не он, не Филипп македонский, а персы и против этого врага они должны направить свои военные силы. Пусть они задумаются над этим серьезно!

И Фивы снова задумались. Долго ли они еще смогут испытывать терпение такого опасного врага, как Филипп?

В Афинах тоже началось разногласие.

Выступил старый полководец Фокион. Он советовал прислушаться к тому, что говорит Филипп, и не отталкивать дружески протянутой руки.

Несколько раз выступал оратор Горгий из Леонтии. Он призывал эллинов к объединению и к борьбе с варварами, а не друг с другом. И он считал, что объединить Элладу может только такой сильный человек, как Филипп.

Снова поднял голос знаменитый оратор Исократ. Он уже не раз призывал Элладу к объединению, но все было напрасно. Теперь он снова заговорил о том же и снова повторил, что Элладу может объединить только Филипп и только Филипп может стать вождем всех эллинских государств, чтобы повести войска против персов, их общего старинного врага.

Об этом же говорили и другие ораторы. И лишь Демосфен по-прежнему призывал к одному — к уничтожению македонского царя, варвара и бессовестного человека, который только и думает о том, как бы поработить Элладу.

В это время Демосфен — уже не только оратор, но и один из правителей государства — подготавливал Афины к обороне. Он расставлял стражу вокруг города, собирал деньги для того, чтобы починить кое-где обвалившиеся городские стены, закупал хлеб на случай осады... Афиняне усердно работали — копали рвы, укладывали кирпичи на стенах, — готовились к нашествию врага, готовились к войне.

Речи Демосфена были пламенны и яростны, как никогда. Он доказывал, что война с Филиппом рано или поздно начнется, что этой войны все равно не избежать. Он уверял, что сейчас самое благоприятное время, чтобы сразиться с ним, и что более благоприятного времени для этого Афинам не дожидаться. Он угрожал, что потащит за волосы в темницу каждого, кто осмелится заговорить о мире с Филиппом! Демосфен в эти дни имел достаточно сил и влияния, чтобы осуществить свою угрозу. И друзья македонянина умолкли.

Демосфен был уверен, что Афины в союзе с Фивами обя-

зательно разобьют Филиппа. А так как красноречие его было неотразимо, фиванские и афинские правители отказались от предложенной дружбы Филиппа.

Началась война.

БИТВА ПРИ ХЕРОНЕЕ

Осень догорела. В горах завывали холодные ветры. Белые шапки горных вершин стали еще белее. В полях и в садах наступила печальная тишина.

Афинские и фиванские войска, объединившиеся для битвы с Филиппом, маневрировали, выбирали место для лагеря, готовились к сражению. Кое-где вспыхивали стычки с македонянами. Один раз они столкнулись на берегу реки. Была еще схватка во время метели, названная Зимней.

И оба раза победили союзники.

Но Филипп крепко держал Элатею. Здесь неподвижно стояло у него тридцать тысяч пехоты и две тысячи всадников.

— Чего мы ждем? — нетерпеливо и сердясь говорил Александр. — Я начинаю думать, что царь Филипп становится стар.

— Спокойнее, Александр, — отвечал ему неизменный и незаменимый его друг Гефестион, — царь Филипп опытнее нас с тобой. И как тебе известно — хитроумнее. Если он медлит, значит, ждет удачного момента.

— Удачный момент может пролететь мимо!

Александр, которому уже исполнилось восемнадцать лет, крепкий, сильный и необыкновенно красивый юноша, ходил как конь на привязи. Ему казалось, что отец даром теряет время, что он дает возможность врагу набрать силы, что оттого и терпит Филипп поражения, что характер его стал нерешительным, а рука ослабела для боя. Откинув со лба густые волосы, Александр подставлял зимнему ветру горячее лицо и, поднявшись на крепостную стену, подолгу смотрел в ту сторону, где горели неприятельские костры.

Наконец Филипп созвал военачальников на военный совет. Александр и его молодые друзья, ставшие этерами царя, тоже присутствовали на совете.

— Да будет вам известно, — сказал Филипп, — а вам это, я думаю, уже известно, — что неприятель превосходит нас численностью. К фиванцам и афинянам присоединились коринфяне, эвбеяне, мегоряне, ахейцы, левкадяне, керкиряне. Их

войско, как я сказал, превосходит нас численностью. Но не силой и не отвагой. Клянусь Зевсом, сила, отвага, умение сражаться — эти качества на нашей стороне. Мы не раз терпели поражения, однако все те неудачи были поправимы. Но если мы допустим неудачу теперь,— этого поправить уже будет нельзя. Мне не учить вас храбрости и решимости в битве. А вот как нам провести сражение, давайте подумаем вместе.

Все обсудили. Все решили.

— Если бы не Демосфен,— сказал Александр, выходя из царского шатра, своему другу Гефестиону,— мы сейчас были бы в Афинах. Но ничего, после нашей победы,— Александр невольно схватился за меч, висевший у пояса,— я заставлю замолчать этого человека.

— После победы?

— А ты сомневаешься в победе? Ты забываешь, Гефестион, что в сражении буду я!

Глаза их встретились. Ни один не отвел взгляда.

— Нет,— сказал Гефестион,— с тобой я в победе не сомневаюсь.

Александр улыбнулся, и лицо его сразу осветилось. Гефестион сказал то, что и нужно было услышать Александру.

Союзные войска вошли в Фокиду. Когда-то, по поручению амфикионов, Филипп разорил ее. А разорил он ее до основания. Разрушил дома, разбил городские стены. Всех мужчин увел в плен, остались только женщины, дети и старики. Филиппа ни тогда, ни теперь это не смущало. Он выполнил поручение амфикионов, наказал фокидян за то, что они распахали землю, принадлежащую Дельфам.

Теперь афиняне и фиванцы принялись восстанавливать Фокиду. За то, чтобы сейчас помочь фокидянам, особенно ратовал Демосфен.

— ...А ведь о том, что некогда фокидяне подали голос против фиванцев, когда те хотели обратить нас самих в рабство,— об этом я слышу ото всех вас! — то и дело напоминал он афинянам.

Это было так. Когда-то, в конце Пелопоннесской войны, Фивы особенно ненавидели афинян и требовали обратить их в рабство.

Теперь они стали союзниками и вместе восстанавливали Фокиду. Этим они приобрели себе новых друзей — фокидян, которые не забыли, что сделал с ними Филипп.

Наемников же под начальством афинянина Хореса и фиванца Проксена направили в Амфиссу, которую Филипп уже успел разорить. Там они и стали гарнизоном, в двухдневном переходе от основной армии.

Союзная армия стояла у самой беотийской границы. Отсюда их военачальники руководили своими партизанскими отрядами, которые теперь то и дело схватывались с македонянами и то и дело их побеждали.

Эти маленькие победы радовали и поднимали дух союзного войска.

— Не всегда и не везде побеждать Филиппу, — говорили эллины, — пожалуй, это будет его последняя битва!

— Да, пора положить конец его безобразиям. Демосфен прав!

Афинян вдохновляло на битву присутствие в войсках самого Демосфена: Демосфен был в отряде гоплитов — тяжело-вооруженных. Надежда на победу росла и укреплялась.

Так в набегах и в мелких стычках прошла зима. Филипп по-прежнему сидел в Элатее. Союзники даже не пытались выбить его оттуда. Они считали, что победа их — дело решенное. В Афинах и Фивах уже готовились празднества в честь этого необычайного события, в честь победы, над македонским царем Филиппом!

А Филипп готовил удар.

Как только засияло по-весеннему солнце и с гор схлынули весенние потоки, ворота Элатеи открылись. Часть македонского войска, с царем Филиппом во главе, через горные проходы спустилась к Амфиссе.

Никто этого не ожидал. Начальники наемных войск Хорес и Проксен, успокоенные тем, что враг далеко, ни о чем не заботились. Они мирно жили в Амфиссе, радовались наступающей весне, спокойно спали по ночам, будто у себя дома, за крепкими стенами своих больших городов. И ни один страж не стоял у них в горных проходах, ведущих сверху, из долины реки Кефиса, от Элатеи в Локрийскую равнину, к Амфиссе.

Филипп напал внезапно. Он разбил войско наемников так, что от этого войска ничего не осталось, и занял город Амфиссу.

Противники Филиппа были обескуражены. Как же все это случилось? И что делать им теперь?

Филипп из Амфиссы сразу прошел к Навпакту Ахейскому, напал так же внезапно — и город сдался. Захватив Навпакт,

Филипп тут же, как и обещал, передал его своим союзникам этолянам. Из Навпакта Филипп быстрым маршем вернулся в Элатею.

Союзные войска занимали сильную оборонительную позицию. Но Филипп обошел их и оттеснил к Херонее. Херонея — маленький городок на самой границе Беотии. Отступать от Херонеи союзникам было нельзя, они открыли бы путь в свою страну.

Уже кончалось лето, когда произошла эта знаменитая битва между союзными и македонскими войсками. Наступил роковой день, который решил судьбы эллинских государств, — седьмое число месяца метагитиона, начала августа.

Сражение произошло в узкой долине между горами Херонеи и рекой Кефисом.

Беотийцы под командой Феагена занимали почетное место — правый фланг. В центре стояли отряды коринфян, ахейцев и других союзников. Левое крыло, у Херонеи, заняли афиняне под командой Хореса, Лисикла и Стратокла.

У македонян на правом фланге, против левого крыла неприятеля, против самого сильного врага — афинян, встал сам Филипп. А на левом фланге, против беотийцев, во главе тяжелой конницы, занял позицию его сын Александр.

Александр в полном вооружении, в шлеме и в панцире, с мечом у пояса и копьем в руке, сидел на своем неизменном Букефале. И конь и всадник чувствовали нервное напряжение друг друга. Букефал, не признававший никого, кроме своего молодого хозяина, повиновался малейшему его движению. Его ноздри раздувались, уши ловили каждый звук, он ждал сигнала броситься в битву.

Перед Александром стоял опасный противник — фиванская фаланга. Это был «священный отряд» — триста человек самых опытных и неустрашимых воинов, не знающих поражений. Александр глядел на них, на высокие гребни их шлемов, на сверкающую стену их сомкнутых щитов и длинные огни копий, поднятых над щитами... На мгновение вспомнилась мать.

«Тебе не страшно, Александр?»

И он повторил чуть не вслух:

«А все-таки, что такое страх?.. Нет, не страшно. Лишь бы скорей затрубили трубы!»

Александр был благодарен отцу, что тот доверил ему командование в такой важной и трудной части фронта. Теперь Александр должен оправдать это доверие. Или умереть, как говорят

в таких случаях отважные люди. Но это — пустые слова. Александр не может умереть. Он может только победить. И победит.

Но вот завывла труба. Букефал вздрогнул, и мускулы его заиграли под атласной шерстью. Александр тотчас рванулся в битву, увлекая за собой могучую конницу.

Оба войска сошлись на равнине. Засверкали копья, зазвенели мечи, тучами полетели глухо гудящие стрелы и дротики...

Филипп, зная силу фиванцев и опасаясь за сына, стремительно двинулся на афинян, чтобы потом зайти в тыл фиванским отрядам. Он теснил афинян, а его правое крыло медленно отходило назад.

Афиняне, увидев это, бросились на отступающих. В радости от такой легкой победы, они, не оглядываясь, мчались за отходящими македонянами. Они кричали как победители, они торжествовали!

И не видели, что делается на поле сражения...

Пока афиняне гнались за бегущими с поля, Александр напором своей тяжелой конницы прорвал фиванский фронт, и это сразу решило исход битвы. Сейчас фиванцам нужна была немедленная помощь, но афиняне в своем обманчивом торжестве и не оглянулись на них. Фиванцы смешались, их полководца Феагена убили, и они, не слыша команды, стали отступать без всякого порядка и почти без сопротивления. Лишь «священный отряд» сражался до конца. Он весь погиб на этом кровавом поле. Все триста человек полегли здесь, как один, никого из них в живых не осталось. Они умирали, не отступив ни на шаг с того места, где их поставил военачальник.

«Священный отряд» пал. Фронт прорван. Фиванцы разбиты. Афиняне, увидев, что они обманулись в победе, побежали.

Бежал со своим отрядом и Демосфен.

— Они умеют побеждать,— сказал Филипп,— но не умеют удерживать победу!

Филипп мог бы догнать афинян, мог бы напасть на них теперь и уничтожить.

Но он не стал преследовать их. И Александр, распахнутый битвой, повинувшись его команде, опустил окровавленную сариссу и остановил покрытого пеной коня. Он снял шлем, вытер пот со лба, оглянулся. Так недавно стоял перед ним грозной стеной враг, так недавно реяли на ветру султаны их шлемов, сверкали щиты и копья... И вот нет никого, только мертвые тела лежат по всей долине...

Александр молча повернул Букефала к своей палатке, стоявшей под дубом на берегу журчащего Кефиса. Здесь он сошел с коня и сам вытер с него пот и пену, огладил его, успокоил. Букефал тихонько ржал, словно разговаривал с Александром, — они любили и понимали друг друга.

Отряд Александра, уставшие в битве воины понемногу собирались к своему юному военачальнику. Жестокое торжество победы светилось в их глазах. Александр чувствовал, с каким уважением они смотрят на него, он улавливал их речи, полные удивленного восхищения, признания, похвал...

А на другом конце поля, где стоял шатер царя Филиппа, слышались громкие голоса, раскатистый хохот, выкрики.

В палатку Александра заглянул Гефестион. Он уже успел снять с себя и шлем и панцирь — победа полная, бояться некого.

— Хочешь посмотреть, что делает царь Филипп?

— А что он делает?

Александр и Гефестион направились к царскому шатру. Но не дошли, остановились.

Царь Филипп, пьяный — не то от своей огромной победы, не то уже успев выпить вина, ходил, приплясывая, по окровавленной долине и громко выкрикивал в такт своей пляске формулу тех многочисленных псефисм¹, которые выносил на Народных собраниях против него Демосфен:

— Демосфен, сын Демосфена, пеониец, сказал следующее!.. Ха-ха!

Приближенные Филиппа, его этеры, упоенные победой, хохотали. Александр увидел среди них и афинян, державших сторону Филиппа. Вот Эсхин по-актерски красиво стоит, подпершись в бок рукой. Вот и Демад, чьи красноречивые речи не раз улаживали дела Филиппа (говорят, что Филипп ему хорошо платил). Военачальники заметили Александра.

— Царь Филипп, — крикнул Фердикка, как видно тоже хлебнувший лишнего, — перестань плясать! Вот стоит человек и смотрит на тебя. А ведь он, клянусь Зевсом, больше похож на царя, чем ты!

Филипп остановился.

— Как он опрокинул фиванцев, а? — подхватил Птолемей. — Вы видели, как он их опрокинул?

— Вот настоящий царь македонский! — засмеялись этеры.

¹ П с е ф и с м а — постановление.

Весь «священный отряд» погиб на этом кровавом поле.

указывая на Александра.— А ты, Филипп, хороший полководец, но какой же ты царь?!

Александр молчал, сурово сжав губы. Гефестион е тревогой смотрел на Филиппа. Но Филипп, счастливый своей победой, и не думал сердиться. Увидев Александра, стоявшего в латах, но с открытой головой, он с пьяной нежностью улыбнулся:

— Царь македонский!

И снова пошел плясать среди мертвых тел.

В это время к нему подошел Демад.

— Перестань,— сказал он с неожиданной суровостью,— тебе судьба предназначила роль прославленного полководца Агамемнона, а ты ведешь себя, как Терсит, которого презирали!¹

Филипп, тут же опомнившись, страхнул с себя дурман и пьяное наваждение. Он выпрямился, принял полную достоинства осанку и сказал:

— Довольно. Элладе конец. Мы победили. Не будем терпиться их отчаянием.

ВОЛЯ ПОБЕДИТЕЛЯ

Филипп торжествовал. Неудачи последних лет утомили его. И вот победа полная, несокрушимая победа. Он победил Элладу. Надменные афиняне бежали с поля боя перед македонскими войсками. Снова кровью эллинов была обагрена эллинская земля. Ручей, струившийся из-под Херонейского акрополя в Кефис, стал красным от эллинской крови. И еще много лет после битвы, как говорит предание, цвели на той земле анемоны, окрашенные пурпуром...

Как прекрасно, как умно говорил один из афинских ораторов — Филипп не мог припомнить, кто именно,— что лишь битвы при Марафоне и Саламине достойны прославления, потому что там эллины защищали свое отечество от чужеземного врага. А что за слава, если эллины бьют эллинов же? Но афиняне снова — уже в который раз! — не остановились перед междоусобной войной.

Филипп ликовал. Пьяная пляска на поле боя — это было безудержным излиянием его чувств, его торжества и восторга.

¹ Герои «Илиады» Гомера.

Но он скоро опомнился. Он заявил, что хочет быть вождем Эллады, а не порабителем. Сейчас он мог бы сровнять с землей славный город Афины, как сделал когда-то перс. Но перс был варвар, а македонский царь — потомок Геракла!

Филипп страхнул с себя пьяное веселье, снял шлем и доспехи. И, задумчивый, с затуманенным лицом, пошел осматривать лежащих на поле боя. Его этеры последовали за ним. И с ними — Александр.

Филипп узнавал своих. И тут же сравнивал, чьих воинов убито больше. Но, даже не подсчитывая, было видно, как тяжело пострадали афинские и фиванские ополчения.

Возле «священного отряда» Филипп остановился. На черной от крови земле, в полном вооружении, ни на шаг не отступив от своих позиций, лежали все триста человек...

Филипп опустил голову и заплакал.

— Да погибнут злою смертью,— сказал он,— кто произнесет о них хоть одно недоброе слово!

Жрецы тем временем приготовились принести богам благодарственные жертвы. Они уже надели белые одежды и увенчались зелеными венками. У жертвенников были приготовлены дрова. Но Филипп не захотел принести жертв. Не варвары, а люди одной с ним крови лежали на поле битвы.

К концу дня стало известно, что у афинян убито тысяча человек и две тысячи их взято в плен.

В этот вечер в шатре царя не шумел веселый пир, как бывало всегда у Филиппа после победы. Ни венков, ни песен, ни озорных мимов. Ужин проходил в печальном молчанье. Филипп даже не засмеялся ни разу.

Александр задумчиво и внимательно глядел на отца, стараясь понять его. Александр видел, как он плясал среди убитых. А что же теперь? Искренне ли он плакал над «священным отрядом»? Может быть, он, вынужденный убивать эллинов, и вправду жалеет их, погибших под македонскими копьями?

Вынужденный? Но разве афиняне или фиванцы пришли в Македонию? Разве не Филипп пришел сюда, в середину их земли? Он пришел воевать и победил. Так о чем же плакать?

После ужина, в начале ночи, когда этеры разошлись по своим палаткам, Александр и Филипп сидели в царском шатре. Красноватая ущербная луна заглядывала под откинутую полу шатра, тихо журчал и звенел Кефис, скрытый в сыром тумане.

— Бывают случаи, когда надо хранить при себе свои истинные чувства,— говорил Филипп. Он был сегодня трезв, за ужином на столе не стояло кратеров с вином.— Этому надо научиться. Когда я был искренен? Конечно, тогда, когда я плясал в поле. Ты ведь знаешь, что значит для нас эта победа: или Афины и Фивы — или Македония. Ты думаешь, они пощадили бы Македонию, если бы победили?

— Думаю, что не пощадили бы.

У Александра холодок прошел по спине, когда он представил себе врагов, идущих по македонской земле, врагов беспощадных, не знающих милости. Они жгут македонские села, города, горит Миеза... Подходят к Пелле, к их царскому дому, убивают мать, сестер...

Нет! Этого не может быть, этого не может быть!..

Александр внутренне содрогнулся. Но ему и в голову не пришло задуматься над тем, что они, македоняне, жгут чьи-то села и города и убивают чьих-то матерей и сестер.

— А плакал я над фиванским отрядом тоже искренне,— продолжал Филипп.— Такие люди легли! И все потому, что у них безголовые правители. Зачем надо было воевать со мной? Разве не звал я их добром на войну против персов? А теперь вот они лежат здесь, а тот, кто виновен в их смерти, убежал вместе со своими гоппитами. Но рано или поздно этот крикливый петух будет в моих руках. И я буду судить его!

— Судить Демосфена, отец? А за что?

— За измену, Александр. За то, что он брал деньги у перса, лишь бы свалить меня. Во имя этого Демосфен поднял на войну Афины — и погубил афинян.

— Тебе доподлинно известно, что это так?

— Да. Известно.

— А почему ты, отец, остановился здесь? Мы сейчас могли бы захватить всю афинскую землю. Или ты жалеешь Афины?

— Жалею ли? Да, жалею. Такого города, как Афины, больше нет на свете. Но прежде всего я жалею себя. Если я сейчас уничтожу Афины — а я, клянусь Гераклом, могу это сделать немедленно! — то имя македонянина Филиппа останется для потомков как имя свирепого варвара. И бремя этого имени понесешь на себе ты, будущий царь македонский. А кроме того, это совсем не выгодно для тех дел, которые я задумал.

Александр слушал внимательно, глядя прямо в лицо Фи-

липпа, озаренное тихим светом масляных светильников. Он следил, как отражаются мысли и чувства в единственном глазу его отца, как возникают и разглаживаются морщины на его лбу, как появляется на устах хитрая усмешка и тут же исчезает в кудрявой бороде...

Филипп вдруг засмеялся.

— Царь македонский,— он указал пальцем на Александра,— как они называли тебя сегодня. «Ты, говорят, только полководец. А он царь!» Ну что же, пока еще не царь, но будешь царем. А воевал ты хорошо!

Александр не улыбнулся.

— Царь македонский — Филипп,— сказал он сурово,— и теперь царь всей Аттики.

— Нет,— Филипп снова стал серьезен,— я никогда не назову себя царем афинян. Зачем? Я мог бы это сделать, но этого делать не нужно. Так — между нами — кто мы такие, македоняне? О нас слышали и узнали только теперь, когда я прошел с войнами по Иллирии, по Фракии и по эллинской земле. Но Афины весь мир знает давно. Знает и чтит.

— Значит, все останется по-прежнему?

— Ну нет. Я стану первым военачальником, вождем всей Эллады. И не с эллинами буду воевать, а пойду сражаться с варварами, с персами. Я пойду освобождать от персов эллинские колонии на азиатском берегу. А что можно сделать более любезное сердцу афинян?

— Значит, все это ты делаешь в угоду Афинам?

— Ну нет. Это я делаю в угоду Македонии. Мне нужно завладеть морем. Но пока там стоят такие богатые и сильные эллинские города, как мы с тобой этим морем завладеем? А мы сначала отнимем эти города у перса. На берегу поставим свои войска, а у берега — флот. И вот — море наше. Но афинянам... Что мы скажем афинянам? Что мы идем отомстить персу за осквернение эллинских святынь. И клянусь Зевсом! — афиняне пойдут за мной. Слово «царь» им ненавистно, так пусть не будет этого слова. Я буду назван вождем. Ты понимаешь меня?

— Я понимаю тебя.

— Но ты не согласен со мной?

— Не согласен. Если я буду царем — я буду царем!

— Возможно. После всего того, что я сделаю. Но Зевс и все боги!.. Пусть твое царствование будет без раскаяний и без сожалений о совершенном, как это было не раз у меня...

Филипп встал. Этих слов объяснить Александру он не захотел.

Александр в глубоком раздумье вернулся в свою палатку. Гефестион ждал его, сидя над Кефисом в узорчатой тени молодого дуба.

— О чем говорил с тобой царь?

Александр, хотя и был всегда откровенен с ним, ответил уклончиво:

— О многом...

Эллада лежала у ног Филиппа. Теперь все будет так, как решит Филипп. И Эллада ждала его решений, готовая принять самую тяжелую участь. Афины, где столько лет поносилося имя македонского царя, Афины, которые подняли войну против него...

Какой милости, какой пощады ждать им?!

Афиняне были в панике. Ждали, что македонские войска вот-вот ворвутся в город... Готовились сопротивляться. Готовились просить о милости. Готовились к смерти.

И гневно бранили своих полководцев — фиванца Проксена и афинянина Хореса, называли их бездарными людьми, взявшимися не за свое дело. Военачальника Лисикла прямо обвинили в измене и приговорили к смертной казни.

Теперь снова подняли в Афинах голоса сторонники Филиппа. Они выставили множество тяжелых обвинений против Гиперида и Ликурга, вождей антимакедонской партии. А против Демосфена, возглавлявшего эту партию, возбудили судебный процесс.

На этот раз Демосфен молчал. Его никто не видел и не слышал, он будто исчез с лица земли...

Но македонский царь решил дело не так, как думали и боялись афиняне. Казалось, что он забыл все — и злобную вражду, и презрение, и бесконечные оскорбления, которыми унижали его и как царя, и как человека.

Он любит и почитает Афины. Боги свидетели — он был всегда им предан! Пусть афиняне придут и похоронят своих убитых воинов. Пусть возьмут их останки и положат в гробницы предков. Филипп — боги свидетели! — никогда не хотел войны с Афинами, он и теперь предлагает им мир и дружбу.

Однако иное дело фиванцы. Они были его союзниками, и они изменили ему в самый опасный для него час. Тут пощады не будет. Войско не могло защитить Фивы — оно было разбито.

Правда тоже не могла стать на их защиту — правда была на

стороне Филиппа: фиванцы сами нарушили свой договор с македонским царем.

И Фивам пришлось тяжело. Филипп взял с них выкуп за пленных. Взял выкуп и за право похоронить павших. Фиванцы с великой горестью хоронили их. На том месте, где лег «священный отряд», поставили каменное изображение раненого льва. И сделали надпись:

Время, всевидящий бог, все дела созерцающий смертных.
Вестником наших страстей будь перед всеми людьми.
Как мы, стараясь спасти эту землю святую Эллады,
Пали на славных полях здесь, в беотийской земле.

В Фивах Филипп поставил у власти олигархический¹ совет — триста человек было в совете, и все приверженцы Македонии.

Самых видных фиванских граждан, которые выступали против Филиппа, казнили. Многих Филипп отправил в изгнание. Богатства изгнанных и казненных македонский царь захватил себе.

Вспоминал ли Филипп, творя расправу над Фивами, свою юность, проведенную в этом городе? Не грозила ли ему тень Эпаминонда за все, что он сделал здесь?

Если и было так, об этом никто не узнал. Филипп твердой рукой осуществил свою жестокую месть.

ПОБЕДИТЕЛЬ ИЩЕТ МИРА

Оратор Демад всегда был сторонником Филиппа. Но сторонником не слишком надежным: когда пришлось воевать под Херонеей, он оказался в афинских войсках. Однако и там он не стоял неизбежно под ударами македонских копий. Увидев, что афиняне битву проигрывают, Демад без раздумий сдался Филиппу в плен.

Филипп после победы принял его в своем лагере. И здесь, за чашей хорошего вина, они о многом договорились.

— Мне стало известно, что Афины снова собираются сражаться со мной,— сказал Филипп,— говорят, что там идут большие работы, укрепляют стены. За дело взялся военачальник Гиперид, который так недавно бежал с поля битвы!

¹ О л и г а р х и я — правление аристократов.

— Что ж,— пожав плечами, ответил Демад,— они этим ставят Афины под удар. Если бы я сейчас находился там, я постарался бы удержать их от этого безумия.

Соглядатаи Филиппа сказали ему правду. В Афинах поспешно, в смятении, в отчаянии готовились к обороне. Все, что было ценного в стране, жители перевезли в город. Укрепили и обновили городские стены, стараясь превратить Афины в неприступную крепость.

У афинян был хороший флот. Они торопились поправить и морские укрепления,— там тоже можно было отсиживаться во время осады. Гиперид, военачальник и государственный деятель, считал, что нужно защищаться в Пирее, в афинской гавани, чтобы не подпустить врага к городу.

Гиперид предложил — и афиняне с ним согласились — дать право афинского гражданства метекам, людям, которые жили в их государстве, но прав афинских граждан не имели. Это же дорогостоящее право быть гражданином Афин решили дать и всем союзникам, которые борются за Афины, и должникам, лишенным этого права, и осужденным... Даже обещали освободить рабов и поставить их на защиту города. Все афинские граждане до шестидесяти лет взяли в руки оружие.

— Надо, чтобы мы все в полном единодушии встали на защиту отечества! — сказал Гиперид.

Стратегом — военачальником — избрали Харидема, старого вождя наемных войск, который уже много лет был непримиримым врагом Филиппа.

— Я знаю, кто такой Харидем, который собирается воевать со мной,— сказал Филипп, беседуя с Демадом,— я знаю, как он ненавидит меня. И он думает, что я боюсь его ненависти. А ведь я ее не боюсь!

— У тебя была какая-то история с его шурином Керсobleптом?

— Да,— Филипп пренебрежительно махнул рукой,— была такая история. Это еще когда я воевал во Фракии. Да стоит ли вспоминать такие давние времена? Но Харидем помнит. А и всего-то было, что я этого фракийского царька Керсobleпта прогнал из его царства. И сколько же кричал тогда по этому ничтожному поводу Демосфен! «Филипп обманщик, Филипп ведет коварную политику, не верьте Филиппу!..» А Филиппу просто была нужна Фракия. Как, впрочем, и Афинам. Они же всюду поселили там своих клерухов¹.

¹ Клерухи — высленцы из метрополии.

— Значит, что ж, будешь осаждать Афины?

Демад умел пить. Кудрявый мальчик виночерпий то и дело подливал вина в его чашу. Но Демад, хитро и проникательно поглядывая на Филиппа, сохранял хорошее настроение и светлую голову.

— Осаждать Афины? — чуть усмехнувшись, ответил Филипп. — А зачем? Я бы мог сделать с ними то же, что с Фивами. Но предпочту мир.

— Ты будешь просить мира?

— Я предложу мир.

— Поверят ли они тебе?

— Мне, может быть, и нет. Но тебе, Демад, клянусь Зевсом, поверят.

Демад задумчиво поворачивал в руках золотую чеканную чашу.

— Мне? Ты поручаешь уладить это дело мне?

— Не даром, Демад, не даром. Сейчас я уже разбогател и могу отблагодарить за услугу.

— Или ты не надеешься победить афинян?

Филипп засмеялся:

— Если им захочется так думать, пусть думают так. Но я не буду воевать с Афинами. И если они согласятся заключить мир, я отпущу афинских пленников без выкупа.

— А все-таки,— настаивал Демад,— ты мог бы разбить Афины?

— Мог бы.

— И ты этого не сделаешь?

— Клянусь Зевсом, нет.

— Да,— печально вздохнув, сказал Демад,— я вижу, что время Афин прошло.

Вскоре Демад отправился в Афины послом Филиппа с предложением заключить мир.

Демад в Афинах выступил очень убедительно.

— Продолжать войну уже на территории Афин опасно. Вы знаете, граждане афинские, что из этого получилось в Фивах. Кроме того, пусть вспомнят граждане афинские, что две тысячи афинян у Филиппа в плену, а денег на выкуп нет!

Снова шумела толпа на Пниксе. Снова стали слышны голоса сторонников Македонии, и звучали они все громче, все настойчивее. Кончилось тем, что афиняне стали склоняться к тому, чтобы принять предложение Филиппа.

Харидема, который и слушать не хотел о мире с Филиппом, сместили. На его место поставили Фокиона, спокойного, благо-разумного, уважаемого в Афинах человека. За то, что он постоянно говорил, что думал, за то, что никогда не обманывал доверия афинян, его прозвали Фокион Честный.

Фокион всегда считал, что надо ладить с Филиппом, что спасение эллинов в том, чтобы крепко держать союз эллинских государств против внешних врагов. Но эллинские государства никак не могут объединиться — так пусть их объединит Филипп. И не друг с другом надо сражаться, а выступить против самого главного и страшного их врага — против персов. И те, кто выступает против македонянина Филиппа, — те, сами того не сознавая, губят Элладу.

За эти взгляды и высказывания старый полководец Фокион не получил командования при Херонее.

А теперь Фокион, и с ним Эсхин, давний сторонник Филиппа, и Демад, который взялся устроить этот мир, отправились послами от Афин в лагерь к Филиппу, по-прежнему стоявший у Херонеи.

Македонский царь принял афинских послов с большими почестями. Устроил для них богатый пир, где были и венки, и благовония, и музыка. Но все в меру, все пристойно. Филипп, когда хотел, умел показать себя тонко образованным и хорошо воспитанным человеком.

Афинские послы и Филипп без труда договорились о заключении мира. А когда они уехали, Филипп в ответ на их посольство торжественно отправил своих послов в Афины изложить условия мира.

Послами этими были его старый, преданный полководец Антипатр, этер царя Алкимах и сын царя Александр. Их сопровождала блестящая свита.

АФИНЫ

Три дня ехали послы в Афины.

Рядом с Александром, чуть сзади, все время был Гефестион. Боги наградили его большим тактом и чуткостью — всегда чуть сзади, всегда чуть после... И только в бою — всегда рядом, всегда готовый защитить или помочь в минуту опасности.

Как ни любил его Александр, Гефестион никогда не забывал, что его друг — сын царя и будущий царь македонский,

и отлично чувствовал, что Александр это его качество очень ценит. Его даже угнетало, что он слишком красив и высок ростом, выше Александра, который был широкоплеч и несколько коротконог, но тут Гефестион уже ничего не мог поделать.

Александр крепко сидел на широкой спине Букефала. Он часто задумывался, скрывая волнение. Как-то примут его афиняне? Как он обратится к ним? Что нужно сказать — он знал. Это, отпуская его в Афины, ясно и точно изложил Филипп. Но не смутится ли? Не скажут ли там, что Александр слишком молод и плохо воспитан? Не уронит ли он как-нибудь по неопытности свое достоинство царского сына и победителя?

«Ничего,— успокаивал он себя,— Антипатр поможет. Он-то знает, как надо и как не надо».

И все-таки волновался. О славном городе Афинах, о его Акрополе, с высоты которого можно окинуть взглядом все афинское государство, он слышит с самого детства. И Аристотель любил Афины. Как много рассказывал он об истории государства афинского, о его высокой культуре, о его бедах, о его военных подвигах...

— Гефестион, ты помнишь битву при Саламине?

— Разве мы с тобой там были? — усмехнулся Гефестион.

— А я помню.

— Значит, ты там был?

— Все равно что был. Учитель так хорошо рассказывал об этом!

Гефестион вздохнул:

— Кажется, я в это время был занят другим. Все хотел положить Неарха на обе лопатки. Но он был такой ловкий!

— А учитель говорил, что это самая славная для эллинов битва, потому что они не со своими бились, а защищали свою родину от варваров...

Они подъезжали к Афинам. Широко раскрыв глаза, Александр жадно всматривался в чистую утреннюю даль. Большая округлая скала Гиметт, чем ближе они подъезжали, тем выше поднималась к небу, сухая, облитая пурпуром цветущего тимьяна, защитная крепость города Афин.

Вот уж и стена города видны на пологом склоне скалы, и красная черепица крыш...

— А что это блесит над городом? Будто звезда. Что это?

— Это богиня Афина,— ответил Антипатр,— охраняющая город. Это ее копье блеснит.

— Она из золота?

— Нет, из бронзы. Это Фидий ее поставил.

— Я знаю.

Александр знал об этом великом ваятеле, знал его трагическую судьбу,— Аристотель рассказывал о нем и о его творениях. Но выслушать рассказ — это одно, а увидеть — совсем другое. В груди возник холодок счастья — теперь он все это увидит! Все увидит!

В афинском государстве еще не было спокойствия. Возделанные поля пустовали. А возле городских стен теснилось множество поселян, сбежавшихся сюда со всем своим добром. Тут стояли повозки с одеждой, с хлебом, с вином, с оливками... Дремали быки во всей упряжи — их хозяева еще не знали, куда тронуться: вернуться ли домой на равнину, или бросаться в город под защиту городских стен. Невдалеке паслись стада овец и коз. Женщины с детьми сидели в тени повозок, варили на кострах пищу...

Увидев посольство, все они — и мужчины, и женщины, и дети — сгрудились у края дороги.

— Едут заключать мир!

— Мир будет! Мир будет!

— Смотрите — это Александр, сын царя! Это Александр, который разбил фиванцев...

— Да он же еще совсем молодой!

— Такой молодой... а уже полководец!

Александр ехал впереди, приподняв голову, чуть склонив ее по своей привычке к левому плечу.

— Все еще не идут по домам,— проворчал в бороду Антипатр,— боятся, не верят, а вдруг да придем разорять... Видишь, и стены починили.

Александр изо всех сил старался сохранять величавое спокойствие. Но тут же забывал об этом и, как мальчишка, оглядывался по сторонам. Он в Афинах!

В узких жарких улицах, среди глухих беззаконных стен одноэтажных домов, тоже теснился народ. Многие уже следовали за посольством, гурьбой бежали полуголые мальчишки, полные восторга и любопытства.

Нынче никто не работал. Поселяне, испугавшись войны, бросили поля, ремесленники оставили мастерские, горшечники не разжигали печей... Ведь мир с македонянином еще не

заключен, и еще неизвестно, за что братья — за деревянную свою соху и гончарный круг или за копье и колчан со стрелами...

На улицах чадили жаровни, синий дымок волочился над головами. Харчевни дышали густым душным паром, запахом жареной рыбы и чеснока. Всюду шум, суета, говор.

Но приближались македоняне, и все умолкали, все замирали на месте, провожая взглядами царских послов. Даже рабы-водоносы, которые только что бранились и толкались возле каменного колодца, забыли о своей работе и стояли неподвижно с кувшинами на головах.

Выехали на площадь, окруженную множеством зданий. Дома под черепичными кровлями жались друг к другу. И всюду на площади тесно — так тесно, что в иных местах и не пройти, — стояли мраморные статуи богов и героев.

В голубой тени портиков, украшенных синим и красным орнаментом, прогуливались богатые афинские граждане, скрываясь от солнечного пекла. Александр заметил, как неприужденны и красивы их движения, как изящно лежат складки их длинных одежд...

— Это Агора? — негромко спросил Александр. — Это здесь выступает Демосфен?

— Нет, — ответил Антипатр, — это рыночная площадь. Взгляни туда — видишь, там торговые ряды. А собрания у них чаще всего бывают на Пниксе. Это другая площадь, на холме.

— Вот на том холме?

— Нет. Это холм бога Арея. Там собирается ареопаг. Судят разных преступников.

— А это, перед нами, Акрополь?

— Да.

Александр поднял голову к Акрополю. Отвесная темно-серая скала, по которой карабкаются тускло-зеленые кусты и кое-где на уступах обгоревшими факелами стоят кипарисы. Такие же темные, серые стены наверху, на краю скалы. Александру показалось, что они наклонены внутрь, словно боятся рухнуть вниз с крутизны. А над этими мрачными стенами, как радостное видение, поднятый к небу Акрополь, светящийся теплым мрамором своих торжественных колонн... Александру захотелось немедленно соскочить с коня и побежать по тропе, огибающей холм Акрополя, и ступить на мраморную лестницу, и подняться туда, войти в этот прекрасный мир, где, как думал Александр, живут эллинские боги!

На площади македонян встретили афинские правители. Все они были очень любезные люди, давние приверженцы македонского царя. Александр обрадовался, увидев знакомые лица, ему улыбался белокурый щеголеватый Эсхин, который не раз сидел за столом у Филиппа, его приветствовал Демад... Демократы, противники Македонии, не пришли встречать македонских послов.

Македоняне сошли с коней, и Александр, окруженный свитой, сопровождаемый государственными людьми Афин, вступил в прохладный зал, где их ждал Фокион, старый, спокойный и мудрый человек.

Пока афинские вожди обсуждали между собой условия мира, продиктованные Филиппом, пока они готовились к Народному собранию, Александр, сопровождаемый охраной, и македонской и афинской, осматривал город. Иногда, отгородившись молчанием, он забывал о людях, окружавших его. С ним незримо ходил Аристотель, его учитель. Александр слышал его голос:

«Персы ворвались в Аттику и опустошили Афины...»

—Трудно поверить,— сказал Александр,— что этот город был когда-то опустошен!

—Да,— ответил со вздохом афинянин, который был среди этеров Александра.— Мы не забываем об этом.

—Они были и в Македонии,— задумчиво сказал Александр,— но Македония тогда была слаба. А как могли афиняне допустить варваров в свой город?

—Это были несметные полчища. Они, как море, вышедшее из берегов, хлынули в Аттику.

Пока поднимались к Акрополю, афинянин успел рассказать, как все это было.

—У нас, в храме Афины Паллады, обитает большая змея, страж Акрополя. Каждый месяц, лишь народится новая луна, ей в жертву приносят медовую лепешку. И змея ее съедает.

На этот раз лепешку принесли, а она осталась нетронутой. Когда жрица сказала об этом, все поняли, что богиня больше не охраняет их, она покинула Акрополь.

И тогда афиняне ушли из города. Женщин и детей отправили кого в Трезену, кого на остров Эгину. А сами вооружились и собрались на Саламине. В городе осталось лишь несколько жрецов в храмах да бедняки — им не с чем было уходить на Саламин.

К тому же пифия сказала, что их спасет деревянная стена — она будет неодолима. Афиняне поняли так: деревянная стена — это корабли. Но те, кто остался в Акрополе, решили, что это просто доски и бревна. Поэтому они досками и бревнами загородили вход в Акрополь и стали отбиваться от врага — горстка отважных людей против несметной армии персов... Вот на этом холме, что против Акрополя, стояли персы. Отсюда они вели осаду. Они завертывали стрелы в паклю, зажигали, а потом стреляли ими из луков. Афины горели. Укрепления обрушились, и варвары вошли в Акрополь. Те, которые защищали Акрополь, погибли. Одни бросились вниз со стены, другие бежали в храм, под защиту богини. Но богиня не защитила их, она ведь ушла из гррода. Персы их всех перебили в храме. А потом сожгли и храм, так же, как сожгли весь город...

Александр живо представил себе это опустошение, дым, и пепел, и горящие развалины... Такими были Афины.

Но прошло время, и вот город снова стоит во всей красоте, полный кипучей жизни. И Акрополь сияет и светится над ним чистым пентелийским¹ мрамором своих стен и колонн.

К Акрополю поднимались по неширокой тропе, которая вела их по уступам холма вокруг Парфенона — большого храма Афины Паллады. Парфенон был виден им то с одной стороны, то с другой. И вот наконец настала минута, когда нога Александра ступила на белый мрамор лестницы Пропилей...

С высоты Акрополя взгляд уходил очень далеко, до самых границ всей афинской земли,— легкие очертания гор, синева лесов, сбегających в долину по холмам и отрогам, глубокая голубизна моря с белой извилистой кромкой прибоя...

Земля суха, гориста, бесплодна. И все-таки сколько затаенной радости в этой солнечной стране, сколько светлой красоты! Недаром сложилась легенда, что боги избрали ее, что они живут здесь и даже спорят из-за этой страны, как поспорили Посейдон с Афиной. Каждый из них хотел сделать что-то очень доброе для афинской земли. Бог морей ударил трезубцем в скалу, и оттуда полилась солоноватая целебная вода. А богиня мудрости Афина посадила на бесплодной почве оливу и этим принесла много добра афинянам. Потому и стала Афина у них самой почитаемой богиней, покровительницей их государства, потому и выстроили ей этот великолепный храм Парфенон.

¹ Мрамор брали из каменоломен горы Пентеликон.

Величавые в своем спокойствии дорические колонны, окружая храм, словно оберегали его. Александр, следуя за жрецом ко входу, жадно разглядывал мраморный барельеф, который тянулся над колоннами,— всадники, девушки, погоняющие быков, женщины с ветками пальмы — эмблемой мира, шествие старцев... Краски фронтона — красная, желтая, голубая — радостно и нарядно сияли среди благородной белизны мрамора.

Александр с волнением вошел в храм, в мягкий полумрак. Свет жаркого, ослепительного дня проникал сюда только через распахнутые двери, рассеиваясь среди красно-синих стен. Афина стояла во весь свой огромный рост, в сиянье золотых одежд и высокого золотого шлема. Александр поднял глаза и встретился со сверкающим в полутьме взглядом богини. Она смотрела на него, чуть склонив голову, внимательно, испытующе, может быть, даже грозно...

И он, содрогнувшись, опустил ресницы.

Мир, названный Демидовым, был заключен. Все, что было задумано в мегароне царского дворца в Пелле, послы Филиппа осуществили в Афинах. Условия македонского царя были поставлены и приняты.

Афины во всем, что касается их внутренних дел, остаются свободными и независимыми. Македонская армия не должна вступать на афинскую землю. В афинские гавани не должно входить ни одно македонское судно. Область беотийского города Оропа, что на северо-восточной границе Аттики, захваченная Фивами, присоединяется к афинским землям. Филипп оставляет афинские границы нетронутыми. И без всякого выкупа отпускает военнопленных афинян.

Но Афины должны уступить Филиппу фракийский Херсонес. А вместе с Херсонесом Филипп взял проливы, контроль над черноморской торговлей, особенно торговлей хлебом. В привозном хлебе Афины постоянно нуждались, и теперь это ставило их в полную зависимость от Филиппа — может пропустить к ним корабли с хлебом, а может и не пропустить. Но что же делать? С этим теперь приходилось мириться. И афиняне радовались и боялись радоваться, не веря своей удаче. Они не надеялись отделаться так легко от войны, которая угрожала им полной гибелью.

Афинские правители с почетом проводили македонских послов. Филиппу в благодарность постановили воздвигнуть статую в Афинах, на рынке, в самой людной части города.

И обоим — царю Филиппу и его сыну Александру — даровали право афинского гражданства.

Александр возвращался счастливый и торжествующий. Все сделано, как надо. Ему не придется краснеть и смущаться перед отцом.

Всю долгую дорогу, в часы отдыха и во время ночевки в палатках, сидя по вечерам у костров, послы вспоминали о том, что видели, что слышали, что говорили.

— А Демосфен так и не появился,— с удивлением сказал Александр, когда они после ужина сидели у огня,— мне так хотелось посмотреть на него.

— Он уехал из Афин,— ответил Антипатр,— я тоже спросил о нем.

— Куда уехал?

— Взял военный корабль и отправился куда-то. Будто бы собирать дань с афинских союзников. Или за провиантом для города.

— А он не мог уехать позже?

— Конечно, мог бы. Но, видно, не хотел видеть нас, послов Филиппа. Да еще приехавших мириться. Ему надо было воевать с нами, ему надо было сокрушить царя македонского. Ну, а народу воевать вовсе не сладко. Видели, как поспешно погна-ли домой своих быков поселяне? Войны не будет, мир. Можно жить спокойно. У них еще и хлеб в полях не везде убран...

— А вы заметили, как много бедноты в Афинах? — сказал Гефестион.— Я просто поражен. Такой могущественный город, так украшен — и столько нищеты! Почему это?

— У них слишком много рабов,— нахмурясь, сказал Антипатр.

— А разве плохо, когда много рабов? — удивился Александр.— Чем больше рабов, тем больше рабочих рук, тем легче жить свободным гражданам.

— Это так. Но если всеми работами завладеют рабы, то что же делать свободным?

— А ты знаешь, Антипа, что говорил мой учитель Аристотель? «Необходимо, чтобы существовали рабы для всяких работ, а свободные люди, граждане, должны управлять ими». Видишь, я запомнил.

— Я тоже помню это,— сказал Гефестион,— он еще привел пример из «Илиады»...

— Да! — перебил Александр. — Он сказал: «Если бы каж-

дое орудие могло выполнять свойственное ему дело само по данному ему приказанию...» Как те треножники Гефеста¹:

...Готовил он двадцать треножников разом,
Чтоб их расставить вдоль стен своего благозданного дома.
К ножкам треножников он золотые приделал колеса,
Чтобы в собрание богов они сами собою катились.

Аристотель против того, чтобы с рабами обращаться дурно. Но он считает, что без рабов никак нельзя. Это только у Гефеста могли треножники катиться сами собой.

— Это одна сторона дела,— упрямо продолжал Антипатр,— а есть и другая, о которой Аристотель тоже говорил. Он говорил, что общение с рабами разлагает граждан, не говоря уже о том, что они лишают граждан работы. Вот ремесленник. Он придет и починит кому-то крышу — он заработал и, значит, сыт. Сошьет кому-то обувь или обожжет и продаст горшок. Опять-таки он заработал — и сыт. А если все это делают рабы, и притом бесплатно,— что же делать ремесленнику? Как ему быть? Вот и наполняется город нищетой. Рабы съедят Афины.

— Значит, по-твоему, Антипа,— сказал Александр, нахмурился,— рабство нужно уничтожить?

— О нет! — Антипатр покачал головой.— Рабство должно существовать вечно. Рабы должны делать свое дело — работать в рудниках, рыть каналы, таскать камни, выполнять все грубые и грязные работы.

Что еще мог сказать Антипатр, если даже Аристотель, человек великого ума и таланта, считал, что рабство необходимо? Люди своего времени, они и не могли мыслить иначе, не могли представить себе, что рабство — это позор их общества, их государства.

— Но свободные тоже не должны сидеть дома без дела,— продолжал Антипатр.— А их дело — постигать воинскую науку, воевать, властвовать, покорять чужие страны, а не посылать вместо себя наемников, как делают афиняне. А что за воин наемник?

Говорили о многом, вспоминали о многом. Особенно о том, что видели в Акрополе. И о большом храме Афины Паллады. И о той Афине, бронзовой, что стоит под открытым небом и чье копьё светит золотой звездой морякам, плывущим домой.

¹ Гефест — в древнегреческой мифологии бог огня и кузнечного мастерства.

И о храме Эрехтейоне, храме Посейдона, где внутри на скале остался след его трезубца. Как хороши белые мраморные фигуры его фриза на фоне из фиолетово-черного элевсинского известняка, как изящны его ионические колонны!..

Но одно воспоминание Александр хранил про себя — воспоминание о той минуте, когда он встретился взглядом со сверкающими глазами богини...

«Да, отец прав,— думал он,— нельзя разорять Афины. Нельзя их разорять».

И какой безвестной, глухой и печальной казалась ему теперь Пелла, затерянная в македонских горах!

РАЗЛАД

Наступила осень, начались дожди. Горы стояли нахмуренные, одетые мокрым лесом. По каменистым вершинам ползли, переваливая через них, тяжелые темные облака...

Филиппу не было покоя.

С Афинами все улажено — наконец-то! Маленькие эллинские города молча впустили македонский гарнизон,— Халкида, Амбракия, Акрокоринф...

На съезде в Коринфе, созванном Филиппом, провозглашен всеобщий мир. Между Македонией и эллинскими государствами со всеми, кроме Спарты, заключен оборонительный и наступательный союз. В числе других пунктов, принятых на этом съезде, утверждено одно, очень важное для замыслов Филиппа решение: каждый гражданин союзного города, который, будучи наемником на службе чужой державы, обнажит оружие против союза или против царя, должен как изменник быть изгнанным, а имущество его отобрано. Это решение лишало персидского царя эллинских наемников, которые могли бы выступить против Филиппа, когда он пойдет воевать с Персией, а воевать с Персией он пойдет скоро. Этой войны хочет и Эллада, чтобы отомстить за все зло и горе, принесенные персами, чтобы освободить от персидского владычества эллинские города в Азии. И захватить новые земли, чтобы было куда отправить весь нищий народ Эллады, которому не хватало ни земли, ни работы, ни хлеба в своей родной стране.

На этом же съезде в Коринфе Филиппу поручили верховное командование всеми военными силами эллинских госу-

дарств. Он был признан гегемоном¹ эллинов и стратегом-автократом² войск эллинского союза. Филипп хотел этого, и он этого добился.

И все-таки ему не было покоя.

Спарта, как всегда, не признавала никаких эллинских союзов. Она, как всегда, отказалась кому-либо подчиняться, отказалась дать свое войско для войны с Персией. Он вступил со своим ободренным войском в долину реки Эвроты, опустошил и разорил Лакедемон. Пощадил только Спарту,—слишком древним и далеко известным был этот город. Но пограничные земли, когда-то отнятые спартамцами у соседей, Филипп отрезал и отдал тому, кому они принадлежали раньше,—Аргосу, Мессении, Мегалополю...

Все было так, как хотел Филипп. Он, македонянин, хозяйничал и распоряжался в Элладе. Теперь он, царь македонский и вождь Эллады, поведет объединенное войско на войну с персидским царем, освободит эллинские города от дани персу и сам станет получать эту дань. Ему по-прежнему нужны были деньги.

Да, все делалось так, как он хотел. А Филипп ходил по своему большому царскому дому задумчивый, молчаливый. Иногда он вдруг устраивал большой пир, напивался, бушевал, старался веселиться, как бы отбиваясь от неотвязной мысли, которая не давала ему покоя.

Александр, уже привыкший к доверию отца, хотел понять, что происходит с ним. Но тот глядел на него мрачно и отчужденно.

Нехорошо было и в покоях Олимпиады. Александру там нечем было дышать: намеки, недомолвки, яростно сверкающие глаза, красные под сурьмой веки... Царский дом, несмотря на все огромные победы царя, был сумрачен, тревожен, несчастлив.

От этой гнетущей атмосферы дворца Александра защищали друзья: Гефестион, Неарх, Гарпал, Эригий.

Они вместе проводили досуг, тренировались, готовились к дальнему походу.

В Персию! В Персию! В Персию!

Это было главной темой их разговоров, их честолюбивых

¹ Г е г е м о н и я — предводительство. В Древней Греции — верховное руководство общими военными действиями.

² А в т о к р а т и я — единоличная, неограниченная власть.

мечтаний о победах, о славе, о богатстве персидских царей, которое, с тех пор как великий царь Кир завоевал Азию, стало у них несметным...

И только удивлялись, почему Филипп медлит с этим походом.

Но вот наступил день, когда все стало понятным.

— Ты что-нибудь слышал, Александр? — каменным голосом спросила Олимпиада.

— О чем?

— О том, что задумал твой отец?

— Что ж он мог задумать, кроме похода в Азию?

— Он задумал жениться, Александр.

Александр онемел. Он знал, что на пирах отца присутствует много женщин, что они пьют вместе с его этерами вино, забавляют их игрой на кифарах, пением, плясками... Александр не любил их общества, он презирал их. Если отцу весело с ними, это его дело.

Но жениться!..

— А разве у него нет жены, разве ты не жена его?

— Он оставил меня, Александр.

У Александра потемнело лицо. Он любил свою мать, он все время страдал за нее, за унижение, за обиды, которыми отец без конца ее угнетал.

И теперь такое тяжелое оскорбление! А ведь Олимпиада не какая-то безвестная женщина, она сама из царского рода, из рода Ахиллеса! И, наконец, она его, Александра, мать!

— Кто же войдет в наш дом? — помолчав, спросил он.

— Клеопатра, племянница Аттала.

— Клеопатра! Она же почти ровесница мне! А он уже старый, ему сорок шесть лет!

Олимпиада плакала от возмущения, от ненависти. Она бы убила сейчас Филиппа и растерзала бы эту бесстыдную Клеопатру, которая осмелилась согласиться стать женой македонского царя!

Александр, стиснув зубы, вышел из гинекея. Решительным шагом он направился прямо в покои Филиппа. Гефестион, заглянув в его потемневшие, полные бешенства глаза, оставил Александра:

— Успокойся сначала. Обдумай, что сказать...

Но Александр оттолкнул его.

Филипп, увидев сына на пороге своей спальни, нахмурился. Александр подошел к нему:

— Отец, это правда?

Филипп кивнул головой.

— Что ты делаешь? Ты уже старый, отец!

— Я мог бы сейчас выгнать тебя отсюда и ничего не ответить.

Александр выпрямился, вскинув подбородок.

— Но я тебе отвечу,— продолжал Филипп.— Я люблю Клеопатру, и я на ней женюсь. Старый!.. Ты еще ничего не понимаешь. Ты поймешь это, когда сам станешь старым, как я. Не раньше.

Александр вышел. В пустынном дворе гудел осенний ветер, красные и желтые листья крутились на мокрых каменных плитах.

Александр стоял сдвинув брови, думал, старался освоиться с тем, что произошло, старался понять отца.

— Когда буду старым, тогда пойму... Ну что ж, подожду до тех пор, когда буду старым.

Но этого ему понять так и не привелось, потому что ему не суждено было дожить до старости.

СВАДЬБА

Тяжелым шагом брела по горам Македонии поздняя осень, волоча по склонам сырые туманы, проливая холодные, пахнущие снегом дожди. Веселая Лудия утратила свой алмазный блеск, стала тусклой, неприветливой. На небольшом озере под Пеллой по утрам появлялась серебристая кромка прибрежного льда. Мир был замкнут тяжелой стеной гор и черных лесов...

День свадьбы Филиппа приближался. Олимпиада поняла, что она не сможет отворотить этого. И оставаться во дворце, когда сюда войдет молодая жена ее бывшего мужа, она тоже не сможет. Рано утром, ни с кем не простясь, она села в повозку и покинула Пеллу. Небольшой отряд телохранителей молча последовал за царицей. Антипатр велел проводить ее до самого дома.

Снова каменистая дорога, уводящая в глубину сумрачных гор Эпира. Миновали оголенные дубовые и платановые леса высокой Пенейской долины. Толстый лохматый слой коричневой листвы жестко шуршал под колесами повозки. Этот шум опавших листьев будил воспоминания о юности, о счастье... Сколько

раз еще совсем девочкой проезжала здесь Олимпиада, направляясь в Самофракию, на празднества Кабиров!

Все теснее горы, все выше темно-лиловые, почти черные базальтовые вершины. Если остановиться и оглянуться, то увидишь отсюда богатую хлебом долину Фессалии. Но сейчас эта долина погружена в холодный туман и молчание — зима уже бродит по пустынным полям.

Все ближе и ближе Мецовский перевал. Вот и поднялись, и перевалили. И сразу закрылись фессалийские леса и равнины. Голые мрачные скалы приняли путников в свое суровое царство. Глубокие, похожие на ущелья долины, грохот бешеных горных потоков, неистовое завывание ветра, снеговые вершины, смутно белеющие среди синих тяжелых туч. Все давно виденное, давно знакомое. Но уже не озаренное ни радостью детства, ни надеждами юности, ни ликованием любви.

Показалась голая вершина горы Томароса с полосками снега в глубоких длинных морщинах. Там в сырой и печально-красивой долине Додонское святилище, самое древнее, самое почитаемое. Сюда приходят все эллинские народы посоветоваться с оракулом о своих делах, о судьбе. Афиняне отправляют сюда торжественные процессии с дарами великому Зевсу и богине Дионее — Земле, кормящей человека. Олимпиаде показалось, что она слышит далекий, длинный, переливчатый звон медных чаш, что висят в священной роще вокруг дуба, в котором таинственно присутствует Зевс. Медным пением этих чаш оракул отвечает на чьи-то вопросы.

«...Могучий Зевс, бог Пеласгов, царящий далеко отсюда, в холодной Додоне...» — так обращался к Зевсу Ахиллес, родившийся в Эпире.

И вот она, Олимпиада, из рода Ахиллеса, возвращается домой бесконечно униженной и оскорбленной.

Дяди ее Аррибы к этому времени уже не было в Эпире. Филипп не забыл его недоброжелательства. Однажды он напал на Эпир. Арриба отбился. Но позже Филипп напал еще раз и прогнал его из Эпира. Арриба ушел в Афины. Теперь Эпиром правит брат Олимпиады, Александр.

Александр принял сестру с большим сочувствием. Олимпиада снова поселилась в своем гинекее...

Ей казалось, что здесь, в тишине покоев эпирского дворца, ей будет легче вынести свое горе. Но проходили дни,

проходили ночи, а мысли тянулись все туда же, в Пеллу. Там теперь готовится пир, свадебный пир. Ее муж... женится. Ненавистная Клеопатра с рыжими волосами войдет в его дом — в ее, Олимпиады, дом!

— О Гера, ты сама знаешь, как тяжела эта обида! Но ты могла мстить и всегда мстила за измену. Помоги же и мне отомстить Филиппу, забывшему совесть!

Она в отчаянии бросалась на свое богатое ложе, слезы смывали с ее лица белила и румяна. Тяжелый камень давил ей сердце, не отпуская ни на минуту. Ложась ночью в постель, она боялась, что этот камень совсем задушит ее.

— Как пережить это, о Гера и все боги?!

В ясные дни Олимпиада поднималась на высокую скалу, которая возвышалась над городом. Отсюда ей видно было дорогу, ту самую дорогу, по которой когда-то явился к ней жених из Македонии, царь македонский... Она часами смотрела на нее. Чего-то ждала. Может, гонцов из Пеллы, которые придут к ней и скажут, что никакой свадьбы не будет, что Филипп одумался, что он приказывает ей вернуться...

Но путники шли и ехали по дороге. И уходили дальше, исчезая в тумане. Чтобы отвлечься, отрешиться от себя самой, Олимпиада пыталась вспоминать сказания, слышанные в детстве.

Говорят, здесь, в Эпире, когда-то был потоп. Зевс, рассердившись на людей за то, что они перестали почитать его, затопил землю. Все эти вершины, которые теперь так величаво смотрят в небо, были под водой. Ни гор, ни леса, ни полей — только вода и тучи. И еще молнии — огненные стрелы разгневанного бога...

Лишь маленький самодельный корабль праведного человека Девкалиона одиноко плавал по этому безбрежному печальному морю. Девкалиона предупредил о грядущем бедствии его несчастный отец Прометей. Так вот они и спаслись — Девкалион и его жена Пирра. Они плавали девять суток. А потом вода стала убывать, высунулись вершины гор. И корабль их остановился на Парнасе.

Девкалион и Пирра спаслись от потопа. Но могли ли они остаться только двое на всей огромной земле? Нет, не могли. Нигде никого. Ни в лесу, ни в полях... Ни одной хижинки.

Девкалион и Пирра испугались одиночества и попросили Зевса снова заселить землю. Зевс принял их просьбу. Он велел набрать камушков и бросать их за спину. Те камушки, что

бросал Девкалион, превратились в мальчиков. А те, что бросала Пирра, стали девочками.

Так вот отсюда, от царя эпирского Девкалиона и его жены, и пошел по земле весь человеческий род. От нее, Олимпиады, предков пошел весь род человеческий!

Но кто же помнит об этом?

Если бы так же, как населили землю, цари эпирские могли и уничтожить того, кого хотели бы... Но этого им не дано. Не дано. А если бы было дано, Олимпиада послала бы наводнение в долину Пеллы!

...А в Пелле уже шумел праздник. Народ целый день толпился на улицах — всем хотелось посмотреть, как их царь Филипп проедет во дворец со своей молодой женой. Ни мрачных лиц не было в толпе, ни осуждения. Это хорошо, что Филипп берет в жены македонянку. И хорошо, что колдунья Олимпиада убралась из Пеллы в свой Эпир!

В час, когда начали возникать сумерки, в городе вспыхнули оранжевые огни факелов. Они загорелись около дома Аттала, где расположились певцы и музыканты, ожидая появления свадебной процессии, толпился народ. Но вот открылись ворота, богатая колесница, запряженная рослыми мулами, появилась на улице. Кончился веселый обед в доме невесты. Теперь она сидит в колеснице рядом с Филиппом, укрытая сверкающим покрывалом.

А Филипп, роскошно одетый, с царской диадемой, утонувшей в его густых мелких кудрях, торжествующий, счастливый, улыбался направо и налево, отвечая на поздравления.

Зазвенели форминги, запели чистыми голосами флейты, ликующая эпиталама¹ разлилась по улицам Пеллы:

...Сладкое яблоко ярко алеет на ветке высокой,
Очень высоко на ветке; забыли сорвать его люди.
Нет, не забыли сорвать, а достать его не сумели!..

Торжественная процессия медленно направлялась к царскому дворцу, щедро украшенному цветами.

А потом во дворце был длительный пир, многолюдный, с обилием еды и вина, с музыкой, с пением, с плясками...

Молодую жену, золотоволосую Клеопатру, отвели в ее

¹ Э п и т а л а м а — обрядовая свадебная песня.

покои. Она ушла, как велит обычай, молча, не приподняв покрывала.

Уже давно наступила ночь, а пир был в самом разгаре. Филипп, пьяный и буйно-счастливый, сидел среди своих гостей. Его окружала вся македонская знать, блистающая пышными нарядами и драгоценным оружием. Здесь были линкестийцы из древнего рода Вакхидов; властители из рода Оронта, который издревле владел властью Орестиды; наследники рода Полисперхона, владетели Тиофейской земли...

Рядом с царем сидел полководец Аттал, дядя его молодой жены Клеопатры, раскрасневшийся, надменный, самодовольный... Тут же был и Парменион, известный военачальник, тесть Аттала. И суровый Антипатр, который даже на этом пиру был трезв и сдержан. И вся родня Антипатра была здесь — его сыновья, его зятья, его племянники.

Был на свадьбе своего отца и Александр. По праву он сидел близ царя. Он хотел бы уйти к друзьям, в дальний угол мегарона, но это было недозволено. И друзей посадить рядом недозволено тоже. Лишь Гефестион, Черный Клит — брат Ланики — и сын Пармениона, Филота, были допущены к столу царского сына.

В очаге пылал большой огонь, ветер загонял из верхнего отверстия в зал волокна дыма и копоти. На столы всё подавали жирное мясо, рыбу с острой приправой, зелень и сочные яблоки и всё подливали в кратеры вина...

Уже никто не слушал аэда¹, и он сидел, опустив на колени формингу. Все что-то говорили, смеялись, ели и пили и снова пили и пели что попало.

Александр молчал, лишь изредка пригубливая чашу с вином. Иногда он взглядывал на отца и тут же, нахмурясь, опускал ресницы. Филипп весь вечер не замечал Александра, не глядел в его сторону.

«Каким чужим он мне стал,— горько думал Александр,— каким чужим и даже враждебным!»

Давно ли они с отцом стояли в одном строю перед грозным врагом! Ему хотелось провалиться сквозь землю, чтобы не видеть и не слышать того, что здесь происходит.

Против него за столом сидел, развалившись, рыжий Аттал. Красный от вина, с мокрым лоснящимся ртом и черными, как маслины, глазами, он был отвратителен Александру. Аттал уже

¹ А э д — певец.

чувствовал себя самым близким человеком македонскому царю, он уже снисходительно поглядывал вокруг себя на царских этеров и полководцев. Александра он словно не видел, его пьяные, маслянистые глаза глядели на царского сына как на пустое место.

Заметив, как вздрагивают у Александра ноздри, какое бешенство сверкает в его глазах, Гефестион старался отвлечь его разговором, начал было читать первый пришедший в голову стих «Илиады».

Но тут грузно поднялся Аттал. Вскинув кверху свою чашу и расплескивая вино, он громко провозгласил, обращаясь к гостям:

— Теперь молитесь богов, македоняне, чтобы боги даровали нашему царю македонскому Филиппу законного наследника!

Александр вскочил, будто его ударили плетью.

— А меня, негодяй, ты что же, считаешь незаконным, что ли? — крикнул он.

И, размахнувшись, швырнул в Аттала свою тяжелую золотую чашу.

Филипп, не помня себя от ярости, выхватил меч и бросился к сыну. Но тут же, споткнувшись, пошатнулся и с грохотом свалился на пол.

Александр, пылающий, будто охваченный заревом пожара, вышел из-за стола. Он обернулся к отцу с презрением и насмешкой:

— Смотрите, друзья, мой отец хочет идти в Азию, а сам не может дойти от стола до стола!

Филипп поднялся, не выпуская меча. Гости поспешно окружили его, встали между ним и Александром.

Александр в негодовании, глубоко оскорбленный, тут же ушел со свадьбы отца. А наутро, как только рассвело и стало видно дорогу, Александр сел на своего Букефала и уехал из Македонии в Эпир, к Олимпиаде.

Олимпиада, увидев Александра, вернулась к жизни. Такой радости она не ждала. Ее любимый сын с нею, не с отцом! Значит, впереди еще возможна и власть, и могущество, и торжество над ненавистными людьми. Кроме того, что Александр своим присутствием, будто солнцем, озарил ее дни, он воскресил все ее надежды. Ведь все-таки, как ни безумствуя Филипп, сын Олимпиады — наследник царя, будущий царь!

Укрывшись в эпирском дворце, Олимпиада и Александр проводили дни, обдумывая свою судьбу. Они ждали. Ждали

вестей от Филиппа,— ведь не уйдет же он в Азию, оставив здесь Александра!

Скороходы один за другим уходили из Эпира в Македонию и потом один за другим возвращались с разными вестями. Царь Филипп собирает и снаряжает войско, готовится к большому походу... И снова: царь Филипп снаряжает войско... И опять: царь Филипп снаряжает войско. И главным полководцем его идет в Азию Аттал...

И вот наступил день, когда вестники принесли важную новость, нарушившую тишину эпирского двора,— у Клеопатры родился сын!

—Ты понимаешь, что грозит моему сыну? — обратилась Олимпиада к брату, царю Александру.

—Но что может грозить Александру? Ведь он старший,— возразил брат.

Александр эпирский боялся Филиппа. Он окружил Олимпиаду теплотой и вниманием, но никак не мог скрыть своих опасений. Если Филипп разгневется и двинется к нему, в Эпир... Сдобровать ли им всем тогда?

—Ты недалководен, брат мой,— резко и настойчиво продолжала Олимпиада,— а я тебе скажу, что будет дальше. Клеопатра заставит Филиппа признать своего сына наследником, и тогда Филипп отстранит Александра от царства.

Александр слушал эти тревожные речи, и ему становилось не под силу сохранять хотя бы внешнее спокойствие. Неужели отец, который доверял ему, еще шестнадцатилетнему, царство, которому он предоставил честь решить битву при Херонее, с которым он делился, как полководец с полководцем, своими военными замыслами,— неужели он теперь отстранит Александра? Как это может быть?

—Как это может быть? — повторил и царь эпирский.— Александр — старший сын царя. Что можно сказать против его права наследовать царство? Нет, тут ничего сказать нельзя.

—Можно,— глухим голосом возразила Олимпиада,— можно сказать. И говорят.

Оба Александра — и брат и сын — удивленно глядели на нее.

— Что говорят?

Что у моего сына Александра мать чужеземка — вот что говорят! Что мой сын Александр по своей матери напо-

ловину варвар, а Клеопатра — македонянка чистой крови и сын ее будет настоящим македонянином и царем македонским. Вот что говорят.

Александр побледнел. Так вот какая угроза нависла над ним. Его будущее, созданное обстоятельствами самой судьбы, его будущее, которое стояло перед ним полное славы и побед... Все это может рухнуть, превратиться в дым!

— Что же делать,— вздохнул царь Эпира,— если так суждено богами...

— А мы должны сложить руки и ждать, пока Клеопатра заставит Филиппа вообще уничтожить нас? — Олимпиада величаво подняла голову.— Нет, не ждать мы должны. А призвать богов и защищаться!

Защищаться!..

Быстрая мысль Александра тотчас ухватилась за это слово. Защищаться... Защищать свое право, а может быть, и жизнь. Зевс и все боги! Ему надо защищаться от своего собственного отца!..

Александр уже и тогда умел моментально принимать решения.

— Я поеду в Иллирию,— сказал он.

— В Иллирию! — Царь эпирский испугался.— Но иллирийцы — извечные враги Македонии.

— Вот потому-то я туда и поеду. Союзники македонян не станут сражаться с царем македонским.

Олимпиада поняла его.

— Ты прав,— сказала она.— Поезжай. И не медли. Ахиллес, предок твой, поможет тебе.

Александр медлить не стал. Он простился с матерью, чью преданность особенно оценил в это трудное время, простился с царем Александром. И уехал в Иллирию, в горную страну на побережье Адриатики. Там надеялся он найти поддержку и помощь, если придется защищать свое право с оружием в руках.

Иллирийцы приняли его.

ПРИМИРЕНИЕ

Филипп деятельно готовился к походу в Азию. Забот хватало. Военачальники его не знали отдыха. Уж если начать войну, так надо победить. А Дарий — сильный противник, вой-

ско у него несметно. Значит, надо брать не численностью отрядов, которых у Филиппа никогда не будет так же много, как у перса, но боевыми качествами, хорошим вооружением, дисциплиной, умением побеждать.

Дело у Филиппа ладилось. Вся Македония, все эллинские государства, кроме Спарты, готовились к войне, вооружались, снаряжали обозы, запасались провиантом и всем необходимым, что понадобится в походе.

Все ладилось, а душу томила скрытая печаль — его сын ушел из дому.

Но как легко Филиппу дышится в Пелле теперь, когда в гинеее живет и заправляет домашними делами молодая, нежная, как цветок, Клеопатра. Вместо упреков и угроз Олимпиады — мягкий, ласковый голос, светлый взгляд, добрая улыбка его юной жены.

И маленький сынок, смеющийся в колыбели. Судьба старается наградить Филиппа всеми радостями, доступными человеку на земле, хотя этот человек погубил столько таких же счастливых семей, что и сосчитать невозможно. Филипп не думает об этом. Он был бы счастлив...

Но сын его Александр ушел из дому!

Олимпиаду забыть очень легко. Пусть она сидит там, среди гор, у своего брата. И совсем хорошо было бы, если бы она осталась там навсегда. А Филипп скоро отправится в Азию. В Элладе думают, что он пойдет свергать и уничтожать персидского царя, этого рохлю Дария. Но Филипп просто прогонит его из эллинских колоний, захватит азиатский берег и будет царствовать до конца своей жизни и над Македонией, и над Элладой, и над колониями эллинов, расселившихся по берегам морей.

Все складывается так, как он хотел. Можно торжествовать, можно считать себя счастливым.

Но вот сын его Александр ушел из дому!

Так прошла осень, прошла зима.

А когда согрелись горы, и в долинах загремели весенние потоки, и зеленый бархат молодой травы кое-где появился на склонах, македонские полководцы заговорили о том, что время надевать панцири.

Как-то утром к нему, Филиппу, пришел Аттал.

— Не думаешь ли ты, царь, что пора двинуть войско?

Войско мое готово,— ответил Филипп,— но сам я еще не готов переправиться на тот берег. Надо еще уладить многие

дела. Надо подумать, кого оставить здесь, пока я буду отсутствовать.

— Пошли хотя бы авангард.

— А кого послать в авангарде?

— Я сам пойду. Если ты мне доверяешь. Кажется, я у тебя не из последних полководцев.

Филипп незаметно взглянул на него. Заносчивый, самодовольный, грубый, он становился в тягость Филиппу. Ему неприятно было видеть, как Аттал старается всем показать, что он не только царский этер, но еще и родственник царя. Филиппу неприятно было видеть, как доброжелательно встречают Аттала его воины; Аттал умеет расположить их к себе, хотя он, Филипп, не понимает, чем именно.

— Хорошо,— сказал Филипп,— ты поведешь мой авангард. Переправишься через Геллеспонт и там будешь меня ждать. А я не замедлю. Ты прав, Аттал, пора надевать панцирь.

Филипп снарядил и отправил в Азию передовые отряды. Однако вместе с Атталом он послал еще двух военачальников — Аминту и Пармениона, с которыми вместе прошел по многим военным дорогам и чью верность много раз испытал.

Проводив свой авангард, Филипп разослал вестников в эллинские города, извещая, что пора готовить в путь вспомогательные войска. Коринфский союз определил, что эллины могут дать двести тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников.

В это время к Филиппу стали доноситься зловещие слухи из Эпира.

Олимпиада не успокоилась, ничего не забыла, ни от чего не отказалась. Она неустанно подбивает брата, царя Александра эпирского, начать войну против Филиппа.

«Правда на нашей стороне. Будущий царь Александр македонский — с нами. Сейчас самое время напасть на Филиппа, когда сильная часть его войска перешла Геллеспонт!»

Уже слышно стало Филиппу, что в Эпире гремят оружием и, так же как он против перса, готовят войско против него. Он уйдет сражаться с Дарием, а в это время царь эпирский захватит его собственное царство!

Филипп неистово ругался.

В такое время, когда сама Тиха, богиня удачи, подала ему руку, когда он так близок к свершению своих замыслов, про-

клятый Эпир, проклятая женщина и бестолковый брат ее становятся на его дороге!

— Если бы рухнула какая-нибудь гора в Эпире и обрушилась бы на их головы, клянусь Зевсом, я похоронил бы их очень охотно и с великими почестями!

Филипп со своим отличным войском, конечно, разобьет эпирского царя. Но у него связаны руки, он не может сейчас, подготовившись к одной войне, затевать другую.

Что же ему делать?

Искать мира — вот что надо делать. Искать мира с эпирским царем. Искать мира с Олимпиадой.

В это время очень кстати к Филиппу пожаловал гость — Демарат из Коринфа. Демарат и Филипп были друзьями, они иногда гостили друг у друга, их связывали узы гостеприимства, что в те времена имело важное значение.

Филипп шумно приветствовал друга, осыпал его, как жемчугом, множеством любезных и пышных речей — он был на это мастер. Удобно устроившись перед накрытым столом, они завели разговор.

— Ну что там у вас,— начал Филипп,— ладят ли между собой эллины?

Демарат, усмехнувшись, покачал головой.

— Что и говорить, Филипп,— ответил он с иронией,— кому, как не тебе, заботиться о том, чтобы ладили эллины, кому, как не тебе, который в свой собственный дом внес распрю и беды!

Демарат был гостем и другом, и потому мог, не стесняясь сказать Филиппу все, что он думает. Филипп не обиделся, он понимал, что Демарат прав, осуждая его.

— Твой дом, твоя семья на виду у всего мира. О каком же порядке можно говорить, Филипп, который ты собираешься навести в государстве, если даже в семье ты этого порядка создать не можешь?!

— Я готов все забыть и все простить Александру,— вздохнув, ответил Филипп,— лишь бы он вернулся. Это нехорошо, что он ушел к моим врагам. Но как я заставлю его вернуться?

— Я берусь уладить это дело из дружбы к тебе и из любви к Александру,— сказал Демарат.— Я попробую убедить его. Сыну македонского царя нужно жить в Македонии. Иначе к чему же это все приведет? Междоусобица и снова война между своими... От этого все уже устали.

— Ты прав, Демарат, ты прав, клянусь Зевсом! — согласился Филипп.— Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты вернул домой Александра. Сам я ничего не могу поделать, между нами стоит его мать.

— Но как ты поступишь с Эпиром?

— Придумаю. Если бы ты только уладил это дело с Александром!

И Демарат это дело уладил. Александр вернулся домой. Но прежней дружбы с отцом уже не было. Они ничего не простили друг другу.

ПОСЛЫ В ЭПИРЕ

Лукавый, изворотливый Филипп очень скоро нашел путь к примирению с Эпиром. Все тщательно продумав, подобрав самые обольщающие слова, он направил к эпирскому царю посольство союза и дружбы.

Александр эпирский очень удивился, увидев на пороге своего дома македонских послов. Люди эти были ловкие, опытные, осторожные, красноречивые. Александр принял их, но не знал, как к ним относиться.

— Мы ничего не хотим,— уверяли послы,— мы хотим только, чтобы ты выслушал нас.

Александр пошел советоваться с Олимпиадой.

— Прими их и выслушай,— сказала она.— Но помни: коварству Филиппа нет никаких границ.

Александр повиновался. Он согласился выслушать послов. И с той самой минуты, как только эпирский царь позволил начать македонянам свои речи, он уже стал пленником Филиппа.

— Царь, выслушай нас благосклонно. Филипп предлагает тебе дружбу.

«Коварству Филиппа нет границ»,— повторил про себя Александр. Лицо его не изменило своего холодного, напряженного выражения. Но где-то в глубине души возникла надежда: а может быть, на этот раз Филипп говорит правду?

— Союз и дружба — это благоденствие государств. А вражда всегда несчастье. Есть враг, против которого будем воевать вместе,— это варвары. А мы люди, молящиеся одним и тем же богам,— зачем же нам проливать родную кровь?

«Все так,— думал Александр,— но почему Филипп раньше не говорил об этом?»

Сомнение заставляло его молчать, но отказаться от возможности дружбы с Филиппом он уже не мог.

— Позволь нам сказать от твоего имени, царь, нашему царю Филиппу, что ты принимаешь его дружески протянутую руку!

— Филипп говорит так сегодня,— ответил царь Александр,— но что скажет он завтра, если вернется с победой из Азии?

— Порукой верности своей Филипп предлагает тебе, царь, породниться с ним.

— Разве мы и без того не породнились? Он был мужем моей сестры.

— Но он хочет ввести тебя в свой дом как своего любимого зятя, царь!

Александр удивленно и недоверчиво посмотрел на них:

— Он хочет, чтобы я женился на дочери своей сестры?

— Он предлагает тебе в жены свою дочь Клеопатру.

Александр смутился. Он не знал, что ответить на это. Все-таки союз с таким сильным человеком, как Филипп, дело серьезное. Он и не мечтал о таком могучем союзнике. «Коварству его нет границ»,— но если Филипп отдает даже свою дочь, где же тут место коварству? Надо бы посоветоваться с Олимпиадой...

— А то, что Клеопатра доводится тебе племянницей,— продолжали македоняне,— не имеет никакого значения, ты сам это знаешь. Даже боги женятся на родственницах — значит, их ты этим не обидишь. А брак двух людей из царских домов — это брак двух царств. И это главное. Подумай, царь, можешь ли ты пренебрегать такой благосклонностью Филиппа?

Царь Александр, совсем ошеломленный, попросил у них немного времени, чтобы обдумать их предложение.

— Не медли, царь,— сказали македоняне,— Филипп удивится, когда узнает, что ты так долго колебался.

Предупреждение было достаточно угрожающим, Александр почувствовал это.

Едва он уединился в своих покоях, едва попытался разобраться во всем этом, как к нему вошла Олимпиада. Ей уже были известны все подробности разговора с македонянами.

— Что же ты думаешь делать, Александр?

— Я еще не решил. Но, кажется, Филипп действительно хочет дружбы.

— А разве можно узнать, чего хочет Филипп и чего он не хочет? И разве можно поверить в его дружбу?

— Но он отдает мне дочь!

— Он сейчас многое отдаст, лишь бы ты не мешал ему. Сейчас ты ему опасен. А если он утвердится в Азии, он погубит тебя в любую минуту. Дочь... Кто считается с нами, с женщинами, кто дорожит нашим счастьем и даже жизнью нашей!.. Александр, будь осторожен, отошли его послов, не слушай их,— ты идешь сейчас по краю пропасти!

— Успокойся, я еще ничего им не ответил, еще никакого согласия не дал. Но, как я понимаю, Филипп хочет и с тобой примириться. Ведь его дочь — это и твоя дочь. Она будет у нас у всех связующим звеном!

— Я вижу — все напрасно,— упавшим голосом сказала Олимпиада.— Филипп уже обольстил тебя. Голос разума тебе больше не доступен.

И она, закрыв лицо покрывалом, вышла в отчаянии.

Александр пожал плечами. Спорить с Олимпиадой трудно, ненависть заставляет ее терять рассудок. Воевать с Филиппом — это только легко сказать. Правда, иллирийцы обещают помочь Александру. Но... война или свадьба? Сам Филипп станет ему близкой родней. За спиной Филиппа и Эпир будет в безопасности. Так о чем же тут раздумывать? И зачем?

И Александр на другой же день обо всем договорился с послами Филиппа. Свадьбу решили праздновать в Эгах, в старой столице македонских царей.

Пока шли переговоры и приготовления к свадьбе, наступил август.

УДАР КИНЖАЛОМ

...Есть расстояние большое меж чашей и губ твоих краем.

Так сказал поэт, потому что он знал: и в такой мгновенный промежуток времени может случиться то, чего человек никак не предвидит.

Не предвидел и Филипп, что готовит ему этот роковой день.

Давно уже в Эгах не было такого пышного и веселого торжества. Всегда только жертвоприношения, только похороны царей с их печальными обрядами, только вековое молчание гор, шум дремучих лесов да грохот водопадов в каменистых ущельях.

А нынче здесь свадьба.

Прежде чем приступить к свадебным торжествам, отправили в Дельфы послов — надо было знать, как отнесется к этому божество.

Пифия изрекла:

— Видишь, бык увенчан, конец близок, жертвоприносите-
ль готов.

Ответ был странным. Как его толковать? Кто жертвопри-
носите-ль и кто жертва?

Но думать много не стали, истолковали как хорошее пред-
знаменование.

Еще с утра начались жертвенные обряды, чтобы умили-
вить богов. Пусть боги отнесутся благосклонно к этому союзу
и пошлют счастье и благополучие дому новой семьи. Процес-
сии, свадебные хоры, поющие эпиталамы.

На свадьбу в Эги съехались гости со всех сторон. При-
ехали и цари ближайших племен — агриан, пеонов и одризов.

Прибыли и старейшины из Афин — они привезли Филиппу
золотой венок, какими эллины венчают своих героев. Несмет-
ные толпы народа переполнили старый город. И всюду на виду
Филипп, веселый, успокоенный.

Перед этим Филипп съездил в Эпир, чтобы поговорить
с Олимпиадой. Дом эпирских царей и дом царей македон-
ских теперь связан союзом и для совместной войны, и для
обороны. Так неужели, когда все так удачно сложилось, когда
все счастливы, Олимпиада будет враждовать с Филиппом?

— Все счастливы? — Олимпиада, зло прищурясь, смотре-
ла на Филиппа. — А счастлива ли Клеопатра — не та Клео-
патра, которую ты привел в мой дом, а другая, твоя дочь,
которую ты, не спросив ее согласия, выдаешь замуж?

— Она будет счастлива! — Филипп беспечно махнул ру-
кой. — Она станет хозяйкой царского дома.

— А я тоже счастлива? Или смогу быть когда-нибудь сча-
стливой?

— Если будешь благоразумна. Я же не обижаю тебя.
Ты — мать моего наследника Александра.

— Ты меня не обижаешь. Потому что больше обидеть,
чем ты меня уже обидел, невозможно. А что касается Алек-
сандра, я не уверена, что он будет твоим наследником. Клео-
патра — не дочь твоя, а та, другая, — и ее родня говорят
иное — они прочат в наследники сына твоей молодой жены.

Филипп потерял терпение.

— Ну можно ли в такие дни сводить старые счета? Надо забыть все это и веселиться. На свадьбах нельзя ссориться.

И он ушел от нее, самоуверенный, торжествующий, с поднятой головой. Олимпиада проводила его зловещими глазами.

— Для меня наши с тобой счета никогда не станут старыми,— прошептала она,— и «все это» никогда не будет забыто.

Однако на свадьбу своей дочери она все-таки приехала.

В день свадьбы стояла солнечная, светлая погода. Щедрая осень Македонии украсила легкой желтизной и кармином окрестные леса, которые заглядывали с гор в шумящие весельем улицы.

На площади вокруг оркестры — утрамбованной круглой площадки — теснился народ, наслаждаясь зрелищем плясок. Мимы, изображавшие разные сценки, порой очень грубые, но всегда смешные, веселили толпу. Всюду слышались голоса аэдов и звон кифар, праздничные песни бродили по улицам...

Среди этого праздника, среди песен и смеха с утра полупьяных царских гостей Александру было невесело. Он недавно опять поссорился с отцом. И как-то глупо поссорился, по-мальчишески.

Есть в Азии государство Кария, подвластное персидскому царю. Пиксодару, сатрапу Карики, хотелось заключить военный союз с Филиппом. Пиксодар давно предвидел будущее могущество македонского царя.

Но как это сделать? Пиксодар решил, что самое простое и надежное дело — это породниться с Филиппом.

У Филиппа, кроме Александра, был еще сын, рожденный танцовщицей, Арридей. Слабоумный и тихий юноша жил в царском доме, никому не мешая, ни к чему не стремясь. И вот за этого Арридея Пиксодар задумал выдать свою дочь. С этим предложением он направил к Филиппу своего посла, эллина Аристокрита.

Друзей Александра это встревожило.

— Почему Пиксодар выбрал Арридея? — сказал, нахмурясь, Эригий. — Уж не хочет ли царь Филипп сделать его своим наследником?

— Откуда у тебя такие мысли? — удивился Филота.

— А что ж удивительного,— пожал плечами критянин Неарх,— я слышал, Пиксодар очень сильный сатрап, говорят, у него всюду друзья, связи всякие.

Смущенный Гефестион не знал, что думать.

—Зачем царю Филиппу такой наследник, как Арридей? Каким помощником он ему будет?

—Ну, мы знаем царя Филиппа,— мрачно сказал Лаомедонт,— и ты его, Александр, знаешь. Кажется, что он любит тебя. Но с Арридеем ему легче ладить... Как бы твой сводный брат не стал на твоей дороге!..

—Да, да,— повторял и Неарх,— тут что-то неладно. Пиксодар договорился с царем. Это так и есть!

Александр поверил всем подозрениям и недобрым догадкам своих испуганных друзей. Разве не было того вечера, когда Филипп бросился на него, на своего сына, с обнаженным мечом? Разве забудет он когда-нибудь, как блеснуло лезвие красным отсветом очага над его головой?

Отец разлюбил его.

Вгорячах, в гневе Александр послал к Пиксодару своего друга трагического актера Фессала, надеясь на его красноречие.

—Убеди его, пусть он отвергнет Арридея и пусть отдаст свою дочь мне, старшему сыну царя!

Фессал, гордый таким поручением, немедленно отправился к Пиксодару в Карию. Он предвидел, что Пиксодар придет в восторг от такого предложения.

Филиппу тотчас стало известно об этом. Он вошел к сыну вместе с одним из друзей Александра — Филотой, сыном полководца Пармениона. Он ворвался к нему, как сам Зевс с громами и молниями.

—Что я слышу? Ты ищешь себе жену в доме персидского сатрапа! Ты, сын македонского царя! Где твоя гордость? Где твое достоинство? О Зевс и все боги, за что я так наказан и унижен! Мой сын хочет стать зятем карийца, варвара, подвластного варвару! Клянусь, ты низкий человек, ты маргит¹, недостойный своего положения,— как ты мог это сделать? Ты, сын царя Филиппа македонского,— кто тебя натолкнул на это? Кто отнял твой разум, кто заставил тебя так унизиться и меня унижить вместе с собою?

Александр слушал молча, лицо его полыхало. Отец оскорблял его, но эти оскорбления не обижали. Он увидел, что отец любит его, любит до того, что впадает в безумие, потому что его сын так мало ценит себя. Значит, отец ценит его высоко!

¹ М а р г и т — дурак, недоумок.

Отец бранился, а он облегченно переводил дух. В эти минуты он понял, как тяжело ему было безразличие отца, его отчужденность.

И вдруг, как проклятие, которое преследует человека, не давая успокоиться, в его памяти снова сверкнул красным пламенем выхваченный из ножен меч — меч, поднятый на него...

Александр нахмурился и опустил глаза. Он опять не знал, что ему делать и кому верить.

Филипп тотчас послал в Карию глашатая с приказом:

— Немедленно схватить Фессала, заковать его в цепи и отослать в Македонию.

И тут же, не раздумывая, изгнал из Македонии почти всех друзей Александра — Гарпала, Неарха, Эригия, Лаомедонта...

— Это они толкают тебя на безумные действия. Пусть идут куда знают, они не достойны ни Македонии, ни дружбы сына македонского царя!

С этой минуты Александр ни разу больше не улыбнулся отцу. Отец мог как угодно оскорблять и поносить его. Но отнять у него друзей и лишить их родины!..

И теперь здесь, в Эгах, ему было не слишком весело. Он как-то притих. Счастье, что Гефестион пока еще с ним. Филота тоже остался. Но почему он тогда пришел к нему вместе с царем? Может быть, это он, Филота, и донес ему о разговорах товарищей?

Нет, Александр не хотел жениться ни на какой карийской принцессе. Он вообще не хотел жениться. Просто глупый поступок — послать Фессала в Карию. От беспокойства, от тревоги, которую ему внушили... Отец прав, он маргит, он оскорбил отца своим недоверием. Но все-таки разве можно было отнять у него друзей?

Гефестион молча сочувствовал ему. Он не утешал его, но Александр ц так знал, что Гефестион разделяет с ним и его горе, и его обиду.

В том настроении, в каком был Александр, трудно выносить праздники. Да еще такие пышные, такие шумные и такие длительные, как сегодня.

— Потерпи,— утешал его Гефестион,— скоро все это кончится. И мы все отправимся в поход. Я думаю, что царь Филипп вспомнит и о нас, как помнил при Херонее.

— Скорее бы!

Александр мгновенно увидел себя на могучей спине Букефала, в шлеме и панцире, во главе тяжеловооруженных отря-

дов, идущих в неведомую страну Азию за победами, за славой, за великой славой.

— Мы бы уже давно были там,— сердито сказал он,— но ему все нужны свадьбы, свадьбы!..

Праздник длился весь день с самого раннего утра. И вот уже солнце стало понемногу приближаться к вершинам гор. Снега на Олимпе с запада оделись в багряное сияние, а с востока на них, словно плащ, легла густая синева. Наверху, на склонах, вечерние лучи еще путались в хвойных лапах дремучих лесов. Но внизу, сбегая к стенам города, деревья тонули в лиловых сумерках, и сумерки эти уже переваливали через стены и незаметно ползли по улицам.

В старом дворце готовился ужин, звенела золотая и серебряная посуда, в очаге разгорался большой огонь... И когда все было готово, и столы накрыты, и гости, по эллинскому обычаю, увенчаны цветами и зеленью, начался пир. Но, прежде чем были подняты чаши с вином, вошли глашатаи и пригласили гостей на следующее утро в театр посмотреть комедию, подготовленную афинскими актерами.

И долго еще среди шума и песен праздничной толпы слышались по городу голоса глашатаев, объявлявших о том, что завтра с утра в театре будет представление и что зрители могут занимать места...

На рассвете, едва засеребрилась в лиловом небе вершина Олимпа, зрители в пестрых праздничных одеждах уже спешили в театр. Действо начиналось рано, чтобы успеть закончить представление до сумерек, пока темнота не повесит свой занавес. В театре, раскинувшем полукругом каменные скамьи, еще стояла предутренняя тишина. Но вскоре здесь загудела толпа. Зрители торопились занять места. Красная заря осветила город, когда открылись ворота царского дворца и царь Филипп появился на улице, окруженный этерами, телохранителями и знатыми гостями.

Филипп много вина выпил вчера за ужином. Но короткий сон ободрил, освежил его. Он вышел из дворца веселый, благодушный, в белоснежных праздничных одеждах. Вдохнув полной грудью, он почувствовал, как душист августовский воздух, как прекрасен мир, созданный богами, и как хороша жизнь.

Все идет так, как хочет Филипп. Эпир у него в руках. Что может сделать теперь Олимпиада? И сколько еще она может негодовать, ненавидеть, проклинать его? Вздор! Время все за-

гладит. А сейчас такая широкая дорога открыта перед македонским царем!

Филипп вспомнил Демосфена и усмехнулся. Да! Сколько первоклассного красноречия потратил человек — и все напрасно. Он не только не свалил Филиппа, но даже не пошатнул его. А вот когда Филипп вернется победителем из Азии, когда он станет властителем эллинских городов на азиатском берегу и будет диктовать свою волю Элладе, тогда он все припомнит Демосфену, за все с ним расплатится.

Филипп посмотрел на небо, на горы, на далекую вершину Олимпа, где, может быть, в эту минуту возлежат боги на своих драгоценных ложах и глядят на него, на его праздник. Боги должны быть довольны и сыты — столько обильных жертв принесено им вчера!

Вдруг сердце у него дрогнуло, сжалось от какой-то безотчетной тревоги. Филипп краем глаза уловил внимательный и недобрый взгляд из толпы своих этеров.

«Это Аррабей-линкестиец,— сказал себе Филипп, хотя злобный взгляд только сверкнул и тут же исчез,— он стоит отвернувшись, будто и не думал смотреть на меня. Но он смотрел. Будь у меня оба глаза — я бы давно это заметил. Но он смотрел на меня с моей слепой стороны — и как!..»

Линкестийцы, сыновья Аэропа, все здесь: Аррабей, Геромен, Александр... Все три брата. Опасная семья старой родовой знати из Верхней Македонии. И хорошо, что они здесь. Филипп должен их держать при себе, иначе за его спиной они могут многое придумать и предпринять. Они все еще не примирились с тем, что Филипп стал царем, ведь их род такой же знатный и такой же древний.

Линкестийцы. Как трудно пришлось Филиппу с ними! Верхнемакедонские властители не желали признавать царей Нижней Македонии. Филипп силой заставил их признать его — он стремился объединить Македонию, расширить ее, усилить.

Но линкестийцы, как и другие родовитые македонские властители, не хотели слышать ни о каком объединении, ни о какой зависимости. Им было достаточно их владений в маленькой гористой Верхней Македонии, где они были полновластными владыками.

Но всем им, и линкестийцам тоже, пришлось покориться военной силе Филиппа, пришлось признать его царем. Правда, многие из них уже оценили силу объединенной Македонии, они богатели, грабя побежденные города. Но еще были живы

те, которые не забывали о своей бедной, но гордой знатности, о своей неограниченной власти хотя и в нищей, но собственной вотчине. И Филипп знает: они воспользуются любым удобным моментом, чтобы вернуть эту власть и эту независимость.

«Только я этого момента не допущу,— думал Филипп,— нет, они этого не получат!»

Филипп улыбался. Но его единственный глаз остро и внимательно пробегал по лицам своих приближенных. Все были навеселе, шутили, смеялись. К кому бы ни обращался Филипп, все смотрели на него открыто и дружелюбно, все были его друзьями, товарищами, этерами, преданными своему царю.

И все-таки где-то здесь таилась угроза, как змея, которая спряталась за камнем и ждет момента, чтобы броситься и ужалить. Но где?

Филипп заметил, что около него, стараясь занять местечко поближе, все время оказывается молодой этер из знатной македонской фамилии Павсаний.

«Опять этот со своими жалобами,— с досадой подумал Филипп,— Аттал оскорбил его, Аттал обидел его... Так что ж мне теперь, ради этого мальчишки выгнать из Македонии моего родственника и полководца? Пора бы перестать лезть ко мне со своей чепухой!»

Филипп, избегая мрачного взгляда Павсания, отвернулся. И тотчас забыл о нем.

Но не прошло и пяти минут, как Филипп увидел, что Павсаний опять шагает рядом с ним.

«Вот привязался! — Филипп мысленно выругался.— Торчит перед глазами, как... не знаю кто!»

— Не надо омрачать праздника, Павсаний,— сказал он дружелюбно.— Ну можно ли из-за какой-то шутки, правда грубой шутки,— но ведь ты же знаешь Аттала! — так сильно огорчаться? Все уже давно забыли об этом. Забудь и ты.

— Никто не забыл,— с мрачным упорством возразил Павсаний,— надо мной смеются. Даже царица Клеопатра...

— Ты и к ней ходил с этим?

— Да, я просил...

— И что же она?

— То же, что все. Засмеялась.

— Ну вот видишь, никто этого не принимает всерьез.

— Поэтому я и жалуюсь, что моей обиды никто не

Филипп, хрипло и страшно вскрикнув, пошатнулся и упал.
Поднялись крики ужаса и смятения.

принимает всерьез. И я еще раз требую, чтобы ты восстановил справедливость и наказал Аттала.

— Клянусь Зевсом, Павсаний,— нетерпеливо сказал Филипп,— я, кажется, многое сделал для тебя, чтобы загладить эту глупую выходку Аттала. Я приблизил тебя к себе, к своему двору. Неужто еще не довольно? Ты мало ценишь мои милости и чрезмерно мнишь о самом себе!

— Ты не накажешь Аттала, царь?

— Нет, я не сделаю этой глупости.

Филипп отвернулся и перестал замечать его.

Увидев царя с его роскошной свитой, с его знатными гостями, толпа тотчас собралась вокруг. Так они и шли все вместе к театру, среди песен, праздничной радости и веселья.

— Какое красное небо сегодня,— вдруг омрачившись, сказал Филипп.— Почему оно такое красное?

Они подошли к узкому проходу, ведущему в театр. Филипп обратился к своей свите:

— Проходите вперед, здесь тесно.

Гости и этеры царя прошли вперед. Рядом с Филиппом остались два Александра — его сын и его зять.

— А все-таки почему такое красное небо? — с внезапной тоской повторил Филипп.— Что оно предвещает?

— Вот что! — глухо сказал Павсаний, ударив царя кинжалом.

В то же мгновение Филипп, хрипло и страшно вскрикнув, пошатнулся, схватившись за грудь. Сквозь пальцы хлынула кровь.

Павсаний, бросив на пол окровавленный кинжал, убегал, расталкивая толпу.

Александр кинулся к отцу, но не успел поддержать его. Филипп упал. Поднялись крики ужаса и смятения. Стража гналась за Павсанием, который бежал, как-то странно извиваясь, чувствуя копыта за своей спиной... Говорят, что на окраине города его ждали лошади и он мог бы спастись. Но, нечаянно споткнувшись, свалился, и копыта стражников настигли его.

Филипп умер сразу.

Так окончил свою жизнь вождь эллинов, полководец и завоеватель Филипп, царь македонский.

ОЛИМПИАДА

Плач и вопли стояли над Эгами, сменив веселые клики свадебного торжества.

Олимпиада, бледная, с острым блеском в глазах, смотрела, как факелами, зажженными для пира, зажигают погребальный костер царя. И Александр увидел, что в этом пламени, отразившемся в ее глазах, светится жестокая усмешка победившей...

Александр отвернулся, ему показалось это злым наваждением. Она его мать и союзница, самая нежная мать и самая верная союзница. Можно ли допускать такие дурные мысли о ней?

Высокое бледное пламя погребального костра таяло в свете ясной вечерней зари. Полководцы Филиппа, его друзья и ровесники, бородатые воины стояли перед костром в тяжелом молчании. Трудно было осмыслить то, что произошло. Кто ожидал этого? А ведь было предсказание, было!

«Видишь, бык увенчан, конец близок, жертвоприноситель готов». Почему же они не задумались над этим? Почему не поняли? А теперь вот горит перед ними погребальный костер их царя Филиппа. Они любили его. Он был их военачальником, но был прост в обращении, вместе с ними сражался, за одним столом пировал.

И теперь вот они стоят у его погребального костра. Филиппа больше нет с ними. Они больше не услышат его смеха, его громкого голоса, его боевой команды... И не в бою он погиб. Его убили свои, македоняне, изменники.

Горе и ярость наполняли сердца. Полководцы молчали, но с одного взгляда понимали друг друга. Известно, кто сделал это, кто толкнул Павсания на преступление. Те, кому самим хотелось царствовать. Линкестийцы, у которых Филипп отнял их неограниченную власть и силой заставил подчиниться ему!

Александр стоял среди военачальников, рядом с Антипатром, другом его отца, другом его самого. Александр молчал. Только алые пятна на лице и на груди выдавали его волнение. Глаза были полны слез, но он не позволял им пролиться и крепко сжимал рот, чтобы скрыть дрожание по-мальчишески пухлой верхней губы.

Могилу Филиппу сделали обширной и прочной, чтобы умершему было спокойно в загробной жизни, чтобы никто не тре-

вожил его, чтобы душа его имела надежное пристанище. Все, что могло ему понадобиться — драгоценные кратеры с лучшим вином, чеканные чаши, блюда с пищей, золотые светильники,— все заботливо собрали и положили в могилу. Даже банную скребницу не забыли положить. И конечно, принесли покойному царю его боевое снаряжение — панцирь, щит, меч, сариссу.

Потом закрыли могилу тяжелыми каменными плитами и сверху насыпали большой холм, чтобы никто не мог проникнуть в последнее жилище македонского царя.

Могильщики еще трудились над могильным холмом, а в городе уже бушевали страсти. Кому быть царем Македонии? Чье право быть македонским царем?

Полководцы, вся военная знать были единодушны — царем должен стать Александр. Они видели его при Херонее и помнили об этом. Армия ждала похода в Азию, новых побед, новых земель, военной добычи, военной славы. Кто же из всех стремящихся захватить царскую власть достоин заменить Александра?

— Нет, не Александру быть царем македонским! — кричали сторонники линкестийцев, подкупленные ими.— Александр испорчен эллинским воспитанием. Он презирает нравы доброй старины! Он гордый и надменный, как его мать Олимпиада, он будет еще опаснее для народа, чем Филипп, он задушит все наши вольности и права! Сыновья Аэропа — вот кто должен царствовать в Македонии!

— Да, мы, линкестийцы, друзья страны,— говорил старый линкестийский полководец проникновенным голосом, обращаясь к толпе,— мы, линкестийцы, принадлежим к древнему роду, который всегда хранил в неприкосновенности обычаи нашей старины. Мы живем среди нашего народа, мы знаем желания и чаяния македонян. Филипп затеял безумную войну с персами, которая погубит Македонию. Но мы, линкестийцы, мы в дружбе с великим персидским царем, и только мы можем защитить нашу страну от его гнева. Это ваше счастье, македоняне, что рука друга успела освободить Македонию от царя, который презирал права народа и ни во что не ставил ни клятвы, ни добродетель!..

Но эти речи не убеждали никого. Народ шумел, кричал.

— Линкестийцы убили царя!

— Это они убили Филиппа!

— Вы слышите, как они оскорбляют и покойного царя, которого убили, и его сына Александра?! — кричал кто-то

резким голосом.— А за что? Кому он нагрубил? Кого обидел? Я ходил с ним на медов, ему было всего шестнадцать, а он уже водил войско в бой! Какого еще царя нам надо? Изменников-линкестийцев, которые продались персу?!

— Смерть линкестийцам!

— Смерть изменникам!

Александр был во дворце, когда к нему в покои вбежал бледный от ужаса линкестиец Александр, младший из трех сыновей Аэропа. Он упал к ногам сына Филиппа.

— Царь, защити меня! Я не искал престола. Ты — законный наследник, ты — царь македонский! Не отправляй меня на смерть, я не виноват перед тобою!

— Где твои братья?

— Их казнили сейчас... На могиле царя Филиппа... Прямо на могильном холме...

Это был первый человек, который назвал Александра царем. Линкестиец был женат на дочери Антипатра. Антипатр любил его.

— Ты останешься со мной,— ответил Александр.— Ты будешь моим этером. Встань.

Город шумел, пока не наступила черная осенняя тьма. Александр слышал свое имя, которое повторялось в толпе. Он ждал, кого назовут еще. У его отца есть другие сыновья: сын танцовщицы, слабоумный Арридей, и маленький, недавно родившийся сын молодой Клеопатры... Но странно, о них как будто забыли. Забыли и Аминту, племянника царя, того самого Аминту, у которого когда-то Филипп отнял царскую власть... Пока забыли. Но могут вспомнить. Найдутся люди, которые пожелают править и от имени слабоумного Арридея, и от имени тихого, безвольного Аминты. А когда узнает о том, что случилось здесь, Аттал, то он немедленно явится, чтобы провозгласить царем македонским своего племянника, сына Клеопатры...

Мегарон во дворце понемногу заполнялся. Военачальники Филиппа собирались к пылающему очагу. Александр встречал и приветствовал их.

Говорили о том же, о чем думал Александр. Надо немедленно провозглашать его царем. Армии другого царя не нужно. Армия знает Александра.

Но не медлить, не медлить!..

На ночь никто не ушел. Все остались ночевать во дворце. Спали, не снимая оружия.

Под утро, когда особенно чуткой становится тишина, в час перед рассветом, Александра разбудили. Он вскочил, схватившись за кинжал.

— Это я, Александр. Это я, Гефестион.

— Где ты пропадал целый вечер?

— Нехорошие разговоры, Александр. Боюсь, как бы они не повредили тебе.

— Какие разговоры?

— Говорят, что сегодня ночью царица Олимпиада сама похоронила Павсания.

— Что?!

— Она сожгла его тело на могиле Филиппа.

— Убийцу! На могиле отца... Это ложь, Гефестион.

Александр не мог этому поверить. Нет, невозможно. Тогда, значит, Олимпиада знала, что так будет, и, может быть, хотела этого?

— И еще...

— Ну, говори, говори.

— Что она надела ему на голову золотой венок...

— Кто видел это?

— Не знаю. Только всюду говорят об этом, шепчутся.

И еще...

— Продолжай.

— Говорят, что и ты хотел смерти Филиппа.

— Я? О Зевс и все боги! Я хотел его смерти?! — Александр застонал, будто и его, как отца, ударили кинжалом, — Это я-то хотел его смерти? Чем же я прогневал богов, что они позволяют людям бросать на меня такую черную тень?

Гефестион положил ему на плечо свою теплую твердую руку.

— Спокойней, Александр. Давай подумаем, давай припомним, не сказал ли ты каких-нибудь неосторожных слов, не подслушал ли их какой-нибудь злодей.

— Я говорил много дерзких слов отцу. Но я говорил это ему в лицо. Как я мог пожелать ему смерти, когда мне так нужна его жизнь!

— Ты же знаешь, что Павсаний без конца жаловался на Аттала, приставал с этим к царю, ходил к мачехе твоей, Клеопатре. Он ведь и к тебе приходил, помнишь?

— А!

Александр вспомнил.

Он читал «Медео» Еврипида. Захваченный трагической

судьбой Медеи, неукротимой страстью ее характера, накаленными строфами Еврипидовых стихов, он вышел к Павсанию, повторяя вслух:

...Довольно за глаза,
Чтобы отца, и дочь, и мужа с нею
Мы в трупы обратили... Ненавистных...
Немало есть и способов...

Тут он встретил внимательный взгляд Павсания и умолк. Александр даже не выслушал как следует его жалобы. Что он мог сделать? Чем помочь? Отец тогда только что назначил Аттала полководцем. Александр — сын Олимпиады, ему ли бороться с Атталом?

Неужели эти строки Еврипида и подхватил Павсаний?

Отец обижал Александра. Но он же и любил его! Разве не сказал он однажды со слезами:

«Ищи себе другое царство, Македония для тебя слишком мала!»

Разве не уступил он Александру славу победы при Херонее? Разве не беседовали они иногда о самом сокровенном — о будущих делах государства, о военных планах, о тайнах политических действий царя-полководца? Кому доверял свои думы Филипп, кроме сына?

«...Пусть боги оградят тебя от того, что пришлось пережить мне, чтобы тебе никогда не пришлось каяться в содеянном, чего уже нельзя вернуть» — вот какие слова говорил ему отец!

— Значит, это я натолкнул Павсания на убийство? — с ужасом спросил Александр.

— О нет! О нет! — решительно возразил Гефестион. — Может быть, он подслушал твои слова и счел тебя союзником в этом деле. Но натолкнули его на убийство другие люди. Линкестийцы. Они. Только они. Им нужна царская власть. Убить отца, опорочить сына — вот путь их действий.

— Спасибо, Гефестион. Клянусь Зевсом, мне так нужна твоя дружба.

— Я всегда буду возле тебя, Александр. Пока не уведет меня смерть. Или пока ты сам меня не прогонишь.

— Я прогоню тебя немедленно. Иди и ложись спать.

— Ложись и ты. Светает.

Высокая фигура Гефестиона исчезла за толстой занавесью.

Александр вздохнул:

— Разве есть у меня время спать теперь?

Он вышел во двор. Квадрат лунного света лежал на старых каменных плитах. Осенние звезды низко висели над черными вершинами гор, и то одна, то другая падали с неба.

Над стеной, окружающей дворец, лунно поблескивали острия копий. Это стража стоит. Так же, как стояла, когда во дворце спал Филипп. Прохладный ветер, спустившийся с гор, перебирал густые кудри Александра, откинутае со лба. Это приятно успокаивало.

Светлая фигура под покрывалом неожиданно появилась из темных глубин дворца и остановилась на лунных ступенях. Рука, сверкнувшая огнями драгоценных колец, откинула покрывало.

— Мать!

Олимпиада улыбнулась, торжествующе приподняв подбородок. Александр подошел к ней.

— Ты похоронила Павсания?

— Да,— ответила она,— я похоронила Павсания. Я зажгла ему костер над прахом Филиппа!

Александр быстро оглянулся: не слушает ли их кто-нибудь? Но Олимпиада и не думала таиться.

— Да. Это сделала я! — громко сказала она.— Я похоронила убийцу Филиппа и надела на него золотой венок!

Александр молча глядел на нее.

— Да,— продолжала Олимпиада в каком-то странном торжествующем веселье,— это сделала я. И лошадей для Павсания приготовила я. Пусть все знают об этом. Дочь эпирских царей, потомков Ахиллеса, безнаказанно оскорблять нельзя. Я рукой Павсания убила Филиппа.

Александр смотрел на нее с горьким чувством жалости. Нет, она не убивала Филиппа ни своей, ни чужой рукой — убийцы не провозглашают во весь голос о своем преступлении. Она не успела и не сумела отомстить Филиппу. И теперь это осталось ей на всю жизнь — острая горечь неотомщенной обиды.

Не щади своих врагов, Александр,— сказала Олимпиада, словно заклиная его,— не поддавайся жалости и лукавым речам. Всех, кто может тебе помешать, всех, кто может стать на твоём пути,— а их немало! — убивай не раздумывая. Убей Атталу. Убей Клеопатру, убей ее сына. Убей Аминту. Только

тогда ты, царь македонский, сможешь остаться царем. Запомни!

Она секунду глядела ему в глаза. Потом снова накинула покрывало на голову и неслышно исчезла в тени портика.

Сколько злобы, сколько жестокости! Александр не щадил врагов в бою, но убивать безоружных...

Александр, нахмурясь, смотрел ей вслед. Стены дворца, деревянные колонны, плиты под его ногами с проросшей травой по краям, деревья с застрявшими в ветвях звездами,— все повторяло только ему слышными голосами:

«Запомни... Запомни... Запомни!..»

И Александр запомнил.

АЛЕКСАНДР, ЦАРЬ МАКЕДОНСКИЙ

Только этот час перед рассветом, когда вся природа затаив дыхание ждет наступления утра, только этот час был тихим в древнем городе. Но лишь озарились вершины гор, лишь золотые стрелы светлого бога Гелиоса пронзили глубокую синеву неба, улицы снова заполнились народом.

Толпы прибывали отовсюду — из дальних селений, из городов. Шли пастухи с горных пастбищ, шли из лесов звероловы.

И опять забурили возбужденные голоса. Теперь нашлись люди, которые вспомнили Аминту. Аминта — сын старшего брата покойного царя. Филипп отнял у него царство. Так пусть же теперь восторжествует справедливость, пусть Аминта получит царский венец, принадлежащий ему по праву!

Вспомнили о маленьком сыне Клеопатры. Вот кто должен царствовать! Многие вельможи, которые в угоду царю Филиппу насмехались над Олимпиадой и не стеснялись показывать ей свое презрение, теперь боялись ее мести. Все знали дикий и мстительный ее нрав. Так пусть будет царем сын Клеопатры, Клеопатра им не опасна.

— Сын Клеопатры? — возражали другие. — Да разве он или Клеопатра станут у власти? Царство захватит ее дядя, Аттал. Кто хочет царем Аттала?

Нет, Аттала никто не хотел царем!

Вдруг толпа умолкла и расступилась. На улице появились военачальники царя Филиппа, его этеры, его друзья. Они шли в полном вооружении, сверкая доспехами. А впереди, между

Антипатром и Птолемеем, шел Александр. Он шел, приподняв подбородок и чуть склонив налево по своей привычке кудрявую голову. Розовый свет утреннего неба лежал на его лице. Большие, смело раскрытые глаза глядели уверенно и строго. Старые полководцы охраняли его своими блестящими щитами.

Увидев, что Александр и окружающая его военная знать направляются к театру, толпа хлынула туда же, торопясь занять места. Прошли в театр и все знатные гости, приехавшие на свадьбу и оказавшиеся на похоронах. Еще в смятении, еще не нашедшие для себя решения о том, кому быть царем Македонии, они уже понимали, что армия встала на сторону Александра. А в руках армии, в руках ее полководцев была та главная сила, которая низвергала и провозглашала царей...

Солнце взошло, осветив заполненный пестрой толпой театр. И здесь, при огромном скоплении народа, при всей македонской знати, старый полководец Антипатр провозгласил Александра царем. Клики ликования и приветствий грянули и забушевали в театре и в близлежащих улицах, где толпился народ, не вмевшийся в каменный круг театра. И клики эти, повторявшие имя молодого царя, понеслись дальше, по всей Македонии, и еще дальше — по всем странам, окружающим Македонское царство...

Это произошло осенью, в 336 году до нашей эры. Александру тогда только что исполнилось двадцать лет.

Царская семья возвратилась в Пеллу.

Александр, по македонскому обычаю, призвал войско и принял от него поздравления.

Он чувствовал, что войско тревожно. Воины еще не знали, чего им ждать от молодого царя. Филипп обещал вести их в Азию, но как решит это дело Александр? Осмелится ли он на такой дальний и рискованный поход? А македонским войскам дома делать нечего. Не идти же им в пастухи, не браться же им за соху или, накинув на плечи волчью шкуру, карабкаться по горам, охотясь на зверя!..

Александр явился перед войском в царской диадеме. Глаза его сверкали. Он обратился к воинам на родном македонском наречии, и это сразу открыло для него их сердца.

Александр говорил о своих законных правах на царский престол, о том, что он всегда будет чтить законы и обычаи, установленные его отцом, царем Филиппом.

— Ничего не изменилось, — говорил он, — изменилось толь-

ко имя царя. Но могущество Македонии, порядок, установленный царем Филиппом в стране, остались те же. По-прежнему военная служба для македонян обязательна. Только добавлю от себя — те, кто служит в войске, будут освобождены от всех других повинностей, и в том числе от земельной подати. А надежды на новые завоевания остались с нами по-прежнему!

Войско слушало затаив дыхание, боясь проронить слово. И когда голос Александра умолк, воины ответили радостным криком приветствий и благодарности. Теперь они знали, что у них есть и царь и полководец, с которым они осуществят все, что задумал Филипп, и за которого они постоят, как стояли за Филиппа.

Александр крепкой рукой ухватился за царскую власть. Войско, несколько обленившееся за последнее время, с разболтавшейся дисциплиной, скоро почувствовало эту руку.

Все пришло в движение. Каждый день — тренировка, переходы в полном вооружении, опять тренировка, опять переходы. Александр, сам не знающий усталости, добивался от подчиненных мгновенного выполнения команды. Никаких поблажек, никаких уступок. Воины и некоторые полководцы ворчали: к чему это? Вот пойдем в поход, тогда и натренируемся. Они уже забыли, как царь Филипп, отменив обозы, гонял их в полном вооружении с провиантом за спиной и в зимний холод, и в летнюю жару. Но постепенно втянулись и сами почувствовали, как эта ежедневная воинская работа взбодрила войско. Они уже получали удовольствие, почти наслаждение, когда, стоя в рядах фаланги, чувствовали себя слитыми с ней, словно единый организм. Плечо товарища, его щит рядом с твоим щитом, его сарисса рядом с твоей сариссой. И у каждого та же цель, что у тебя.

Сердце наполнялось боевой отвагой, всякая мысль о страхе перед врагом исчезала. Ни одного неверного шага, ни одного промедления — и тогда армия непобедима.

Александр командовал сам. Сам водил на тренировку. Пехотинцы и конники слышали его голос, не менее решительный и громкий, чем голос покойного царя. И с изумлением каждый день убеждались, что их молодой полководец знает военную науку, что он умеет командовать, что, сохраняя для них все привилегии, он потребует от них полного повиновения и полной отдачи сил. Но поняли и то, что сам он, их молодой царь, пойдет первым с ними на любую опасность, не побоится никаких бед

и трудов и что за таким царем они могут смело пойти в самые тяжелые и далекие походы.

Молодой царь торопился. Сейчас все его заботы были о том, чтобы подготовить себе надежное войско. Армия — его сила. Армия — его надежда. Его будущее, его власть, его мечты, его слава — все в руках армии. Армия же и его защита.

А защита Александру была сейчас очень нужна. Враги грозят ему со всех сторон, отовсюду идут тревожные вести. На севере фракийские племена, с которыми много пришлось сражаться Филиппу, прежде чем он покорил их, отказываются признавать власть Македонии. В Фессалии брожение, фессалийская конница не хочет подчиняться македонянам. Пеония заявляет о своей независимости. Варвары уже разбойничают на македонских границах... Эллада, еще разрозненная внутренними распрями, зашумела в единодушной надежде вернуть свою свободу. Афины готовятся к войне, вооружаются, вооружают флот, который все еще самый сильный в Элладе. Пелопоннес не хочет подчиняться решению совета амфикитионов, которое провел Филипп, и признать македонского царя гегемоном — вождем объединенных войск для войны с персами. Филипп умер — отпадает и решение амфикитионов.

Фиванцы постановили изгнать из своей крепости Кадмеи македонский гарнизон. Они были согласны признать Филиппа вождем объединенных войск. Но Александра признавать вождем они не хотят.

Амбракийцы¹ македонский гарнизон уже изгнали. Этоляне², заверявшие Филиппа в своей дружбе, взялись за оружие. Аргос, элейцы³, аркадяне больше не считаются ни с военной силой Македонии, ни с договорами о союзе с ней. А Спарта никогда ни с кем не считалась и никому не подчинялась... Союз, организованный Филиппом, распадался.

В Афинах первым о смерти Филиппа узнал Демосфен.

Демосфен неделю назад похоронил свою единственную дочь. С омраченным лицом, осунувшийся, он в последнее время редко показывался на улицах. И лишь в том случае, когда государственные дела требовали неотложного присутствия Демосфена, его сутулая фигура появлялась в совете.

На седьмой день траура, вечером, в его дом постучался

¹ Амбракийцы — жители города Амбракия в Эпире.

² Этоляне — жители области Этолии в средней Элладе.

³ Элейцы — жители области Элея в Пелопоннесе.

тайный гонец Харидема, военачальника наемных войск. Харидем стоял у границ Фракии, и вести о событиях в Македонии дошли до него очень скоро. Харидем, своевольный, разнузданный человек, ненавидел македонского царя — он не забывал, что Филипп когда-то отнял царство у его зятя, фракийского царя Керсobleпта.

Демосфен удивился, услышав, что гонца прислал Харидем. Что нового может сообщить ему этот человек?

Гонец сразил его оглушающей вестью:

— Филипп убит!

Демосфен выпрямился. Он боялся поверить своим ушам.

— Повтори!

— Филипп убит. В Эгах.

— Расскажи подробно, — еле вымолвил Демосфен, чуть не задохнувшись от радости.

Он усадил гонца Харидема, сам сел напротив и внимательно, жадно выслушал рассказ о том, как убили ненавистного ему македонского царя.

На другой день афиняне с удивлением смотрели на Демосфена. Он шел по улицам в торжественной белой одежде, с венком на голове — так одеваются лишь в дни больших народных празднеств.

Демосфен шел в совет.

Афинские правители, заседавшие в совете, не сразу поняли, о чем говорит Демосфен и что означает его праздничная одежда.

Демосфен начал с того, что поздравил афинян и всех эллинов с радостной вестью. Потом в таинственных, похожих на пророчество, выражениях сообщил о смерти своего исконного врага, которого он считал таким же исконным врагом всей Эллады. И когда афиняне наконец поняли, о ком говорит Демосфен, когда им стало ясно, что Филиппа, наложившего на Элладу свою тяжелую руку, уже нет в живых, в совете началось ликование.

Демосфен предложил отпраздновать это событие принесением жертвы богам. Кроме того, он предложил почтить память Павсания, убившего македонского царя. Оба предложения были приняты. Собрание одобрительными возгласами поддержало Демосфена. Смерти Филиппа так радовались, что вынесли необыкновенную псефисму: наградить Павсания высшей наградой государства — золотым венком.

Македонская партия пыталась протестовать. Старый суро-

вый стратег Фокион, прозванный Честным, осудил это ликование.

— Во-первых, неблагородно радоваться смерти,— сказал он,— а во-вторых, сила, стоявшая против нас при Херонее, сделалась меньше всего лишь на одного человека.

Фокиона уважали в Афинах, прислушивались к его словам. Но на этот раз его красноречие не имело никакого успеха.

С горькой речью выступил давний друг Филиппа Эсхин:

— Я не сказал бы, что хорошо надевать венки и приносить жертвы по случаю смерти царя, который, одержав победу, обошелся с вами, побежденными, так мягко и человеколюбиво. Не говоря уже о гневе богов, низко и неблагородно живому оказывать почести и даровать ему право афинского гражданства, а когда он пал от руки убийцы, в восторге забыться настолько, чтобы попирать ногами труп и петь торжествующие гимны, словно сами совершили невесть какой подвиг!

Но антимакедонская партия, когда ей уже не грозил Филипп, стала отважной. Сторонники Демосфена заглушили речь Эсхина бранью и криками.

Демосфен торжествовал. Снова на Пниксе народ услышал его обличительные речи. Он призывал афинян к разрыву с Македонией, он убеждал, что настало как раз то время, когда можно выгнать македонян со всей эллинской земли и установить мир с персами.

И всячески поносил Александра:

— Этот мальчишка не рискнет выйти за пределы своей Македонии. Этот маргит, дурачок, который «многие знал дела, только знал-то их плохо», нам ли, древним городам и славным народам, бояться его?

Слухи, донесения, сообщения, доносы, словно буря, бушевали вокруг Александра. Александр не раз отправлял послов в Афины с уверением в своей дружбе и уважении к существующим вольностям и законам эллинских городов. Все было напрасно.

Александр знал, что говорят о нем в Афинах:

— При Херонее все македонское войско под командой самого Филиппа и старого полководца Пармениона едва смогло победить войска Афин и Фив. Теперь все эллины объединены, а против них стоит мальчик, не уверенный даже в своем собственном престоле!

Да, престол его еще был шаток, Александр прекрасно понимал это. Не только в соседних странах готовились восста-

ния, но и в самой Македонии было неспокойно. Все еще слышались голоса о том, что у сына Филиппа и Клеопатры больше прав на македонский престол. Клеопатра — македонянка, а мать Александра — чужеземка из Эпира.

— Да еще и колдунья,— добавляли шепотом те, кто боялся мести Олимпиады.

Советники Александра пришли к единому решению: сын Клеопатры должен быть устранен.

Александр выслушал приговор, нахмурясь.

— Что сказал бы на это отец?

— Он поступил бы так же, если бы это грозило расколом Македонии. Потому что Македония была для него дорожее собственной жизни. Допустишь ли ты, чтобы погибло все, чего такими великими трудами и кровью добился царь Филипп?

— Что надо делать, Антипатр?

— Ради сохранения Македонии сына Клеопатры надо убить.

Молодая царица Клеопатра сидела тихо, закрывшись в своем гинекее. Муж ее убит. Дядя ее Аттал в Азии. Она слала к нему гонцов, прося защиты, но что же сейчас мог сделать Аттал? Ведь и его в Македонии ждала гибель. Только одно может теперь спасти их всех — провозглашение ее сына царем, наследником Филиппа. В этом у Клеопатры были союзники, на которых она надеялась со страстью отчаяния.

Но тут же вступили в силу зловещие заклинания Олимпиады. Приговор был произнесен. Маленького сына Клеопатры убили.

Кто еще опасен Александру? Аминта. Тот самый Аминта, племянник Филиппа, у которого Филипп отнял царство. Среди старой македонской знати то и дело возникает это имя. Так какое же право имеет Александр занимать престол Аминты?

Аминта молчал и ничего не требовал. Но требовали другие, которые хотели править Македонией за его спиной.

— Отдашь ли ты им Македонию? — говорили советники Александру.— Откажешься ли ты от власти ради их мелкого честолюбия, ради их личных выгод? Разве могут они сохранить славу и могущество Македонии? Это можешь сделать только ты, царь, потому что ты — полководец и ты — сын царя и полководца Филиппа!

Да, Александр может сохранить славу и могущество Македонии. И он не только сохранит, но и увеличит их, потому что завоеует для Македонии весь мир!

— Что делать с Аминтой?

— Аминту надо убить.

Аминту убили.

Македония затихла.

Так, по залитой кровью дороге, Александр прошел к власти.

Теперь надо обдумать точно, ясно, твердо, что необходимо сделать сейчас, немедленно, что отложить на будущее. При всей пылкости характера Александр и тогда уже умел вовремя разобраться в обстоятельствах, быстро принять решение и сделать так, как решил.

Македония затихла. Но в странах, окружающих Македонию, по-прежнему бушевало море вражды. Друзья Александра, тесно стоявшие около него, его молодые этеры были сильно встревожены. Призадумались и старые военачальники. Хмурился и верный Антипатр. Прикидывали, как лучше поступить сейчас, в такое трудное время. И сходились на одном — не предпринимать решительных действий, не рисковать, искать путей примирения... Ведь и царь Филипп не всегда бросался в бой, он ведь и хитрил, бывало, если это было выгодно, и шел на примирение, если не был уверен в победе.

— Надо быть осторожным. Особенно с Элладой. Не вмешивайся сейчас в их дела, Александр, пусть они сами их решают.

— Помиришься с Атталом, царь, он очень опасен. Ты ведь слышал, что он договаривается с Демосфеном. А каким страшным врагом может быть Демосфен, ты сам знаешь. К тому же они оба ищут союза с персами против тебя.

— Надо помириться с Атталом, царь, склонить к себе его войско. Иначе мы погибнем. Дела в Азии плохи, Пармениона уже теснят персидские сатрапы!

— То же самое и с варварами. Ты знаешь, как они сильны. Надо обезоружить их дружбой, милостями, подарками. Так постепенно ты утвердишься, приобретешь влияние в Элладе, как твой отец. Тогда можно будет подумать и о походе в Азию. А иначе... Так страшно кругом, так угрожающе!

Александр внимательно, не возражая, слушал все эти речи, предупреждения, опасения. Но лицо его с крепко сжатым ртом и холодными глазами было замкнуто и неподвижно. В его упрямой голове шла своя работа, зрели свои решения. Страшно? Нет. Угрожающе? Угрожать будет он сам. «Примириться с Атталом? Никогда. Уговаривать Элладу? Задаривать варваров? И потом потихоньку, из года в год, добиваться их распо-

ложения? Да так и жизнь пройдет, клянусь Зевсом! А когда же покорять персов и завоевывать мир?...» Да если он сейчас хоть в чем-нибудь уступит, если враги почувствуют его слабость, они тотчас и покончат с ним!

Нет. Надо действовать. Действовать немедленно.

Но с чего начинать? Идти во Фракию усмирять варваров? Аттал немедленно явится в Македонию и захватит власть. Направиться в Элладу и принудить эллинов признать его права? Но как он прорвется через горные проходы? Там даже небольшое войско может преградить ему дорогу. Леонид, царь спартанский, когда-то с горсткой воинов стоял в Фермопилах против лавины персов, и неизвестно, сколько легло бы там персидского войска, если бы персам не помогла измена. Теперь Александр будет мучиться в Фермопилах, а в это время Аттал войдет в Македонию, объединится с фессалийцами — и молодому царю будет отрезан проход в свою страну.

Опять Аттал!

Тогда, может быть, прежде всего двинуть войско против Аттала, разбить его и подчинить?

При этой мысли лицо Александра бледнело и в глазах разгорались огни холодной ярости. Он всегда презирал Аттала за его откровенную грубость, за то, что он напивался до безумия, за то, что был несдержан до отвращения.

А потом он стал и ненавидеть Аттала. Александр ненавидел его с того самого дня, когда Аттал объявил на свадьбе Филиппа и Клеопатры, что теперь у царя наконец родится законный наследник. Еще не было никакого сына у Клеопатры, но Аттал уже был готов отстранить Александра от престола.

Нет. Александр не пойдет с войском против Аттала и не заставит драться македонян с македонянами. Аттал — его подданный. Аттал, который договаривается с Демосфеном и с персами против своего царя, — государственный изменник. И не воевать с ним надо, и не искать примирения, как советуют некоторые друзья, а поступить так, как поступают с изменниками: приговорить его к смерти.

Сталось по слову царя — Аттала приговорили к смерти.

— Вспомни, царь, — сказал ему кто-то из друзей, — Аттал женат на дочери Пармениона. Что, если Парменион восстанет против тебя?

— Парменион поддержал меня, когда Аттал требовал царство для сына Клеопатры. Поддержит и теперь, когда мне угрожает измена. Парменион не предаст своего царя.

Один из царских этеров, военачальник Гекатей из Кардии, получил приказ: взять сильный отряд, переправиться в Азию, захватить и привезти Аттала в Македонию. А если не удастся захватить живым, убить его. Если будет трудно это сделать одному, потребовать помощи Пармениона — Парменион поможет.

Вскоре после того, как Гекатей с большим отрядом ушел в Азию, к Александру в Пеллу примчались гонцы Аттала.

— Кто сказал Александру, царю македонскому, что Аттал замышляет против него? Все это ложь и клевета. Аттал был предан царю Филиппу, его отцу. Так же он предан и ему, царю Александру!

В доказательство своей верности и преданности он прислал Александру письмо Демосфена, адресованное Атталу. Вот оно, это письмо. Демосфен ищет в лице Аттала союзника против Александра. Но он, Аттал, выдает ему Демосфена. Потому что Аттал никогда не изменял царям македонским и — он клянется Зевсом — никогда не изменит!

Александр был сдержан. Он слушал посланцев Аттала, не выражая ни гнева, ни радости. Из их речей он понял — Аттал уже чувствует, что по его следам идет смерть. Александр отпустил посланцев милостиво, с улыбкой, мгновенно осветившей лицо. Гонцы уехали успокоенные.

— Царь, ты прикажешь отозвать Гекатея? — хмуро спросил Антипатр.

Александр задумчиво перечитывал письмо Демосфена Атталу. Чуть заметная усмешка таилась в уголке рта. Не так, видно, сильна Эллада, если просит у Аттала союза и дружбы. И не так-то, видно, уверен в победе Аттал, если ищет сближения с ним, с Александром. И все-таки Аттал всегда будет для него скрытой угрозой...

— Нет. Я не отзываю Гекатея, Антипатр, — ответил он Антипатру.

Антипатр одобрительно кивнул.

Вскоре из Азии вернулся Гекатей.

— Приказ выполнен, царь, — сказал он, — Аттала нет в живых.

Войска Аттала, узнав о смерти своего полководца, взбунтовались. Но Парменион сумел, успокоить их. Он оправдал надежды Александра.

— Только теперь я могу с уверенностью назвать тебя царем, Александр! — воскликнула, торжествуя, Олимпиада.

Александр вздохнул.

Не легко стать царем, если даже ты сын царя и законный его наследник!

Не легко. Но Александр перешагнул через все — через убийства, через предательства — и стал царем.

ЗАБОТЫ

Македонское войско двинулось в Пелопоннес. Этеры — конная свита царя — в блестящих доспехах, в шлемах и поножах, с копьями и мечом при бедре. Фалангиты — пехота, идущая в бой тесно сомкнутым строем, со щитами и длинными копьями — сариссами. Тяжелая конница и легкие отряды гипаспистов, необходимые в бою, когда нужно занимать высоты, захватывать переправы, поддержать конную атаку... Легковооруженные — легкие отряды, конные и пешие, для летучих стычек и прикрытия во время похода.

И никакого обоза — ни телег с багажом, ни вьючных животных. Каждый воин нес за спиной плетеный ранец с запасом пищи — хлеб, оливки, лук, соленая рыба, соленое мясо... Так ходить в походы их приучил Филипп.

Пути в Пелопоннес шли через Фессалию.

Александр решил воздерживаться от жестокости, если можно будет обойтись убеждениями. Все-таки лучше, если у македонских границ останутся друзья, а не враги, когда он уйдет в Азию. Но и о дружбе приходилось просить, не снимая руки с рукоятки меча.

Провожая в путь Александра, Олимпиада особенно настойчиво напоминала о том, что Фессалия не чужая, не варварская страна, что населена фессалийская земля эпирскими племенами, что там жил Ахиллес, что там набирал он свое войско для войны с Троей — «мирмидонов и эллинов имя носящих...». И, конечно, о царе Эаке, сыне Зевса, напомнила, который был дедом Ахиллеса, и еще, в бесчисленный раз, упомянула о том, что и Александр — эакид, поскольку цари Эпира ведут свой род от Эака и Ахиллеса...

Александр крепко сидел на широкой спине Букефала, на плотно пригнанной богатой попоне.

— Ты помнишь, как Ахиллес молился перед походом, Александр?

Александр помнил.

...Руки обмыл и себе и вином эту чашу наполнил.
Стал в середине двора, и вино возливал, и молился.
На небо глядя. И не был он Зевсом-отцом не замечен.
«Зевс пеласгийский, додонский, далекий владыка Додоны,
Вечно суровой, где селлы пророки твои обитают...»

— Вот видишь,— сказала Олимпиада,— теперь ты идешь туда, где жил Ахиллес. Не разорь эту землю!

— А если они не захотят меня пропустить? Тогда, может быть, мне вернуться и сидеть дома?

При этих его лукавых словах мать сразу поднялась с кресла.

— Нет, о нет! Этого я не скажу ни теперь и никогда. Ты рожден для славы, для подвигов, я это знаю, Александр, и ты это знаешь. Но... не разорь эту землю!

Вот они идут теперь по каменистым дорогам Фессалии недалеко от моря. Горы стоят по сторонам, из-за гор смотрят другие горы, и все они словно прислушиваются к топоту конных отрядов, к шарканью грубой обуви, к широкому шуму идущего войска...

Александр рассказывали, что в древности равнина Фессалии была огромным озером.

Кто же рассказывал об этом? Аристотель, конечно. Он все знал...

Вспомнил об Аристотеле, и сердце обожгла обида. Его бывший учитель уехал из Пеллы. Он не остался при дворе Александра. Александр думал, что Аристотель навсегда привязался к нему, к своему ученику... Но нет. Аристотель человек холодной души. Он любил только свою науку и больше ничего и никого. Теперь он в Афинах, где-то там, в западном предместье, в Ликее, преподает свой курс другим ученикам... Он уехал, как только не стало Филиппа.

Это очень обидно!

Александр постарался отвлечься от неприятных мыслей. Так что же рассказывали ему о Фессалии? Равнина Фессалии была огромным озером. Озеро лежало в котловине окруженное горами. Вода и горы и лес на горах, полный птиц и зверей.

А потом бог Посейдон, «сотрясатель земли», разгневался за что-то и встряхнул гористые берега. Горный кряж, что стоит на границе Фессалии и Македонии, раскололся, образовались две огромных горы. Одну гору называли Оссой, а дру-

гую, которая повыше, Олимпом. Озеро хлынуло между этими горами и почти все ушло в море. Бода осталась только в небольших впадинах — это озеро Иссоида и озеро Бебеида.

Солнце осушило равнину. Лишь по краю ее, ближе к Эпиру, остались болота. Александру случилось побывать в странном городе Равенне, который стоит среди болот. Вместо улиц там каналы, наполненные зеленой водой, над каналами деревянные мосты, а по городу жители плавают на лодках. В этом городе душно и смрадно. Но во время прилива морская вода заполняет Равенну, а потом, отхлынув, уносит из города все нечистоты и освежает воздух...

Между Оссой и Олимпом образовалась расщелина, которую называли Темпейской долиной. По этой долине течет прозрачная река Пеней, которая берет начало в горах Пинда. Эта река лежит шумной сверкающей границей между Нижней, или Приморской, Македонией и Фессалией.

К Пенею войско Александра подошло на рассвете. В долине висел густой белый туман, словно большое облако свалилось туда, закрыв проход. Лишь далеко, наверху, поднявшись над этим облаком, словно легкое утреннее видение, слабо розовела снежная вершина Олимпа.

Александр остановил войско и послал разведчиков осмотреть горные проходы. Если фессалийцы задумали отпасть от Македонии и вступить в войну, то они засели теперь в этой узкой долине, скрытые горами и туманом.

Отряды стояли неподвижно. Ии громкого голоса, ни бряцания меча. Ждали. Журчали в тумане волны Пеней, бегущего по камням. Слева, совсем недалеко, влажно вздыхало море...

Солнце разгоралось, наступало утро. Все менялось на глазах. Пеней сбрасывал ночное покрывало тумана, с горных вершин спускались в долину широкие потоки света. Уже можно было различить на поверхности чистой воды Пеней темные маслянистые струи реки Европы, впадавшей в него. Серебристая зелень древних рощ, зарослей лавра и олеандра проступала сквозь туман...

В это время на горной тропе появились разведчики.

— В долине стоит фессалийское войско. У них выгодная позиция. Пройтись будет трудно.

Разведчики, ходившие к боковому проходу, сообщили то же самое.

— Проход занят сильным отрядом. Пройтись будет трудно.

Александр на секунду задумался. Пути закрыты. Взять проходы нелегко, пришлось бы много положить войска, а войско его бесценно.

— Пробриться будет трудно,— повторил Александр,— а мы и не будем пробиваться. Мы обойдем их.

Военачальники переглянулись. Обойдем? По каким дорогам? Перед ними громоздятся крутые уступы суровой Оссы, а глава ее, седая от снега, покрыта белесым нетающим облаком...

Но Александр узнал, что если повернуть к югу и подойти к морю, то здесь Осса не так страшна, как со стороны Пеней. Здесь ее склоны поднимались более отлого, по этим склонам уже можно было, хотя и с трудом, пробраться вверх и перевалить в равнину. Вот сюда-то и привел он свое войско.

Фессалийцы ждали Александра в горных проходах. Они были готовы к бою. Сейчас македоняне вступят в долину, и фессалийцы обрушатся на них. Но все было тихо в горах. Македоняне исчезли.

А македоняне в это время переваливали через Оссу. Всадники спешили, карабкались как могли. Где было очень круто, вырубали ступени, проходили сами и проводили лошадей. Александр шел вместе с ними, в первых рядах. И всему войску был виден пышный султан его блестящего шлема.

Вдруг фессалийский пикет, стоявший на вершине горы, увидел, что войско Александра стремительно заполняет равнину. Македоняне оказались у них в тылу, вот они уже строятся к бою, вот и фаланга уже стоит, сверкая частоколом поднятых сверху сарисс!

Начинать сражение с македонянами было бесполезно — фессалийцы не могли противостоять македонским фалангам. Фессалийские вожди, ошеломленные внезапным появлением Александра, сложили оружие.

Александр пригласил к себе правителей всех фессалийских племен, всех знатных людей и военачальников. Фессалийцы собрались. Они мрачно и смущенно стояли перед македонским царем, ожидая расправы.

Александр обратился к ним с речью. Он не хочет войны с ними и пришел сюда не как враг, а как друг. Пусть они вспомнят о своем родстве с македонянами — ведь Фессалию, что у моря, называют пеластическим Аргосом. Значит, они так же, как когда-то македоняне, пришли из Аргоса. Они родственны и по крови, потому что происходят от одного и того

же предка — Геракла. Родственна их племени и мать Александра Олимпиада, она ведь из рода Эака, а фессалийцы тоже эакиды. И Александр пришел сюда не проливать родственную кровь, а закрепить с ними союз и дружбу.

Под конец своей речи Александр сказал:

— Я требую только тех привилегий, которые вы добровольно даровали моему отцу царю Филиппу. Вы признали его гегемонию над Элладой. Почему же вы теперь отказываете в этом мне, его сыну? Я так же, как мой отец царь Филипп, обещаю хранить и защищать ваши права, я обещаю, что в войне с Персией фессалийские всадники, которые пойдут со мной, получают равную со всеми долю военной добычи. А Фтию¹, родину нашего общего предка Ахиллеса, я почту освобождением от всяких податей.

Лица фессалийцев прояснились. Они не ожидали, что Александр отнесется к ним так милостиво. Они поспешили принять эти выгодные и почетные условия. И тут же вынесли постановление: утвердить за Александром принадлежавшие его отцу права, а если Александру будет нужно, они двинутся вместе с ним в Элладу и помогут ему покорить непокорных.

Так же быстро, обещая союз и дружбу, Александр склонил на свою сторону и соседние племена, которые жили возле Эпира, по верхнему течению Пенея, на склонах гор, на берегу моря, — энианов, малиев, долопов... Эти племена имели свои голоса в совете амфиктионов, каждое племя — один голос. А совет амфиктионов многое решал, и голоса их были нужны Александру.

В Амбракию Александр направил послов. Пусть амбракийцы успокоятся, македонский царь им не враг. Пусть они не волнуются, добиваясь автономии. Он и сам охотно предоставит им автономию, только пусть они лишь немного подождут!

Фессалия затихла, успокоилась. Александр сделал все, чтобы установить дружбу. Он ушел, не тронув ни огнем, ни мечом земли Эака и Ахиллеса. Но, уходя, все же разместил повсюду свои гарнизоны — так было надежней.

Так же неожиданно явился Александр и в Элладу. Эллинские города даже не успели закрыть свои горные проходы.

Александр вошел в Фермопилы. Сюда он пригласил амфиктионов — членов союза амфиктионии. Амфиктионы собрались

¹ Ф т и я — область в Фессалии.

со всей Эллады. Лишь Фивы, Афины и Спарта не прислали своих послов.

Александр предстал перед амфиктионами в блестящих воинских доспехах, но без шлема, с открытым лицом. Его юношеский голос, звонкий и чистый, был слышен далеко и отчетливо. Пелопоннесцы пришли настороженными, враждебными, готовыми к отпору, хотя и скрывали свою враждебность, увидев на своей земле македонское войско. Но, слушая Александра, они, сами не понимая, как это случилось, прониклись расположением к юному царю.

Александр говорил по-эллински.

— Вы уже решили, эллины, что справедливо было бы наказать персов за все то зло, которое они причинили Элладе. Отец мой царь Филипп готов был выполнить вашу волю и выступить в поход, но вы знаете, почему он этого не сделал. Вы вручили царю Филиппу командование нашими объединенными войсками, но царь Филипп умер. Теперь я, царь македонский, прошу вас предоставить это командование мне, сыну Филиппа.

Амфиктионы нашли, что все правильно и справедливо. Они ведь уже признали вождем царя Филиппа, так почему же отказывать в этом царю Александру? Что изменилось? Только имя царя-полководца. Слава о военной доблести Александра эллинам уже была известна со дня битвы при Херонее. А самое главное, о чем думали с опаской, но о чем умалчивали,— непобедимая македонская фаланга уже стоит здесь, в Элладе. Этого тоже без должного внимания оставлять было нельзя.

Амфиктионы согласились признать Александра вождем и вручить ему командование объединенными эллинскими и македонскими войсками.

Гегемония была дарована Александру общим постановлением союза амфиктионов.

Когда совещание закончилось, Александр простился с амфиктионами ласково и почтительно.

Итак, царь македонский Александр получил гегемонию — верховное командование объединенными войсками. Но к походу в Азию еще столько препятствий! Из Афин, из Беотии все время приходят неприятные и оскорбительные вести. Фивы восстали, они почувствовали поддержку других городов. В Афинах Демосфен требует войны с Александром, которого называет мальчишкой и маргитом. В Элладе появляются письма персидского царя Дария, призывающие эллинов к восстанию против Македонии. Дарий обещает золото, много золота в

помощь эллинам,— так он боится войны с Македонией. Однако эллинские государства не принимают персидских денег, они не продаются.

Одна лишь Спарта приняла персидских послов и согласилась помочь персам...

— И Демосфен принял золото Дария,— сообщили Александру тайные вестники, посланные из Афин.— Персидский царь прислал ему триста талантов, сказав: «Расходуй их по своему усмотрению. Но в моих интересах».

— В интересах персов! — возмутился Александр.— Пускай лучше персы, чем мы?

— Персы купили его! — хмуро сказал Гефестион.— Демосфен продан им!

— Нет,— возразил старый Антипатр,— я не люблю Демосфена, но должен сказать правду: Демосфена купить нельзя. А деньги у перса он берет лишь для войны с нами. Персы сейчас не грозят Афинам. А царь Филипп грозил. И ты, Александр, грозишь.

— Я не собираюсь разорять Афины!

— Ты их не будешь разорять. Но верховную власть над ними возьмешь. Вот этого-то они и боятся пуще всего.

Гора забот обрушилась на голову двадцатилетнего царя. Гора препятствий закрыла пути его стремлениям. Но это не смущало его, а только сердило. Он мог бы и сейчад подчинить Фивы и обезоружить Афины. Он знал — эти города не готовы к войне. И Спарта тоже еще не обрела своего прежнего могущества после того, как Эпаминонд разорил ее. В Кадмее, в Халкиде, на Эвбее, в Акрокоринфе еще стоят македонские гарнизоны, оставленные Филиппом.

Но Александр не хотел воевать с Элладой. Ему нужны были не покоренные города, а союзники. Однако время идет, надо решать дела. В гневе, в ярости за все эти задержки Александр не понимал упорной враждебности афинских вождей, и прежде всего Демосфена. Близорукий, с ограниченным кругозором человек! Македоняне открывают Элладе пути к мировым завоеваниям, а он твердит одно: свободу Афинам! Какая свобода у Афин, если там даже и хлеба своего нет, чтобы накормить граждан!

Александр не понимал, не хотел понять, что Демосфену была непереносима мысль подчинения его прославленной родины — и кому же? — македонянам, которых афиняне все-таки не считали чистокровными эллинами.

Ослепленный патриотической преданностью Афинам, Демосфен не мог поверить, что полисы — замкнутые города-государства — отживают свое время, как отживает свое время и рабовладельческая, демократия Афин; что рабы, выполняющие в афинском государстве все работы, оставляют свободных граждан без заработка, а значит, и без хлеба; что граждане афинские уже не те, какими были во времена нашествия персов, они изнежены, болтливы, невоинственны, и если иногда Демосфену удастся пробудить их отвагу, их патриотизм, то ненадолго; что вся система эллинских полисов со своей замкнутой жизнью умирает и что он со своими призывами и увещаниями не в силах воскресить ее,— все это не останавливало его внимания.

Всеми силами своего пламенного красноречия Демосфен отстаивал свободу и национальную честь Афин, не понимая, что время работает против него.

Яростно негодуя на упорное сопротивление Демосфена, Александр из Фермопил спустился в Беотийскую равнину. Он стал лагерем около Фив, вблизи фиванской крепости Кадмеи. Фивы сразу затихли.

А в Афинах всполошились. Два дня пути — и Александр у афинских стен!

Снова афиняне бросились поправлять городские укрепления. Снова город наполнился повозками поселян и их стад. Оратор Демад горько говорил об этом:

— ...Город, служивший предметом удивления и борьбы, как скотный двор, наполнился овцами и рогатым скотом!

Демосфен еще пытался вдохновить афинян на борьбу, на сопротивление. Но афиняне, даже самые яростные противники Филиппа и Александра, пали духом. Все уже понимали, что не о борьбе, не о войне должна идти речь, а о том, чтобы смягчить Александра, чтобы отвести от Афин его карающую руку.

Афиняне направили к Александру послов просить прощения за то, что они не сразу признали его гегемоном. Среди этих послов был и Демосфен — граждане афинские надеялись на его красноречие.

С тяжелым сердцем и угрюмым лицом отправился Демосфен на поклон к Александру. Что он скажет ему? Может быть, сообщит, как ненавидел его отца Филиппа? Или доложит о письме к Атталу, с которым хотел заключить союз против Александра? Или откроет свою связь с персами и признается, что взял у них золото для войны с Александром?

Дорога горела под ним. Чем дальше, тем тяжелее становилось Демосфену. Как встанет перед этим мальчишкой, как поднимет на него глаза? Каких оскорблений наслушается?

Посольство медленно приближалось к Беотийской равнине. Бот уже начались скалистые отроги горы Киферона, которая спускается потом вдоль реки Асопа в Фиванскую область. Минуют Киферон, и перед глазами предстанет лагерь Александра...

Демосфен остановил коня. Нет, он не может выполнить поручение афинян. Умолять македонянина о прощении — это было выше его сил. Он остановился, опустил глаза и нахмурился. Он вернется. Послы без него сделают свое дело.

Послы переглянулись, вздохнули. И долго глядели вслед Демосфену, который, повернув коня, поспешно уезжал обратно.

Ну что ж, на этот раз собственная безопасность оказалась для знаменитого оратора дороже, чем интересы Афин!

Александр принял афинских послов очень приветливо.

Афиняне просят прощения? Александр прощает. Не так уж они виноваты, если их болтливые ораторы без конца сбивают с толку народ. Но Александр требует возобновить заключенные с его отцом договоры. Уполномочены ли послы на это? Да, они уполномочены.

Договоры заключены. Афинские послы могут вернуться домой и успокоить афинских жителей. Он не собирается воевать с ними. Только пусть Афины пришлют своих послов в Коринф для дальнейших переговоров, так как в Коринфе Александр соберет уполномоченных всех союзных государств.

Македонская партия в Афинах снова торжествовала. Афиняне были счастливы, что легко отделались и предотвратили гнев Александра. Народное собрание в Афинах постановило: оказать молодому царю еще большие почести, чем были оказаны Филиппу. Они наградили Александра двумя золотыми венками. Золотой венок — великая почесть. А два венка — вдвое большая почесть!

Теперь Александру только закрепить свою гегемонию в войне против персов, — для этого он и созывает конгресс в Коринфе. Полный нетерпения, лишь уладив дела с Афинами, Александр двинулся с войском в Коринф.

В Коринф собралось много народа. От всех эллинских государств прибыли послы. От всех, кроме Спарты. Спартанцы, как всегда, подчинялись только своим законам.

— Мы не пойдем за чужим полководцем. Мы сами вожди и полководцы. Так нам завещано отцами. И так будет всегда.

На конгресс явился Демий, ученик Платона. Его пригласили эллины, живущие на азиатском берегу. Демий горячо убеждал собрание поскорее начать войну против персов, потому что эллинам в Азии живется очень тяжело.

Были здесь и посланники острова Лесбоса, на котором правили друзья персов.

— Эллины там несчастны. Они обречены на гибель!

При большом стечении народа, в присутствии представителей всех государств Эллады, кроме Спарты, был возобновлен союз Эллады и Македонии. Формулу союза скрепили клятвой. Александра провозгласили полновластным стратегом, гегемоном союзных войск.

После конгресса начались пиры и праздники. В Коринф со всех сторон Эллады собрались художники, скульпторы, философы, ораторы... Все они окружали Александра.

— Ученик Аристотеля!

— Победитель при Херонее!

Они ловили каждое слово молодого царя, добивались хотя бы одного его взгляда...

Александр знал, что в Коринфе, где-то в предместье города, живет философ Диоген.

— Здесь ли он сейчас?

— Нет. Он, как всегда, в своем пифосе!

— Диоген не захотел явиться ко мне. Тогда я сам отправлюсь к Диогену!

И царь, окруженный роскошной свитой, отправился поглядеть с философом.

В предместье города Карнее, на палестре, Александр увидел огромный, как амбар, поваленный набок и врытый в землю пифос. Возле этого пифоса лежал и грелся на солнце Диоген. Александр поздоровался с ним, тот ответил, не обернувшись. Царь с любопытством смотрел на этого человека, свободного от всех человеческих желаний. Ни богатства, ни славы, ни завоеваний — ему ничего не нужно. Вот он лежит на своем драном плаще — лысый, с косматой неопрятной бородой, прямые пряди нечесаных волос торчат клоками. Увидев перед собой роскошно одетых людей, Диоген лишь слегка повернул к ним свое угрюмое горбоносое лицо.

— Я — царь Александр, — сказал Александр.

— Я — киник¹ Диоген, — ответил Диоген.
— Я слышал, что вы, киники, отрицаете все, — сказал Александр, — и даже богов. Правда ли?
— Боги или не нужны, или вредны, — ответил Диоген.
— А государство? Родина?
— Для меня родина — весь мир.
— Но почему не хочешь ты жить, как все, — в хорошем доме, приобретать богатство, наслаждаться искусством?
— Мне хорошо и в моем пифосе.
— Ну, а где же у тебя семья?
— А на что мне семья?
— Наступит зима, холод. У тебя нет даже очага. Где же ты согреешься?
— Укроюсь одеялом.
Александр, заглянув в широкую горловину пифоса, увидел там старое, в дырах, домотканое одеяло.
— Мы, киники, сильнее природы, — сказал Диоген. — У нас нет желаний, и в этом наше благо. Ничто не может доставить нам горести. Ничего не имея, мы ничего не теряем.
— Диоген, не могу ли я что-нибудь сделать для тебя? — помолчав, спросил Александр.
— Можешь, — ответил Диоген. — Посторонись немного и не заслоняй мне солнце.
Александр засмеялся и отошел.
— Клянусь Зевсом, — сказал он, — если бы я не был Александром, я желал бы быть Диогеном!
Кончились совещания. Кончились праздники. Теперь можно было вернуться домой и готовиться к походу в Азию. Все свершилось так, как хотел Александр.

СНОВА ПРЕПЯТСТВИЯ

Нет, не кончились заботы и неприятности.

Едва он вступил во дворец, едва успел, сбросив плащ, согреть руки у пылающего очага, как Олимпиада прислала за ним, требуя, чтобы он пришел немедленно. Александр и сам пришел бы узнать, как она живет и здорова ли. Он только сначала хотел вымыться после дороги.

Но мать требовала его сейчас.

¹ К и н и к , или, как теперь говорят, циник, от слова «кион» — «собака».

Он вошел в гинекей с неясным предчувствием какой-то беды. Что-то случилось...

— Александр! — Мать встретила его объятиями, глаза у нее светились от счастья, что сын ее благополучно вернулся, что он у нее такой умный, такой талантливый и такой красивый! Все сделал: успокоил Фессалию, примирился с Элладой и взял в свои руки гегемонию! Он ее опора, ее защита!

Александр глядел на нее ласково, с улыбкой. Он глядел на нее, как смотрит сильный на слабого, — с нежностью и жалостью. Конечно, он ее защита. Александр знал, что у матери много врагов, что многие ее тайно ненавидят... Что поделать, его мать излишне жестока. Но она его мать и самый близкий, родной ему человек. Ей одной он может довериться до конца. А кому еще так поверишь, если даже отец, его родной отец, изменил ему!

— Так что же случилось?

— Я не хотела, чтобы ты узнал это от других, Александр.

— Что случилось?

— Клеопатра умерла.

— Что?

— Она умерла.

Александр заглянул в черные глаза Олимпиады, в которых горел глубокий зловещий огонь.

— Ты убила ее?

— Она повесилась.

Александр гневно нахмурился. На лице и на груди у него выступили красные пятна.

— Ты заставила?

Олимпиада гордо подняла голову.

— Да, я.

— Зачем? — закричал Александр. — Зачем еще эта ненужная кровь? Кому была опасна эта женщина?

— А ты думал, что я могу простить этой рыжей кошке все, что пережила из-за нее? Я не трогала ее. Я просто велела ей удавиться на ее собственном поясе.

Александр резко повернулся и вышел из покоев Олимпиады.

Антипатр, который оставался правителем Македонии на время отсутствия Александра, тоже не обрадовал:

— Фракийцы опять шумят. Геты лезут на нашу землю. Трибаллы разбойничают.

— Опять трибаллы?

— Иллирийцы тоже. Царь Клит, этот сын угольщика, как видно, замыслил захватить проходы к югу от Лихнитского озера.

— Сын угольщика?

— Разве ты не знаешь, царь, что его отец Бардилис, прежде чем стать царем, был угольщиком? Царю Филиппу пришлось немало потрудиться, пока он отбросил этого разбойника Бардилиса с македонской земли.

— Я помню.

— А там еще и тавлентинцы со своим царем Главкием вооружаются. Идут заодно с иллирийцами против нас. Кроме того, слышно, что и автариаты поднимаются на помощь своим иллирийским сородичам, тоже готовятся вторгнуться к нам. Жажда добычи их всех сводит с ума.

— А «вольные фракийцы»?

— Они будут заодно с трибаллами. Боюсь, царь, что и меды не останутся в стороне, и бессы, и корпиллы. Это разбойники, которые даже для разбойников страшны. Царь Филипп не раз отбрасывал их всех и почти покори́л — почти, потому что этих кочевников окончательно покорить невозможно. Но все же подчинил и дань наложил. А теперь они решили — Филипп умер, так и бояться им нечего. Даже и трибаллов за их беспримерную дерзость он наказать не успел.

— Значит, накажу их я. Они все забыли, что такое македонское оружие. Скоро они об этом вспомнят.

С трех сторон подступали к Македонии враги, кочевые разбойничьи племена. Как уйдешь в Азию. Границы останутся открытыми, и варвары растерзают Македонию.

Значит, надо теперь же, как только минует зима и весна откроет горные дороги и проходы, двинуть во Фракию войска и усмирить варваров. Филипп умер, Филиппа уже нет. Да, Филиппа нет, но есть Александр! Поход в Азию снова откладывался на неизвестное время.

Всю зиму Александр, не щадя себя, не щадя своих полководцев и войско, готовил армию к походу, тренировал воинов. Он добивался, чтобы фаланга по одному слову команды могла моментально развернуться, сомкнуться, перейти в походный строй и снова построиться в бою. С огромным терпением и настойчивостью он добивался четкости в движениях, точности, быстроты. Он хотел, чтобы эта живая военная машина действовала безошибочно, незамедлительно, не путаясь, не ошибаясь.

И полководцы, и простые воины уже мечтали о том дне, когда прозвучит походная труба и они избавятся от этой ежедневной, неотступной, неотвратимой муштры. Воля молодого царя была непреклонна, а усталости он не знал.

Наконец отгремели, отсверкали весенним половодьем реки, ушли снега из горных ущелий, открылись проходы. Свежая зелень хлынула на склоны гор, задымились под солнцем сырые поля, из влажной земли на глазах напористо лезли посевы...

В эти дни и запели по всей Македонии призывные военные трубы. Походным строем зашагала пехота. Тронулась в путь конница. Отряд за отрядом пошли легковооруженные войска.

Александр торопил войско. Сам он мог сутками не слезать с коня. Но войску нужен отдых и обед. Лошадей надо кормить. И он терпеливо ждал на привалах, когда разгорятся костры, когда сварится обед или ужин и когда снова можно сесть на коня.

Он решил прежде всего ударить на трибаллов. Никаких уступок, никакого промедления. Пусть почувствуют мстящую руку македонянина. Племя это сильное и опасное. Но если Александр собирается сражаться с несметной персидской армией, то устрасит ли его разбойничье племя варваров?

Дорога была нелегкой — лесистые холмы, овраги, ледяные ручьи на дне оврагов, бегущие с гор. Скалистые отроги вставали по сторонам, загораживая горизонт...

В землю трибаллов было два пути. Или подняться вверх по течению Аксия, пройти через северные проходы и через земли агрианов, верных Македонии. Или повернуть на восток, в долину Гебра, подняться на гору Гем и оттуда напасть на трибаллов.

Александр выбрал второй путь. Эта дорога пролежала через земли чубатых фракийцев, людей ненадежных и опасных, которых он не хотел оставлять у себя в тылу. Об этих фракийских племенах шла злая слава: если эллины попадали к ним в плен, то уже не ждали пощады и не получали ее.

Невысокие фракийские горы постепенно окружали македонское войско. С каждым днем становилось теплее, с каждым днем прибавлялось зелени на горах. На десятый день пути войска Александра перевалили через отроги Малых Балкан и остановились перед утесами высокой фракийской горы Гем. Здесь и раскинули лагерь, чтобы дать войскам отдых перед боем.

Александр задумчиво смотрел на снежные вершины горной гряды. Об этих горах говорил Гомер:

Фракийцы столкнули со скалы свои повозки. Грохот, звон щитов...
Словно горный обвал обрушился на македонян.

...Гера же вдруг, устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдруг пролетела Пиерии холмы, Эмафии доли,
Быстро промчалась по снежным горам фракиян быстроконных...

— «Фракиян быстроконных»...— повторил Александр.—
Как бы эти быстроконные фракияне нужны были мне в моем войске!

Прежде чем войти в ущелье и перевалить через невысокий хребет Малых Балкан, Александр на заре послал разведку.

Разведчики вернулись смущенные.

— Ущелье забито фракийцами. Они ждут, приготовились стрелять из-за каменных уступов. Но самое главное — вот что придумали: втащили на гору свои огромные повозки и поставили их перед собой. Как полезем через перевал — так и сбросят они на нас эти свои повозки. Наше войско смешается, а они тотчас и нападут.

Этеры, военачальники стояли вокруг Александра.

— Что делать?

— Идти вперед. Другого пути нет.

Полководцы переглянулись — не велика слава погибнуть под телегами варваров!

Смущение пробежало и среди войска. Повозки с тяжелыми колесами из деревянных кругляков нависли над головами. Стоит македонянам тронуться, как повозки с грохотом повалятся на них.

— Пусть валятся,— сказал Александр,— а вы сделаете то, что я вам скажу. Гоплиты, слушайте меня. Когда повозки повалятся на вас — расступайтесь и пропускайте их, пусть летят дальше вниз, а вы оставайтесь по сторонам. А там, где узко и расступиться некуда, пригнитесь к земле, прижмитесь друг к другу и накройтесь щитами. Повозки прокатятся по щитам, а вы останетесь целы и невредимы. И тогда уже прямо в бой. Вперед!

И первым, подняв щит, полез на гору.

Фракийцы выжидали. Их рыжие лисьи шапки виднелись над заслоном огромных, грубо сделанных повозок. Увидев, что македоняне двинулись на перевал, они с дикими торжествующими криками столкнули со скалы свои повозки. Грохот, звон щитов... Словно горный обвал обрушился на македонян.

Но что же это? Фракийцы с ужасом увидели, что их повозки никому не причинили вреда. Они катятся вниз, в ущелье, кувыр-

каясь и распадаясь на части. Македоняне расступились и пропустили их. А где некуда было отступить, они вдруг, укрывшись щитами, превратились в большую черепаху, и повозки лишь прогрохотали по железу.

И вот македоняне уже лезут наверх, и удержать их больше ничем нельзя.

Александр послал вперед лучников. А вслед за ними двинул фалангитов. Он сам повел их.

Фракийцы выбегали из-за скал в надежде остановить это надвигающееся на них бедствие, но тут же падали, сбитые стрелами. Воющий свист стрел не умолкал, заполняя ущелье, пока не вступила в бой фаланга. Выставив сверкающие жала копий, заслонившись щитами, македоняне двинулись на легковооруженное фракийское войско. Фракийцы еще пытались сопротивляться, хотя поняли, что стену сомкнутых македонских щитов пробить невозможно. Но когда увидели перед собой высокие белые перья Александрова шлема, они бросили оружие и побежали в горы в панике, в ужасе, в отчаянии.

Догонять их не стали. Горцы бегали быстро, знали все горные тропы, ущелья и пещеры, где можно спрятаться. Но семьи свои, женщин и детей, увести не успели. Македоняне взяли их и все их добро как военную добычу.

Ни один македонянин не погиб в этой битве. Они перешли через Гем и пошли дальше, оставив на склонах горы почти полторы тысячи неподвижных тел, над которыми уже кружили птицы.

Трибаллы

Сирм, царь трибаллов, уже знал, что Александр идет по фракийской земле. Ему было известно могущество македонских фаланг. Но и трибаллы умели воевать. Они однажды крепко поколотили македонян, когда те шли из Скифии. И всю добычу у них отняли! Да и сам царь Филипп не ушел от них, его унесли отсюда на щитах, почти мертвого. А уж на что опытный был, уж на что свирепый был вояка!

Теперь к ним идет Александр. Мальчишка, который думает, что если он назвался царем, то уже стал полководцем. Пусть идет. Сирм знает, как встречать непрошенных гостей. Если Филипп кое-как вырвался из его рук, то Александр, пожалуй, тут свой путь и закончит.

Однако царь трибаллов изменился в лице, когда разведчики донесли ему, что Александр разбил фракийцев, перевалил через Гем и теперь идет прямо к Истру.

Сирм немедленно созвал военный совет.

— Как отнестись к этому? Как это понять? Случайная удача македонянина? Оплошность горцев, пропустивших его? Или... нам действительно надо его опасаться?

Советники Сирма ответили, что, пожалуй, надо опасаться. Филиппа нет, но осталось его грозное войско. Александр неопытен, но у него есть опытные полководцы. Надо опасаться!

Трибаллы, вооружившись, ждали Александра. Разведчики ни днем ни ночью не покидали постов, прислушиваясь, не донесется ли гулкий топот коней, не отзовется ли эхом в горах тяжелая поступь македонской фаланги.

Македоняне приближались. И в стране, постепенно нарастая, начал распространяться ужас. Не остался спокойным и царь Сирм.

На Истре, среди его широкой голубизны, возвышался каменистый, заросший лесом, большой остров Певка. На этот почти неприступный остров Сирм приказал переправить всех женщин, стариков и детей. Туда же бежали и те фракийцы, которые жили по соседству с племенем трибаллов.

Трибаллы в эти дни не расставались с оружием. Ждали. От ожидания нервы напрягались, как натянутая тетива лука.

А македоняне уже шли по фракийскому плоскогорью, которое расстилось сразу за Гемом. Вздохленные победой над горцами, они шагали уверенно и легко. Добыча не отягощала их — Александр поручил Филоте, сыну Пармениона, и этеру Лисании отправить пленных и награбленное добро в близлежащие приморские города, подвластные Македонии.

Александр покинул Гем, не оглянувшись. Он стремился дальше, вперед, к великой реке Истру, где засели трибаллы. Трибаллы, снова трибаллы! Вот он припомнит им нынче страдания Филиппа, его отца, он припомнит им тот злосчастный день, когда воины, осторожно ступая, внесли во двор царского дома на своих щитах полумертвого македонского царя!

Старые полководцы предостерегали Александра:

— Эти так легко не дадутся, царь. Будь осторожен!

Александр отвечал резко:

— Легко или нелегко, но они будут разбиты.

На пустынном плоскогорье стояла тишина, слышались только мерный шаг пехоты да топот тяжелых коней по камени-

стой земле, кое-где прорезанной скупыми ручьями весенней воды.

«Какие печальные места!—думал Александр, невольно отвлекаясь от своих военных забот.— Уже и сейчас вода еле струится и трава не в силах прикрыть камень. А что же здесь летом? Солнце высушит ручьи, выжжет землю... Бесплодная степь, пустыня. Вот и колодцы здесь почти бездонны, так глубоко вода. Если бы не овраги и не весенние потоки, пострадались бы от жажды... Ах, широкий Аксий, ах, светлый Лудий!»

Хороша Македония, многоводна, многолесна. Сейчас Александру казалось, что лучше Македонии нет на свете земли. Но такой всегда предстает человеку родина, когда он покидает ее хотя бы даже ненадолго.

Однообразие каменистой долины утомляло. Александр уже с нетерпением вглядывался в полуденную даль — не блеснет ли наконец из-за гор, из-за свежей зелени лесных зарослей живая синева Истра?

Память, словно это было вчера, повторяла слышанное давно, еще в детстве. Вот он, совсем маленький мальчик, недавно вошедший в мегарон, сидит и слушает рассказы отцовских этеров об их походах, о тех местах, где им приходилось побывать с царем Филиппом, о битвах, о победах, о разорении городов... И почти каждый из этих бородатых воинов упоминал о великой реке Истр.

Вот и сейчас, чуть покачиваясь на широкой спине сильного фессалийского коня — Букефала он берег в походах,— Александр будто слышит свой разговор с Антипатром. Александр, еще мальчик, пристает к Антипатру с расспросами:

«Антипатр, а откуда она течет, эта река Истр?»

«Не знаю. Откуда-то с гор, что около Адриатики. На ее берегах живет множество племен».

«А какие племена там живут?»

«Ближе к нам — иллирийские, фракийские. А если к северу — там кельты, кельтские племена — бойи, инсубры, сенопы, гезаты...»

«А еще дальше какие?»

«Дальше, у истоков, живут геты. Потом галатские племена — скордиски, тавриски... А еще германские галаты. Рослые, с желтыми волосами. Из всех варваров самые дикие».

«А Истр больше Аксия?»

«Ха! Он больше Нила, что где-то в Египте. Говорят, тоже большая река. Но Истр куда больше!...»

А потом он и сам увидел Истр, когда покорял медов. Какая река, какой красоты, какой мощи.

Александр вздрогнул, словно проснувшись. Впереди блистало под солнцем голубое серебро воды.

— Истр?!

Он живо оглянулся, ожидая увидеть Антипатра, с которым только что мысленно разговаривал. И тут же вспомнил, что Антипатра он оставил в Македонии править делами.

— Нет, это не Истр,— ответил кто-то из этеров,— это река Лигин.

— Ах да, Лигин. Значит, до Истра еще три дня пути! Три дня — и я загляну в лицо Сирму. Еще целых три дня.

Войско Александра переправилось через Лигин и продолжило путь, продвигаясь к Истру. Станные вести приносили царю разведчики, перебежчики и внезапно захваченные рыскавшие по лесам отряды, посланные выследить Александра.

— Войско трибаллов готово к бою... Но царь Сирм испугался, ушел на остров Певку. И семья его с ним. И его приближенные... Но трибаллы готовы его защищать.

Александр не так далеко отошел от Лигина, когда новое донесение остановило его.

— Трибаллы на Лигине! То ли они хотят зайти в тыл и закрыть проходы, то ли ищут Александра.

— Они меня найдут очень скоро,— сказал Александр.

Он тотчас повернул войско назад к Лигину. Фаланга шла скорым маршем. Александр нетерпеливо стремился застигнуть врага тогда, когда тот совсем его и не ожидает. Так поступал персидский полководец царь Кир, о котором рассказывал не раз в тишине Миэзы Аристотель. Так поступал и его отец.

Вожди трибаллов, возбужденные яростью против македонянина, жаждавшие немедленно сразиться с ним, были разгневаны и раздосадованы. Они пришли к Лигину, увидели следы македонского лагеря, недавно стоявшего у реки.

— Ушел!

— Не успели захватить!

Среди трибаллов еще были те, которые помнили, как Филипп свалился с коня. Привыкшие к разбою, к жестоким расправам, к беспощадным битвам, они заранее торжествовали победу.

Вечером на берегу Лигина, в лесу, загорелись костры военного лагеря трибаллов. Бледное пламя с лиловыми дымами еле светилось в зеленом сумраке деревьев. Трибаллы

готовили пищу, с тем чтобы, отдохнув и подкрепившись, с новыми силами ринуться в погоню за Александром.

И вдруг среди сумеречной тишины, среди мирного потрескивания пылающих костров над головами трибаллов зловеще прогудела стрела. Они еще не успели сообразить, что произошло, как лес внезапно наполнился шумом летящих камней, воющих стрел и дротиков,— все кругом было пронизано их густым смертоносным дождем.

Трибаллы вскочили, забегали среди костров, хватаясь за оружие. Многие тут же и падали, сраженные дротиком или стрелой.

Наконец трибаллы выбежали из леса на открытое место. Они решили, что это лишь легковооруженные отряды Александра, лучники и пращники, у которых даже щитов нет. Но, выбежав из леса, трибаллы дрогнули. На расстоянии полета стрелы перед ними стояла македонская фаланга, защищенная с флангов конницей. Она стояла, готовая к бою, неотвратимая, как судьба.

Трибаллы поняли, что Александр умышленно выманил их из леса. И что от битвы, которой они искали и которой теперь испугались, им уже никуда не уйти.

Дротики, стрелы, камни летели с обеих сторон. Гудящая, сверкающая металлом гроза бушевала над головами трибаллов и македонян.

Александр приказал Филоте, сыну Пармениона, двинуть всадников на правое крыло войска трибаллов. Полководцев Гераклида и Сопола с их всадниками послал на левое крыло. А сам повел на центр фалангу.

Торчавшие вверх сариссы у фалангитов по мановению руки Александра опустились, направив на врага свои длинные жала. Мощная, обороненная щитами, построенная во много рядов стена грозных македонских воинов двинулась на трибаллов...

Сражение длилось недолго. Трибаллы не могли устоять. Они нарушили строй, побежали. Они бежали обратно в лес, к реке, надеясь скрыться в густой чаще. Дротики и стрелы летели им вслед, кони настигали и убивали копытами...

До леса добежали немногие, они ворвались в чашу и скрылись во тьме. Остальное войско трибаллов осталось лежать на широкой равнине, и македоняне уже грабили убитых.

Поле битвы затихло как-то внезапно. Александр оглянулся и увидел, что наступила ночь. Над поляной еще светилось заре-

вое майское небо, а лес уже стоял в черной мгле, скрывая тех, кто нашел там убежище.

Александр снял шлем, откинул рукой влажные кудри, вытер вспотевший лоб.

— Есть пленные?

— Очень мало, царь. Но убитых трибаллов много. Тысячи три, не меньше.

— А наших?

— Мы потеряли одиннадцать всадников, царь. И сорок пехотинцев.

Александр кивнул головой.

— Утром похороним их и принесем жертвы.

Пока ставили палатки и разжигали костры, Александр, сопровождаемый друзьями-этерами, обошел поле битвы.

Он молчал. Молчали и друзья.

— Александр,— наконец негромко сказал Гефестион,— можно спросить тебя?

— Спрашивай.

— Я не пойму тебя, Александр. Как ты разгневался, когда убили... когда заставили умереть Клеопатру...

Александр нахмурился.

— ...и когда убили тех, кого надо было убить. Тебе было тяжело.

— Это так. Мне было тяжело. Но?

— А вот теперь, когда после тебя в поле остаются тысячи убитых... И ты сам, своей рукой убиваешь людей, глядя им прямо в лицо. И ничего. Спокоен. Весел даже. Как же это?

Александр пожал плечами:

— Разве убивать на войне — это убийство? И разве те, что лежат в поле, люди? Это враги, Гефестион, враги, которых я победил. И все. Чего же тут ты не понимаешь?

Александр над этим не задумывался.

ОСТРОВ НА ИСТРЕ

Если бы не войско, которому надо давать отдых в пути, Александр мчался бы день и ночь. Его тренированное тело могло выдерживать любые лишения, а жажда действия и побед не давала покоя. Кроме того, тайная, еще не вполне осознанная страсть к открытиям — а что там, за этими горами, а что за Истром? — гнала его вперед. Но Александр считал это мальчи-

шеским любопытством и скрывал даже от друзей свою смешную слабость.

На третий день, когда войско уже подходило к Истру, Александр все зорче, все встревоженней всматривался в даль. Уходя из Македонии, он послал гонцов в Византий с требованием прислать на Истр несколько кораблей. У него был договор с этим городом о взаимной помощи. Но захочет ли теперь Византий помочь Александру? Если кораблей на Истре не окажется, это не только затруднит войну с варварами. Это будет уже и вражда с Византией.

— Что за горы впереди?

— Это Бабагадские горы, царь.

— Значит, мы уже у Истра.

Горы приближались, вырастали, заслоня горизонт. Александр начал торопить коня. И вот наконец перед ним открылось спокойное голубое сияние большой реки. Это был Истр. Александр окинул реку мгновенным взглядом. Корабли?..

Есть корабли!

Несколько ниже по течению, над берегом, поднимались мачты, державшие яркую белизну парусов. Пять длинных кораблей стояли у берега, подняв высоко над водой свои изогнутые носы.

Александр облегченно перевел дух.

Македонское войско стало лагерем на берегу Истра. Александр, еще и не отдохнув как следует, приказал лучникам и гоплитам войти на корабли.

Сам он первым поднялся на корабль и первым повел его осаждать остров.

Друзья Александра, как всегда, были рядом. Ближе всех стоял Гефестион.

— Я хочу увидеть Сирма,— сердито повторял Александр,— я хочу знать, что за человек, из-за которого мне пришлось отложить поход в Азию, и так надолго отложить!

— Ты увидишь его, Александр.

Гефестион отвечал уверенно и спокойно. Эта постоянная уверенность друга, что его царь достигнет всего, чего решит достигнуть, нужна была Александру. Спокойствие, которого не хватало, передавалось ему. Это помогало молодому полководцу владеть собой, сдерживать нетерпение, умерять пылкость, которая иногда могла помешать его замыслам...

Остров Певка, высокий и скалистый, стоял как неприступная крепость. На нем, скрытые густым цветущим лесом, таились

трибаллы. Преодолевая стремительное течение воды, Александр подвел свой корабль к острову. Но лишь только изогнутый нос корабля коснулся отвесного берега, сверху обрушился на македонян звенящий ливень стрел и дротиков. Они застучали по бортам и палубе, по железным бляхам щитов, которыми македоняне поспешили закрыться. Высадиться было невозможно — крутой берег стоял как стена. К тому же бурное течение не давало бросить якорь и закрепиться.

Несколько раз подходили корабли македонян к острову. И уходили, ничего не добившись. Остров и река защищали трибаллов.

Александру пришлось отвести суда. Он был раздражен. Кое-кто из его друзей-этеров пробовал склонить Александра к тому, чтобы вернуться домой.

— Да пускай сидит этот варвар на своем острове. Чем он опасен? Или он захватит Македонию, когда мы уйдем за Проливы?

В ответ Александр угрожающе сверкал глазами:

— Уйти, не победив? А кто отомстит за царя Филиппа, за его кровь? Нельзя бросать дело, сделав его наполовину.

Взять Сирма необходимо. Но как? Александр поднимался на крутой холм и подолгу глядел на тот берег, на прибрежную равнину у подошвы Бабагадских гор. Может быть, переправиться через Истру и напасть на Певку с той стороны?

Дни бездействия были томительны. Цветущий май уже шествовал по горам и долинам. Солнце становилось все горячее... Так не заметишь, как и лето подступит. А они все еще стоят здесь, у большой синей реки, жгут по ночам костры да смотрят, как передвигаются в небе блистающие светила...

В половине мая, вечером, македоняне заметили, что на том берегу происходит какое-то движение. У Александра были зоркие глаза, и он увидел, что к Истру подошли в сумраке толпы людей, будто возникла откуда-то из-за гор темная туча и растянулась по всему берегу. Сквозь шум воды слышались негромкие голоса, ржание лошадей...

В македонском лагере не спали. Военачальники собрались у царского шатра.

— Кто живет на том берегу, за Истром? — обратился Александр к старым этерам, которые не раз бывали здесь сего отцом.

— В этих местах живут геты.

— Зачем они пришли сюда?

— Бояться, как бы ты не переправился к ним. Как видно, пришли помочь Сирму.

Эти слова упали, как искра в сухую солому.

— Так мы переправимся туда,— сказал Александр,— клянусь Зевсом, довольно нам сидеть и сторожить Истр.

Утром македоняне увидели, что весь противоположный берег Истра заполнен войсками. Геты не пытались переплыть реку, не стреляли, хотя, как видно, и держали оружие наготове.

Александр созвал военачальников.

— Что будем делать?

Мнения военачальников разделились. Более осторожные предупреждали:

— Варвары многочисленны — трибаллов еще много на острове. Теперь им на помощь подошли геты. А за Истром варваров еще больше — иллирийцы, савроматы, скифы... Царь Филипп и то не смог покорить их всех!

— Варвары многочисленны,— ответил Александр осторожно,— значит, со всеми ими и сразимся. И с трибаллами, что на острове, и с гетами, что смотрят на нас сейчас с того берега, а потом и с иллирийцами, и со всеми, кто не захочет признать нашей власти..

— А прежде всего,— сказал Птолемей, кивнув в сторону гетов,— мы схватимся вот с этими, «дарующими бессмертие»! Они, видно, хотят, чтобы их проучили.

Птолемей знает, что говорит. Он полководец его отца Филиппа.

— Дарующими бессмертием? — живо спросил Александр.— Кому же они даруют бессмертие?

— И если они могут даровать бессмертие, то, наверно, прежде всего самим себе? — усмехнулся Черный Клит.— А если так, то как же сражаться с ними?

— А почему так говорят о гетах — «дарующие бессмертием», Птолемей?

— Да слышал я такую историю...

— Расскажи, Птолемей.

Александр с жадным любопытством слушал Птолея.

— У философа Пифагора из Самоса — этот философ жил лет двести тому назад... Слышали?

— Слышали, конечно!

Ну так вот, у этого философа был раб из племени гетов Замолксий. Как видно, Пифагор отпустил его на волю, потому что этот Замолксий отправился в дальние странствия. У Пифа-

гора он кое-чему научился, особенно запомнил все, что говорил философ о разных небесных явлениях. Бродя из страны в страну, он попал в Египет. И там наслушался разных премудростей, каких варвары не знают. Потом вернулся к себе на родину и прославился тем, что умел толковать многое непонятное людям. Он глядел на небо и по звездам читал волю богов. Царь гетов сделал его своим соправителем. Потом Замолксий стал жрецом, служителем бога. А потом его и самого объявили богом.

— Раб Замолксий — бог? — захохотал Неарх. — Вот уж не бывает!

— А что ты смеешься? — улыбаясь, сказал Гефестион. — Между нами говоря, ты и сам соврать мастер!

— Что же он сам, этот Замолксий, объявил себя богом? — спросил Александр.

— Ну, если не сам, то шепнул об этом кому следует, и тот сделал это за него.

— А все-таки как же геты даруют бессмертие? — допытывался Александр.

— Царь гетов обо всем советовался с Замолксием, — отвечал Птолемей, — а народ считал, что он советуется с богом. И раз дома у них собственный бог, то он может даровать все. И бессмертие тоже.

— Посмотрим сегодня ночью, бессмертны ли они, — сказал Александр и встал. — Будем готовиться к переправе.

В ту же ночь была назначена переправа. А как переправиться через такую широкую реку? На чем? Кораблей мало, целое войско на них не посадишь.

Но македоняне были опытными воинами, они знали, как и на чем переправляться. Весь день они готовили меха, набивали ветками и сухой травой овечьи и козьи шкуры, которые служили им палатками. На таких мехах можно переплыть любую реку.

Кроме того, Александр велел собрать рыбацкие челноки, выдолбленные из дерева, их множество лежало на отмелях. Прибрежные жители ловили на этих челноках рыбу, плавали и навещали друг друга — река была самой лучшей, самой легкой дорогой. На этих же челноках прибрежные разбойники пускались на добычу...

Ночью, когда на реке поднялся туман, македоняне пошли в наступление. Тихо, стараясь не плеснуть веслом, словно бесчисленные стаи водяных птиц, тронулись по воде узкие чел-

ноки. Будто призраки, отошли от берега черные корабли. На одном из них в полном вооружении стоял Александр.

Спустились вниз по реке. В назначенном месте войско неслышно переправилось через реку. Конники, держась за набитые травой шкуры, плыли, уводя за собой на поводу лошадей. Челноки подгребали к берегу, наискосок срезая течение. Неслышно, как тени, македоняне выбирались на вражеский берег. Беззвучно подошли корабли. Придерживая мечи, с кораблей сошли царские этеры. Александр первым спрыгнул на еще неизвестную ему землю фракийских гетов.

Майская ночь коротка. Пока македоняне переправлялись и высаживались, над горами забрезжил зеленоватый рассвет. Военачальники быстро построили войско. Четыре тысячи пехотинцев и полторы тысячи конницы встало перед Александром.

Александр был возбужден, почти счастлив. Геты сидят на берегу, сторожат, как бы он не переправился через Истр. Чтобы переправиться, ему понадобится несколько дней — войско-то много! А как только македонянин начнет переправляться, тут геты и встретят его, и положат его войско отряд за отрядом!

Вот они и сидят сейчас на берегу, и дремлют в серебристой тишине майского рассвета... Ждут.

А македонянин уже здесь, он уже переправился, он уже идет по их земле, скрываемый высокой рожью¹.

Небо посветлело. Еще зеленые, но уже заколосившиеся хлеба стояли седые от росы.

Александр велел пехоте взять сариссы наискосок и следовать за ним, раздвигая колосья. Сразу за пехотой пошла конница. Колосья хрустели под тяжелыми копытами коней.

Хлеба кончились. Утро озарило широкую незасаенную равнину. Александр сел на коня и велел пропустить вперед конницу. Упершись крепче пятками в твердые мослаки Букефала, взяв сариссу наперевес и почти припав к буйной гриве своего коня, он пустил его по равнине. Конники с криком ринулись следом.

Македонская конница, внезапно обрушившаяся на гетов, сразу смешала их. Ошеломленные геты пытались отбиться. Но, увидев тесно построенную фалангу, которая шла на них, геты поняли, что сопротивление их бесполезно, и бежали. Они

¹ «...Как мне лично передавал один ботаник, видевший здесь в половине мая хлеб величиной в рост человека». Дройзен И. Г. «История эллинизма».

бежали в свой город, лежавший не очень далеко от Истра, под защиту городских стен. Закрыв городские ворота, геты еле перевели дух. Они не могли понять, как случилось, что Александр за одну ночь перешел через эту величайшую реку. Как он мог подойти так неслышно и так внезапно?

Никто уже не говорил о войне с македонянином. Теперь только отсидеться в городе, дожидаться, пока он уйдет обратно, в свою страну.

Но очень скоро они поняли, что надежды на это напрасны. Стража, стоявшая на городской стене, с ужасом увидела, что по равнине к городу движется большое желтое облако пыли. Оно расплывалось, ширилось, угрожая охватить город со всех сторон. Сквозь пыль уже светились шлемы воинов и острия копий... Македоняне шли к городу.

Плач детей, крики женщин, смятение поднялись у гетов. Началась паника. Поспешно запрягали быков, сажали в повозки детей и всех, кто был стар или слаб и не мог уйти от врага. Геты уходили и убегали из города в пустынную степь. Они знали, что там нет ни воды, ни земли, пригодной для пахоты. Но уже было все равно, куда бежать,— лишь бы спастись от македонян!

Македоняне вошли в безмолвную, покинутую крепость гетов. Дома с распахнутыми дверями, брошенная рухлядь, хлеб, который не успели увезти, скот, который не успели угнать...

Александр, сидя на своем высоком коне, нахмурясь, смотрел на разорение печальных улиц и убогих домов... И это город! И это народ, который захотел противостоять ему, македонскому царю! Александр шел наказать трибаллов и не собирался воевать с гетами. Они сами выпросили себе эту войну. Выпросили — и получили.

Около рта Александра появилась жестокая морщинка. Да, выпросили — и получили. Будут знать наперед, что в Македонии по-прежнему есть царь.

Александр подозвал старых этеров Мелеагра и Филиппа.

— Соберите все, что можно взять. Скот и хлеб — в обоз. Остальное — в Македонию. Не оставлять ничего.

— Но у нас нет обоза, царь. При царе Филиппе обозов не было.

— А теперь обозы будут,— ответил Александр,— вот и позаботьтесь об этом.

Добыча была невелика. Македоняне складывали в повозки

домашнее добро и хлеб. И тут же, в досаде на то, что добра мало, а драгоценностей и вовсе никаких, с бранью и криком разваливали дома, поджигали убогие соломенные кровли, рушили каменную кладку городских стен...

К вечеру македоняне вернулись к Истру.

Александр, вымывшись и надев чистые одежды, окруженный телохранителями, вышел к реке.

Здесь, на зеленом берегу, среди высоких цветов уже стоял алтарь. Жрец, в белом одеянии, с венком на голове, окропил маслом жертвенных быков. На широких рогах животных красовались пестрые венки. Мы эллины, и все как у эллинов.

На высоком берегу, при закате над алой водой Истра, Александр, как в то время было принято, торжественно принес жертвы богам. Он принес жертву Зевсу, сохранившему жизнь ему, Александру. Принес жертву Гераклу, предку его отцов, который даровал македонянам победу. Принес жертву и могучему Истру в благодарность за то, что Истр позволил македонскому войску переправиться на северный берег и тем помог победить врага... Молодой полководец стоял над жертвенником полный благоговения.

Потом он вынул из ножен меч и провел острием черту позади расположения войск.

— Здесь северная граница нашего государства Македонии. И пусть варвары знают, что через эту границу переступать нельзя.

В тот же вечер Александр вместе с войском переправился обратно в свой лагерь на южный берег Истра.

В этой войне македоняне не потеряли ни одного человека. Раненые были, но убитых не было ни одного.

ПОСЛЫ

Царь Сирм понял, что произошло. Сначала он надеялся, что многочисленное войско гетов защитит его от македонянина. Македонянин разбил и разогнал гетов. Мало того, он захватил оба берега Истра, и царь Сирм оказался у него в плену.

Вскоре к Александру от царя трибаллов пришли послы. Они смиренно просили дружбы и союза.

Александр, еще не научившийся притворяться, торжествовал. Он радовался и немножко кичился — так вот они, три-

баллы, которые и слышать не хотели о каком-то Александре, вот они уже просят у него дружбы и союза!

Но, торжествуя победу, Александр не обидел послов. Он велел передать Сирму, что и на дружбу с ним согласен, и на союз согласен.

Отныне царь трибаллов Сирм и царь Македонии Александр будут защищать и поддерживать друг друга. Послов Сирма проводили с почетом.

Слух о могуществе молодого македонского царя полетел по берегам Истра, по всем племенам, живущим у реки. Отовсюду к Александру шли послы с дарами своей земли, просили мира и дружбы.

Александр принимал дары, на мир и дружбу соглашался охотно. Это радовало его. Не нужно тратить силы на пустые, никчемные войны,— ни богатства, ни славы они ему не сулили. Лишь бы оставить в тылу мир и спокойствие, лишь бы не трогали варвары Македонии, когда он уйдет за Проливы, лишь бы дали ему уйти туда!

Азия! Персидское царство, страна Кира... Не встанет ли он, этот великий полководец и мудрый человек, на пути Александра, чтобы защитить свою страну?

Нет. Не встанет. Те, что наследовали его престол, были недостойны взять в свои руки такое огромное государство. Они забыли Кира, они ничего не приняли из его заветов и обычаев, мелкие, жестокие люди, разоряющие свой народ. Они погрязли в лени, в богатстве, в преступлениях... Им ли противостоять македонянам?

— Царь, к тебе послы от кельтов!

— Пусть войдут.

Вот и кельты явились. Это хорошо. Племя сильное, жестокое и воинственное. И если они тоже хотят дружбы...

В шатер вошли рослые светло-русые люди. Они держались с большим достоинством. Нет, они не просят дружбы Александра, они ему свою дружбу предлагают!

Александр принял их ласково. Он пригласил их к себе на пир. Он сам угощал их. Когда затихала музыка и прерывалось пение, он беседовал с ними.

— Я слышал, что страна ваша сурова, а народ отважен и презирает страдания.

Да,— отвечали кельты,— земля наша сурова. Иногда приходится есть желуди, если нет ни хлеба, ни проса. Но мы не боимся ни голода, ни холода, не боимся трудных дорог и ли-

шений, если боги посылают нам их. Лишь одного мы не можем вынести — рабства.

При этих словах все они выпрямились и расправили широкие плечи.

— Что делать,— сказал Александр,— никто не хочет рабства. Но случается, что люди становятся рабами и против желания.

— Кельты рабами не бывают,— возразил старший из них, возглавлявший посольство, а остальные при этом легонько, но надменно усмехнулись,— если нас побеждают и берут в плен, мы умираем.

— Но как ты умрешь, если, например, тебя схватили и заковали в цепи?

— Я умру раньше, чем меня закуют в цепи.

— Такие случаи бывали,— сказал один из послов, синеглазый, с белокурой бородой и твердым, жестким очертанием рта.— Бывало, что кельты попадали в плен. Очень редко, случайно, но попадали. Тогда матери убивали своих детей, чтобы им не остаться рабами.

— А иногда и дети убивали родителей,— продолжил его рассказ другой кельт, человек с прямым носом и прямой линией бровей.— Было, например, так: отца и мать заковали цепью. Как им умереть? Отец приказывает своему маленькому сыну: «Возьми меч и убей нас, и меня и мать». Мальчик взял меч и убил их. Он понимал, что лучше умереть, чем остаться в рабстве. Он освободил их.

«И все-таки,— с некоторым самодовольством думал Александр, слушая эти рассказы,— все-таки вы пришли ко мне искать моей дружбы, хотя и сильны и независимы. Не боятся ничего и никого? Ну, а меня тоже не боятся?»

Уверенный в том, что уж его-то они, конечно, боятся, иначе не пришли бы искать мира, спросил:

— Но есть же народы, которых вы боитесь?

— Мы боимся только одного,— сурово ответил старший посол,— как бы не упало на нас небо.

— И больше ничего?

— И больше ничего.

— И никого?

— И никого.

Улыбка Александра померкла. Он готов был обидеться — все-таки македонский царь достаточно показал варварам свое могущество, можно бы признать это...

Но тут он поймал лукавый взгляд одного из своих близких друзей — Клита Черного, который всегда был не прочь подшутить над молодым царем.

— Жил на свете когда-то лидийский царь Крез,— сказал Клит,— тому страх как хотелось, чтобы его признали самым счастливым человеком на земле!

Розовые пятна запылали на лице Александра, жаром охватило шею. Он опасливо взглянул на кельтов — Клит догадался, какого ответа добивался от них Александр, так хоть бы они не догадались!

Но кельты все поняли.

— А к тебе нас послали не из боязни,— сказали они,— и не ради выгоды. Мы живем далеко, на скудных землях, воевать тебе с нами незачем. Но прислали нас к тебе, чтобы сказать: мы восхищаемся твоей отвагой, твоим бесстрашием, царь! Вот только за этим мы и пришли сюда.

Расстались дружелюбно и почтительно. Александр заключил с ними союз и назвал их друзьями, как они желали.

Но когда кельты отбыли домой и топот их коней затерялся в горах, Александр сказал, усмехнувшись, чуть-чуть небрежно:

— А все-таки, клянусь Зевсом, они хвастуны!

ЗАПАДНЯ

Александр вел свое войско обратно, в Македонию. Господство над варварами восстановлено. Граница на Истре утверждена.

Войско шло быстрым маршем. Оно уже вступило на дружественную землю агриан и уже почти миновало ее, как разведчики, скакавшие впереди, вернулись.

— Дальше идти нельзя. Иллирийский царь Клит, сын Бардилея, занял горный проход Пелиона. Царь тавлантиев Главкия, как слышно, опытный и смелый полководец, уже ведет свое войско на помощь Клиту. Автариаты сговорились с ними и приготовились напасть на нас, когда мы пойдем через горы.

Александр сдвинул брови. Положение серьезное и опасное.

Он остановил войско. Надо действовать обдуманно и точно. Александр не собирается рисковать своей фалангой и положить ее в горной теснине, у варваров.

Македоняне раскинули лагерь. Утром, когда на цветущих травах еще лежала тяжелая роса, к царскому шатру

неожиданно подъехал окруженный свитой Лангар, царь агриан.

Александр не скрыл радости. Он сам вышел встретить друга, столь дорогого сейчас, среди таких больших опасностей и вражды окружающих племен.

Лангар, искушенный в боях и в делах государственных, давно рассчитал, что сын македонского царя мальчик Александр когда-нибудь сам станет царем. А союз с Македонией выгоден каждому разумному правителю.

Но кроме соображений деловых, Лангар любил Александра. Бывая во дворце царя Филиппа, он обязательно привозил царскому сыну какой-нибудь подарок. Лангара удивляла и восхищала та недетская серьезность, то достоинство, с которым держался Александр, его смелость, о которой Лангар был наслышан, его подкупающая красота...

— Я и теперь пришел к тебе с подарком, царь! — сказал Лангар, указывая на отряд молодых воинов, стоявших за его спиной. — Это мои щитоносцы, самые сильные и самые красивые из всего моего войска!

Щитоносцы стояли перед Александром, блестя большими щитами и вооружением. Они были высоки ростом, с хорошей выправкой и действительно красивы. Александр от всего сердца поблагодарил Лангара.

Потом он приказал устроить пир в честь агрианского царя. А пока готовили пир, он созвал своих военачальников, и они сели вместе с Лангаром обсудить сложившееся положение.

— Мне надо занять крепость Пелий, — сказал Александр. — Если мы успеем ее занять, то это будет несокрушимой позицией...

— Ты опоздал, царь, — со вздохом сказал Лангар, — Пелий уже занят Клитом.

— Да? Угольщик захватил Пелий?

Наступило угрюмое молчание. Клит захватил крепость Пелий на горе Пелион. Оттуда иллирийцы могут ринуться прямо в Македонию, в самое ее сердце. Еще царь Филипп заботился о том, чтобы расширить свою страну до Лихнитского озера и завладеть Пелием, самым высокогорным городом в стране. Филипп сам отстраивал и укреплял Пелий. Теперь там иллирийцы. Путь в Македонию отрезан.

— Еще и автариаты грозят мне, — сказал Александр. — Что это за племя? Много ли их?

Лангар пренебрежительно махнул рукой.

— Да что принимать их в расчет? Это самые слабые воины в Иллирии.

— Но я слышал, что автариаты многочисленны и жестоки. Говорят, что они все время воюют.

— Воюют. Но с кем? С ардеями, что живут у горы Ардий, на побережье. Ардеи — сущие разбойники, они то и дело грабят корабли. Да и то сказать — земли-то у них нет, один камень, хлеба там не вырастишь.

— Из-за чего же автариаты воюют с ними?

— Из-за соляных варниц. У них на самой границе, у подошвы какой-то горы, весенние воды приносят массу соли. Воду вычерпывают, а соль оседает. Там у них стоят солеварницы. Из-за этих-то солеварниц они все время и дерутся. Но эти племена не опасны. Я помогу тебе. Я сам вторгнусь к автариатам, тогда им, пожалуй, придется больше думать о своих собственных делах, чем о войне с тобой!

— Я буду благодарен тебе, — сказал Александр. — Когда будем в Пелле, я окружу тебя всеми почестями, которые считаются у нас в Македонии самыми высокими. И за помощь твою. И главное — за дружбу.

— Я почту за счастье оказать тебе помощь, — ответил Лангар, — и сделаю это не ради твоих наград, а ради тебя самого!

Так и случилось, как сказал царь Лангар, — автариатам пришлось думать о своих собственных делах, а не о войне с македонянами. Лангар разбил их, они бежали в горы, спрятались там, и больше о них никто не слышал. Александр, узнав об этом, послал царю агриан богатые дары.

— Встретимся в Пелле, — велел он передать Лангару. — Я отблагодарю тебя, как обещал!

Но встретиться им больше не пришлось. Уже гораздо позже Александру рассказали, что царь Лангар, вскоре после битвы с автариатами, тяжело заболел и умер.

Автариаты уже не угрожали. Но положение было по-прежнему трудным. Крепость, набитая иллирийцами, наглухо закрыла дорогу в Македонию. На горах, охвативших долину справа и слева от Пелия, горели бесчисленные костры иллирийских войск. Если пойти напрямик на штурм города, иллирийцы бросятся на Александра сразу со всех трех сторон. Этого делать нельзя.

Но стоять на месте тоже нельзя. Дальше будет еще труднее, к Клиту на помощь подойдет Главкия, царь тавлантиев. И тогда уже варвары окружают македонян и с центра, и с флангов, и с тыла.

Александр подвинул войско вперед, к самой подошве горы Пелион. Здесь, на берегу реки Эоардики, он велел разбить лагерь. Он решил все-таки брать Пелий приступом. Это было трудно и рискованно. Но другого выхода не являлось.

Наступившая ночь была одна из немногих ночей, когда Александр, приказав своим военачальникам и воинам спать, сам уснуть не мог. Он выходил из шатра и глядел на вражеские костры, зловеще мерцавшие на склонах, на черные вершины гор, где ветер, пролетая, поднимал широкий лесной шум...

Гефестион не спал тоже. Что он думал — неизвестно. Но когда Александр спрашивал, что будет завтра, он отвечал с уверенностью:

— Завтра мы возьмем Пелий.

Утром македоняне пошли на приступ. Увидев сверху, из крепости, как движутся к Пелию македонские войска, царь Клит решил немедленно вступить в битву. Он уже предвкушал свирепую расправу с Александром. Македонянин попал к нему в ловушку!

Но прежде чем начать битву, Клит, по обычаю своей родины, захотел принести жертвы богам. Он вышел из крепости и на высоком утесе, на глазах у всего войска — и своего и македонского, — заколол троих мальчиков, трех девочек и трех черных баранов.

Александр дал команду начинать штурм. Войско тронулось к Пелию. Иллирийцы ждали наверху. Но когда македонские копья засверкали на подступах к Пелиону, иллирийцы внезапно бросились обратно в крепость. Даже отряды, занимавшие крепкие и выгодные позиции на горе, бежали под укрытие городских стен. Иллирийцы бежали так поспешно, что не успели унести свои жертвы. Маленькие окровавленные тела так и остались лежать на утесе.

Иллирийцы не приняли боя. Остановился и Александр. Он видел теперь, что ему с его сравнительно небольшим войском штурмом крепости не взять. Решили окружить город и вести осаду.

В тот же день Александр запер Пелий.

Но едва македоняне начали осадные работы, на помощь Клиту явился Главкия. Войска тавлантиев прихлынули к Пелиону, они были бесчисленны.

Положение македонян стало безвыходным.

Александр искал решения. Послать за помощью к Антипатру? Для этого нужно время, а времени у него нет. Нет у него и

провианта для войска, и корма для лошадей тоже нет. Он отправил было одного из этеров с крепким отрядом поискать провианта. Но Главкия узнал об этом, тавлантии погнались за македонянами и чуть не захватили их в плен, вместе с вьючными животными и повозками. Александру пришлось самому выручать их.

Дела катастрофически ухудшались. Гибель глядела в глаза македонян. Уже нашлись люди, которые потихоньку убегали из лагеря и скрывались в лесу. Спасаясь, они надеялись пробраться в Македонию или в Элладу и там рассказать, как погиб у иллирийцев Александр, царь македонский.

Войско Александра стояло под Пелием, окруженное врагами. Клит и Главкия держали совет.

— Македонянин не может стоять здесь вечно. У него нет запасов. Я вчера чуть не поймал его отряд, который рыскал в долине.

— А если он пойдет на приступ?

— Он не пойдет на приступ — он понимает, что целых два войска защищают крепость.

— А что ты думаешь, Главкия? Что же он станет делать?

— Я думаю вот что, — ответил Главкия. — Крепости ему не взять, это он понимает. Значит, он станет пробиваться через горный проход. Это единственный путь, куда он ринется. А там узко, с одной стороны река, с другой — отвесные горы. Там и четверем воинам, если со щитами, не пройти в ряд. Лес кругом...

— Вот там-то мы его и настигнем! Ты прав, Главкия!

Клит был очень рад, что ему не придется сражаться с македонянином в открытом бою. Главкия прав: Александр, конечно, ринется в этот узкий горный проход! Ему больше некуда деться!

Иллирийцы и тавлантии послали свои войска занять ущелье. Они послали туда всадников, пращников, метателей дротиков и даже тяжеловооруженных. Приготовили могилу македонскому царю и его войску. И стали ждать.

Но Александр поступил совсем не так, как они ожидали.

Наступил час, когда все можно погубить. И все можно спасти.

Александр встал перед войском и потребовал полной тишины. Ему нужно было, чтобы каждый военачальник и каждый воин слышал его команду. Сегодня ошибаться нельзя. Тишина в долине наступила такая, что слышно было, как где-то на утесе шелестит под ветром осина. Войско замерло.

Александр выстроил свою фалангу глубиной в сто двадцать человек, и сто двадцать человек стояло в ширину. На каждом крыле фаланги он поставил по двести всадников.

— Выполнять мою команду молча и молниеносно! — Голос Александра был слышен всему войску. Обычно он говорил пол-эллински, как и царь Филипп, и требовал того же от своих придворных. Но сейчас, когда смерть стояла перед их глазами, Александр командовал на родном македонском языке. Голос его звучал отчетливо, уверенно, непреклонно. И воины чувствовали, что сегодня только мужество полководца и безупречное выполнение его команды могут спасти их.

Команда была стремительной. Александр приказал гоплитам поднять вверх копья — и тотчас острия копий длинными огнями вспыхнули над войском.

— Взять наперевес!

Огни погасли — копья мгновенно взяты наперевес.

— Сомкнуть. Склонить вправо!

Копья сомкнуты, их жала смотрят вправо.

— Влево!

Копья сомкнуты и склонены влево.

— Фаланга, вперед! Фаланга, направо кругом! Фаланга, налево кругом!

Иллирийцы и тавлантии в изумлении смотрели, как с необыкновенной точностью и быстротой выполняет македонское войско разные маневры и построения. Это было непостижимо. Это поражало, это внушало ужас... Что будет дальше? Что собирается делать македонянин?

А македонянин вдруг двинул вперед свое войско. Потом повернул фалангу влево, построил ее клином и сам повел на приступ.

Казалось, что македоняне идут на безрассудную гибель. Но они шли твердым шагом, ни одно копье не дрогнуло в руке, ни один конь не нарушил строя.

Подойдя ближе, македоняне, повинаясь команде царя, принялись метать дротики. И, прикрываясь ими, как железным навесом, летящим над их головами, начали наступать на высоты горы Пелион.

Тавлантии, когда македонское войско подошло к ним, бросились было на его правый фланг. Но македоняне, слыша команду, мгновенно всем войском сделали поворот направо и двинулись на тавлантиев. Те дрогнули, отступили, рассеялись.

Тогда на македонян пошли в наступление тавлантии с ле-

вой стороны. Македоняне также, с непостижимой быстротой и точностью, перестроились, обернулись всей массой на левый фланг — и сбили, смешали тавлантиев.

Так, сменяя свои позиции, подчиняясь точной команде полководца, македонское войско занимало высоты одну за другой и двигалось все выше между неприятельскими отрядами. Тавлантии и иллирийцы смотрели с каким-то суеверным ужасом на такое непонятное им искусство воевать, похожее на чудо. Убегая в чащу, они видели, как неотвратимо идет на приступ македонское войско, которое движется, как один организм, которое повинуетя с необыкновенной точностью голосу своего полководца...

Снова короткая команда — и вдруг македоняне со страшным боевым криком ударили копьями в щиты. Звон и гром пошел по горам. Это было уже невыносимо. Тавлантии в ужасе бросились наверх, в крепость, обнажая свои позиции на склонах гор.

Высоты опустели. Лишь один отряд тавлантиев оставался на уступе горы, мимо которого должен пройти Александр. Он приказал своим этерам сесть на коней и выбить оттуда неприятеля. Но тавлантии, увидев, что конный отряд македонян несется к ним, разбежались в разные стороны и скрылись в лесу. Александр тотчас занял эту важную, выгодную для боя высоту.

Чтобы подойти к крепости, надо было переправиться через небольшую речку Эриган. Александр послал вперед гипаспистов — щитоносцев, а следом — фалангу. Он приказал им, перейдя реку, построиться в боевой порядок, поставить на том берегу башни, на которых стояли метательные орудия, стреляющие камнями и стрелами. И, повернув их на неприятеля, привести в действие, защищая идущую через реку фалангу.

Сам он вместе с арьергардом остался на возвышенности и следил отсюда за переправой своего войска и за действием неприятеля.

Иллириец Клит, увидев, что войско Александра идет через реку, а сам он, почти беззащитный, стоит на утесе, тотчас послал сильный отряд, чтобы захватить царя. Но тут фаланга приостановила переправу и сделала вид, что хочет вернуться. Иллирийцы тотчас отступили и снова ушли в крепость.

Как только македонское войско перешло через реку, Александр со своими стрелками бегом бросился к реке. Неприятельские камни и дротики летели в них градом. Александр переправился первым и, чтобы защитить своих стрелков, тотчас прика-

зал повернуть метательные орудия на тавлантиев, которые появились из-за стен. Стрелки, еще не успевшие перейти реку, стояли в воде и отстреливались от врага. Отогнав тавлантиев, они благополучно присоединились к своим.

Македоняне остановились под самой горой Пелион, на которой стояла крепость. Александр только теперь мог оглянуться на тот путь, который грозил им неминуемой гибелью и который пройдя они все-таки остались живыми.

— Много ли убитых?

— Никого, царь!

Александр кивнул со вздохом удовлетворения. Он вдруг почувствовал, что устал. Перед глазами у него дымился туман, а скалы и палатки лагеря двоились и расплывались.

Друзья окружили его в тревоге:

— Что с тобой, царь? Ты ранен?

Александр потрогал свою голову:

— Кажется, да.

Немедленно позвали врача.

Оказалось, что он получил тяжкий удар по голове камнем, пущенным из пращи. Ранена была и его шея — ударили тяжелой суковатой палицей.

Тотчас нагрели воды.

Александр дал лекарства, уложили в шатре. Самые близкие его друзья: Гефестион, Клит Черный, Неарх, Гарпал, Эригий — все остались около него на бессменное дежурство.

Александр отдыхал. Закрыв глаза, он слушал их приглушенные разговоры.

— Если бы не Александр, мы все погибли бы.

— Я уже был готов к этому. Я не видел выхода!

— А я знал, что пройдем. Я знал, что он сможет нас вывести. Я знал!

— Не хвастайся, Неарх. Ты знал!.. Интересно, есть ли что-нибудь, чего ты не знаешь?

— А я не знал. Но я верил.

Это Гефестион. Это его задушевный голос. Он всегда верил в Александра. Даже еще и тогда, когда они были совсем мальчишками. А как это важно, когда в тебя верят!

— Что ж удивительного? Он же все-таки сын Филиппа!

А это Черный Клит. Конечно, Александр — сын Филиппа. Но то, что сделал сегодня Александр, еще неизвестно, удалось ли бы Филиппу...

Александр болел недолго, ему некогда было болеть. Еще

чуть пошатываясь, он встал с постели и тут же потребовал доспехи.

На позиции ничего не изменилось. Македоняне стоят твердо, они могут еще стоять какое-то время. Всюду расставлены форпосты. Македоняне внимательно следят за всеми действиями и передвижениями неприятеля.

Царь иллирийский Клит не понимал стратегии Александра. Сейчас бы македонянину идти на приступ. Но он не идет. Почему? Испугался. Это ведь не то что разогнать тавлантиев. Это все-таки крепость, и стоит она неприступно. Может быть, надо бы защититься валом? Или вырыть рвы вокруг крепости? Но зачем? Александр и так не решается подойти к ней! А почему? Бойтся!

Клит поставил свое войско перед горой Пелион. Оно растянулось длинной полосой, защищая Пелий. Клит был спокоен: если македоняне тронутся, он встретит их тут же, на подступах, и разобьет у самых стен Пелия.

Но македонской разведке лучше, чем самому Клиту, были известны слабые места его позиции.

Александру уже сообщили, где лагерь иллирийцев плохо защищен. Он знал, что ни рвов, ни защитного вала вокруг Пелия нет. Он знал и о том, что форпосты у Клита содержатся небрежно, а стража беспечна...

Две ночи македонская разведка незаметно высматривала расположение войск иллирийцев и тавлантиев. На третью ночь, в самое глухое время, когда даже часовые дремлют, опершись на копье, Александр вместе со своими щитonosцами, стрелками верных агриан и с пехотой двинулся в наступление. Он так спешил, что не стал дожидаться, когда остальное войско присоединится к нему.

Иллирийцы спали у догорающих костров. Спали простые воины, сложив оружие. Спали военачальники, укрывшись в шатрах. Спал и сам Клит, царь иллирийский, посреди своего огромного, нелепо расположенного лагеря...

Тут-то и нагрянули на них македоняне. Крики ужаса, предсмертные вопли сразу наполнили лагерь. Македоняне рубили мечами неприятеля, кого где застали. Иллирийцы и тавлантии падали под копьями, убегая по длинной, непомерно растянутой линии лагеря. Их полководцы умирали беззащитно в шатрах и палатках. Иллирийские воины, успевшие схватить оружие, не знали, что делать, они не слышали команды ни военачальников своих, ни царя и погибали в бессмысленной битве... Многие

бежали в горы, в лес — и тоже погибали, настигнутые македонянами.

Александр искал царя Клита. Он рыскал всюду, без устали поражая варваров своим тяжелым мечом. Он врывается в шатры, где мог укрыться Клит. Клита нигде не было.

Неожиданно окрестные горы, покрытые угрюмым лесом, обагрились заревом пожара. Горела крепость. Она полыхала со всех концов, заволакивая дымом вершину Пелиона.

И тогда Александр понял, что Клита ему уже не поймать. Это он велел зажечь крепость, а сам, бесславно положив свое войско, бежал.

Александр не ошибся. Царь Клит поджег крепость и бежал вместе с Главкией в страну тавлантиев.

Александр победил и на этот раз. Он восстановил старую, установленную Филиппом македонскую границу, которую захватили было варвары. Заключил с царями варварских племен мир и дружбу, которых очень скоро они пришли у него просить. Утвердил над ними свои верховные права.

И после этого построил войско походным строем и вышел вместе с ним на горные дороги, ведущие в Македонию.

С таким полководцем не страшно идти и на край света,— говорили воины.— Не тот полководец хорош, который добывает победу тем, что кладет свое войско на поле сражения, а тот, кто, побеждая, сохраняет его!

Говорили это искренне. Они знали, что не только отвага воинов выигрывает битвы, но и военный талант военачальника. В талант своего молодого военачальника царя Александра войско поверило отныне и навсегда.

СЛУХИ ИЗ ИЛЛИРИИ

Александр убит!

Эта весть была как удар грома. Она с непостижимой быстротой распространилась по всем эллинским городам, по всему побережью моря.

Александр убит в Иллирии. Он погиб там вместе со всем войском.

Еще раньше, чем в Элладе, об этом стало известно в Македонии. Появились люди, бежавшие из-под Пелиона. Антипатр, на которого Александр оставил Македонию, потребовал их к себе. Беглецы явились измученные, оборванные, подавлен-

ные ужасом того, что они видели. Македонское войско попало в западню. Несметные полчища варваров охватили македонян кольцом, и вырваться из этого смертельного кольца было невозможно. Там они все и остались под страшными стенами крепости Пелия.

Спаслось лишь несколько человек. Они сумели уползти в кусты, в чащобу и теперь вот добрались домой, чтобы рассказать македонянам о том, что случилось в Иллирии.

Антипатр выслушал их с каменным лицом.

— Я тогда поверю, что Александр убит, когда увижу его мертвым,— сказал он.— А чтобы вам, трусам и предателям, не было повадно давать волю своему лживому языку, я велю заковать вас в цепи и бросить в темницу. Там вы и будете рассказывать друг другу о том, как покинули в опасном бою своих товарищей и своего царя.

Антипатр так и сделал. Больше никто не слышал голоса этих людей. Но тревога, оставленная их речами, пошла по стране, проникая в дома, в семьи воинов, ушедших в Иллирию, перекидываясь из одного города в другой, из одной деревни в другую...

Вошла она и в царский дворец в Пелле, в тихие покои Олимпиады. Эту весть принесла ей заплаканная Ланика. Олимпиада не могла вымолвить ни слова, у нее подкосились ноги.

— Какие-то люди прибежали оттуда,— продолжала Ланика,— говорят, были у Антипатра...

— Позови сюда Антипатра!

Ланика немедленно вышла, чтобы исполнить приказание. Трудно было глядеть в расширенные от ужаса глаза Олимпиады. Да и самой Ланике хотелось рыдать во весь голос. Если это так, ведь погибло все. Ее нежно любимый воспитанник, ее мальчик Александр... Ее брат, Черный Клит, который ушел с ним... Самые дорогие люди!..

Антипатр явился не сразу. Вошел хмурый, суровый, поклонился сдержанно.

— Говори правду,— потребовала Олимпиада.

— Я не знаю правды,— ответил Антипатр.

— А что же ты знаешь? Что там за гонцы были? Где Александр? Где его войско? Ведь они же сказали тебе?

— Я не верю тому, что они сказали.

Олимпиада поднялась, подошла к нему, жадно глядя в его глаза.

— Ты не лжешь мне?

На ее страшно побледневшем лице резко обозначились пятна румян и черные линии бровей. Вместо живого лица на Антипатра глядела трагическая маска с горящими глазами. Антипатр слегка отстранился.

«Испугалась! — подумал он.— Вот когда по-настоящему испугалась... Если так случилось, как говорят, то мщение не замедлит!»

— Я знаю, я знаю, о чем ты думаешь! — сказала Олимпиада.— Я вижу твои мысли. Если погибнет мой сын, погибну и я. Но ты скажи мне — жив ли он? Я приказываю! Я приказываю тебе, слышишь?

— Советую тебе молчать,— сказал Антипатр.— Это будет самое разумное, пока не узнаем настоящей правды.

— Запри ворота. Все ворота. Все входы. И везде поставь стражу. Отряды поставь. Побольше стражи. И немедленно пошли гонцов к Александру!

— Ворота заперты. Гонцы посланы.

— Приведи сюда войско, ведь царь Александр оставил тебе войско.

— Этого я не сделаю.

— Я приказываю!

— Нет. Я буду поступать, как найду нужным, пока царь Александр не снимет с меня обязанностей правителя Македонии.— Антипатр поклонился и вышел.

Наступила ночь, быть может самая страшная ночь в жизни Олимпиады. Фрески на стенах ее покоев таяли, исчезали как дым, и перед ее глазами являлась мрачная долина в иллирийских горах. И в этой долине, стесненной скалами и дремучим лесом, лежало убитое македонское войско. Лежат македоняне, и среди них ее светлокудрый сын, царь македонский...

Она выбегала из душной спальни, охваченная дикой мыслью — пусть запрягут коней, она поедет туда и поднимет тело своего сына!

Ланика успокаивала ее, уводила обратно в комнаты. Тогда Олимпиада требовала, чтобы Антипатр немедленно явился к ней. Пусть он идет в Иллирию с войском! Пусть он идет и отомстит варварам за своего царя! И пусть привезет тело Александра!

Но Антипатр не являлся.

И тогда ужас охватывал Олимпиаду. Антипатр изменил. Он теперь с линкестийцами. Они договариваются убить ее. Она слышит их голоса за стенами, они идут отомстить за сыно-

вей Аэропа, казненных по ее наущению. Они растерзают ее сейчас!

— Никого нет,— убеждала ее Ланика.— Стража стоит на стенах. Все тихо.

Да, Ланика права. Все тихо.

— Ланика, ступай прикажи — пусть дадут мне лошадей. Я поеду в Иллирию. Милый сын мой лежит убитый, а я здесь... в бездействии!

— Я не хочу этому верить,— отвечала Ланика,—ждемся гонцов.

— Но линкестийцы убьют меня этой ночью! Ты слышишь, как они кричат на улице? «Она ответит нам за смерть Клеопатры и ее сына!» Они хотят отнять у меня царство!

— Никто не кричит на улице,— возражала Ланика. И думала, сокрушенно качая головой: «Может быть, сын ее убит, а она думает о царстве!»

— Им не удастся! — повторяла Олимпиада.— Я жена царя македонского и мать царя македонского, они не вырвут Македонии из моих рук! — И тут же громко стонала: — О, Александр! О, мой сын! О, Александр!

Ланика плакала:

— Хоть бы поскорее утро!

Не спал в эту ночь и Антипатр. Бремя государства лежало на его плечах. Сам вооруженный, он держал под оружием и войско, оставленное ему Александром. На границах он поставил форпосты. Антипатр знал, что вся Эллада кипит сейчас, как котел; Александр убит — долой македонян!

А по горным дорогам к пограничной крепости Пелию скакали его гонцы. Им дан был твердый приказ: увидеть Александра живым или мертвым, увидеть своими глазами и немедленно вернуться.

Если увидят его живым — пусть рассказывают об этом повсюду. Если увидят мертвым — пусть скажут об этом только ему одному, Антипатру.

И теперь, объезжая с отрядом сторожевые посты, Антипатр думал лишь об одном, ждал лишь одного — возвращения гонцов. Что скажут они ему? Какую весть привезут?

Уже давно миновали те майские дни, когда ушел в страну варваров Александр. Уже летние месяцы плывут один за другим. Пора бы, пора возвратиться...

Серебристое сияние жаркой летней ночи было полно затаенной тревоги и смятения.

Македония ждала новых вестей из Иллирии и решения своей судьбы.

В эту же ночь к воротам старого эллинского города Фивы подъехало несколько всадников, закутанных в плащи. Подъехали тихо, чтобы их не услышала стража македонского гарнизона, оставленного Александром в фиванском кремле Кадмее. И хотя ночь была светлой и стража на стенах крепости не спала, никто не слышал, как открылись тяжелые городские ворота и неизвестные въехали в город.

Утром стража донесла начальнику гарнизона Филоте, которого звали так же, как сына Пармениона, что в Фивах неспокойно. Филота поднялся на крепостную стену, откуда был виден весь город. На улицах и площадях толпился народ. Выступали ораторы. Неясный шум доносился в Кадмею, выкрики, как будто фиванцы радовались чему-то...

Филота почувствовал неладное. Он выслал отряд в город, чтобы узнать, что случилось. Отряд вернулся очень скоро.

— В Фивах восстание! Власть захватили демократы, они ночью приехали из Афин.

Филота приказал запереть крепость.

Скоро стало известно, что в Кадмею не вернулись из города два македонских военачальника — Аминта и Тимолай. Их убили на площади.

Филота не мог понять, как фиванцы решились на все это. Что даю им такую дерзость?

Шум в городе разрастался. Вот уже фиванцы собрались у самых стен Кадмеи. Что кричат они?

— Ваш Александр убит в Иллирии! Вашего царя больше нет в живых! Уходите из Кадмеи! Убирайтесь, пока не утомили вас голодом!

Гарнизон подавленно молчал. Неужели это правда? А если правда — ведь не на пир поехал Александр, а на сражение! — то кто же выручит их теперь? Может быть, сдаться и уйти, пока фиванцы согласны их выпустить?

— Вы видели, как поступили они с Аминтой и Тимолаем? — сурово сказал Филота. — Так же будет и с нами, как только выйдем из крепости. Но если бы мы даже оказались сильнее их, мы не уйдем из Кадмеи, пока не будет приказа из Македонии.

— Неужели это правда, что Александр погиб? — обращались македоняне друг к другу с одним и тем же вопросом. И каждому хотелось услышать в ответ: нет, неправда!

Но кто мог с уверенностью сказать, что Александр жив? И все смотрели на Филоту.

— Я не могу этому поверить,— сказал Филота,— но если придется поверить, соберем все наше мужество, чтобы выдержать эту беду. И пока нам не сообщат из Македонии, что тело Александра в Эгах, мы будем держать Кадмею и ждать его.

Он приказал тщательно осмотреть стены крепости — где надо подправить, где починить, где укрепить их. И сам пошел проверить и на месте решить, как лучше подготовить крепость к защите.

Весть о смерти Александра взбудоражила всю Элладу. Демократы, противники македонских царей, ликовали. Они широко разносили эту весть, они кричали об этом на площадях, на народных собраниях, в театрах. Они призывали эллинские города восстать против македонского владычества. Сейчас самая пора избавиться от македонян — Александр убит и войско его погибло!

На эту весть откликнулся и персидский царь Дарий. Раньше, когда афинские демократы просили его помочь в борьбе с македонянами, Дарий писал им:

«Я не дам вам денег, не просите меня, вы все равно ничего не получите!»

А теперь он разослал письма во все эллинские города, призывая их к восстанию и предлагая хорошие деньги. Он сам был заинтересован в том, чтобы прогнать македонян с азиатского берега.

Хорошие деньги! Взять у варвара деньги, позволить исконному врагу подкупить Элладу?

Нет. Эллины на это не пойдут. Они будут презирать самих себя, если примут это позорное золото.

Все государства Эллады отвергли предложение персидского царя. Все, кроме Спарты. Спарта взяла персидские деньги.

И взял персидские деньги Демосфен.

Послы Дария привезли в Афины триста талантов — около 720 тысяч рублей золотом — с условием употребить их в интересах персидского царя. Афинское правительство отвергло их. Но Демосфен взял: он считал, что интересы их одни и те же — погубить ненавистную ему Македонию.

Тем более это легко будет сделать теперь, когда там уже нет царя!

Снова, как в день смерти Филиппа, Демосфен надел празд-

ничные одежды и вышел на Пникс. Он привел с собой какого-то человека с кровавой повязкой на руке.

Толпа на площади собралась немедленно. Что-то будет? Говорят, Александр убит, но правда ли это? Народ теснился поближе к возвышению, на котором стоял Демосфен. Подтвердит ли он эту весть или опровергнет?

Демосфен подтвердил. Да, Александр погиб в бою с трибалами. И все македонское войско погибло в иллирийских горах. Эллада может считать себя свободной от всех договоров и обязательств, которые были заключены с македонским царем Филиппом и которые были подтверждены с Александром. Потому что ни Филиппа, ни Александра больше нет в живых!

— Вот свидетель! — сказал Демосфен и подтолкнул вперед человека с перевязанной рукой. — Он сам был в бою под Пелием, где и получил рану. На его глазах был убит македонянин Александр!

Гул прошел по толпе. И нельзя было понять — верят этому люди или нет, радуются или боятся выразить радость...

— Да, — сказал раненый, — войско тавлантиев окружило македонян. Я сам видел, как слетели белые перья с царского шлема! Своими глазами. Македоняне попали в ловушку. Царь македонский больше не придет в Афины.

Македонская партия в Афинах умолкла. Снова всюду командовал Демосфен и такой же жестокий противник македонян оратор Ликург. Всюду слышались их речи, их распоряжения. Теперь действовать немедленно. Настало время освободиться от македонского ига, и терять этого времени нельзя! Афины больше не признают власти македонян. Но этого мало. Афины должны помочь и другим эллинским государствам освободиться от Македонии. И прежде всего надо помочь Фивам. Этот древний могущественный город, прославленный город Эпаминонда, так тяжко унижен. Там стоит македонский гарнизон. Македонян надо изгнать из Кадмеи!

Афины вооружались. Демосфен распорядился, чтобы оружие было отправлено к фиванским беотархам, которые сейчас взяли власть в свои руки. Это оружие было куплено на персидское золото.

Демосфен хоть сейчас повел бы афинян на помощь Фивам. Но афиняне каждый раз, как только дело доходило до войны, до похода, считали, что торопиться незачем.

История Афин хранит много славных и громких побед, ко-

гда вся Эллада была обязана им спасением от варваров. Но бесплатный, широко распространившийся труд рабов сделал свободных афинских граждан изнеженными, тяготы и лишения военных походов пугали их.

Всю свою жизнь Демосфен горько упрекал афинян в бездеятельности, в медлительности, бранил их, стыдил... И все-таки афиняне сохраняли свой характер. Надо выждать. Посмотреть, как обернутся события. Другое дело, если враг подойдет к афинским стенам, тогда они тотчас возьмутся за оружие! Но пока это в Фивах... Фиванцы и сами справятся. Тем более, что аркадяне идут им на помощь. А македонянам уже не на что надеяться. Вот и элейцы прогнали своих правителей, которые держали сторону Александра. Этоляне тоже волнуются...

Антипатр, видя, что происходит в Элладе, потребовал созвать совет амфикитионов. Представители эллинских городов собрались на Истме в Коринфской области.

Македонские послы сурово напомнили им о заключенных с Македонией договорах.

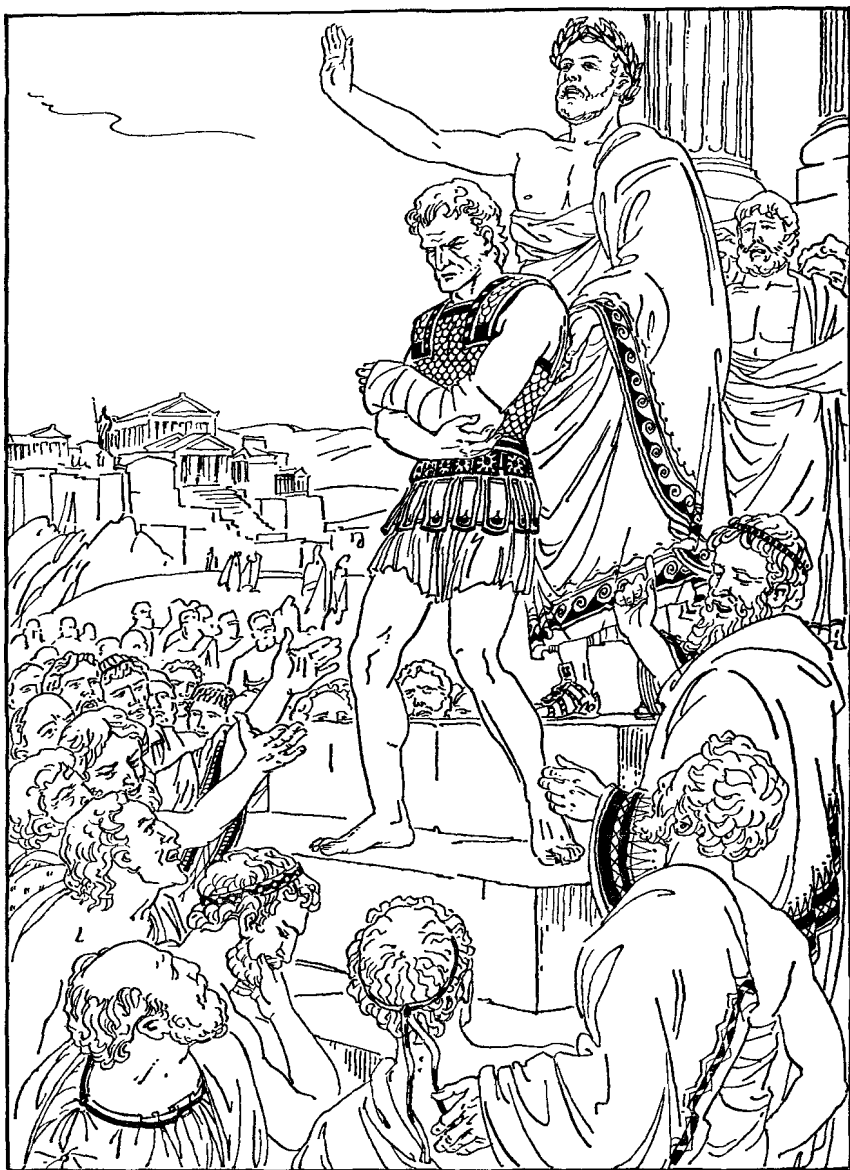
— Каждый город клятвенно обещал не выпускать из своих стен скрывшихся у них политических преступников и не дозволить им вернуться на родину. Афиняне сделали это. Они позволили фиванским беглецам, которые прятались у них, вернуться в Фивы, они снабдили их деньгами и оружием, — разве это не измена? А договоры заключаются для того, чтобы их выполнять. Так вот и выполняйте — усмирите своих мятежников. Вы обязаны это сделать!

Старейшины, прибывшие на собрание, вздыхали. Да, это так. Договоры заключаются для того, чтобы их выполнять.

Но перед их глазами стояли фиванские послы. Они стояли с оливковыми ветвями в руках, обвитыми овечьей и козьей шерстью, и умоляли о помощи.

— Избавьте от позора и тягчайшего унижения наш древний и славный город. Эллада всегда была свободной — вспомните об этом! Вступитесь за святое депо — защитите нашу свободу!

— Что вы будете делать с вашей свободой? — презрительно отвечал Антипатр. — Вы своими раздорами и войнами погубили Элладу, вы истребляете самих себя неустанно, многие годы! У вас даже нет вождя, чтобы выступить в поход против нашего общего врага — перса. А когда наш царь Александр согласился вести объединенное войско против персов,

— Вот свидетель! — сказал Демосфен и подтолкнул вперед человека с перевязанной рукой.

вы принимаете персидские деньги, чтобы воевать с нами. Где у вас совесть?

И все-таки мольбы фиванцев победили. Зачем Антипатр говорит об Александре, если его уже нет на свете? Кто же поведет их в Персию? И кто же спросит с них за нарушенные договоры, если того, с кем эти договоры заключались, нет в живых?

Македоняне уехали с Истма в суровом и яростном молчании. Без вооруженной силы с эллинами невозможно договориться. А от Александра все еще нет вестей.

МАКЕДОНСКОЕ ВОЙСКО ИДЕТ!

Не в силах разрушить стены Кадмеи и расправиться с македонским гарнизоном, фиванцы окружили крепость высоким и плотным палисадом, окопали рвами, чтобы никто не мог прорваться туда и помочь македонянам. Они отрезали всякий доступ в Кадмею, туда уже не могли подвезти ни съестных припасов, ни оружия.

Чего теперь ждать македонянам? Смерти. Они не сдались, не попросили отпустить их на родину. Теперь конец, пусть погибают. Кадмея снова станет фиванской, Фивы обретут свободу, позор Херонеи будет отомщен!

У Антипатра в Македонии еще есть войско. Он, конечно, явится подавить восстание. Но Фивы на этот раз не уступят в битве!

Фиванцы деятельно готовились защищать город. Везли провиант, запасались на случай осады. Везли оружие. Освободили рабов и вооружили их, поставив на защиту городских стен. Вооружили и метеков, усилив ими свое войско. А там подойдут и союзники — афиняне, аркадяне. Конец македонскому владычеству! Эллада снова свободна!

Правители города, вожди демократической партии, которых изгнал когда-то Филипп, торжествовали. Славный город Фивы, древний город Фивы, город великого вождя и героя Эпаминонда, который когда-то даже Спарту поставил на колени,— этот город сбросит македонские цепи. Он снова будет властвовать над всей Беотией. Фиванские беотархи будут вершить фиванские и беотийские дела.

М е т е к и — люди, не имеющие прав гражданства.

В радостном возбуждении вновь избранные правители не знали отдыха в эти дни. Они произносили речи, призывая стоять насмерть за свободу своего города, они готовили войско, осматривали стены, приказывая укреплять их... Им казалось, что над Фивами встает какая-то невиданно светлая заря, занимается новый день радости, свободы, славы!

В этом счастливом тумане они не задумывались и не тревожились сомнениями. Афины обещают помочь, Демосфен прислал им оружие. Все так. Однако афинское ополчение пока что и не думает выйти за пределы афинской земли. Придут аркадяне, они уже вышли в путь. Однако что-то путь их слишком долог и труден, они где-то остановились в горах.

Беотархи фиванские не слышали, как смеется в Афинах Эсхин, извечный сторонник македонской партии.

— Аркадяне ждут денег, Демосфен обещал заплатить им за помощь Фивам. Они ждут задатка. Но Демосфен слишком скуп. Деньги нужны ему самому — хотя бы и персидские!

Фиванские беотархи думали только об одном — освободиться от македонян, отомстить им за свое поражение, поднять Фивы на прежнюю высоту власти и могущества!

И все это теперь возможно, все возможно. Ведь Александра нет в живых! Он уже не приведет в Элладу свои фаланги. А с Антипатром, если он явится, битва будет недолгой! Македоняне забудут дорогу в Беотию!

Так проходили дни, полные горячей деятельности в Фивах. Полные суровой сдержанности и ожидания в Кадмее.

Филота строго следил за дисциплиной своего гарнизона. Но воины и сами понимали, как серьезно и опасно их положение. Жили настороже; жили, неустанно прислушиваясь к тому, что происходит за стенами; жили, не выпуская из рук оружия. Расчетливо экономили провиант — еще неизвестно, когда придет к ним помощь.

— А придет ли помощь? — спрашивали Филоту.

— Придет.

— Ты веришь в это, Филота?

— Я не верю. Я знаю.

И снова и снова поднимался на стену крепости и глядел в широкие дали Беотии — на хлеба, которые уже созрели, на маленькие круглые тока, где молотили хлеб, на окрестные горы, на светлую голубизну реки, на дорогу, идущую от Фермопил... Что там за пыль поднимается над этой дорогой? Не идет ли Александрово войско? Нет, это веют хлеб поселяне,

подбрасывая зерно на воздух. Нет, это туман мерцает и тащится по лугу от реки... Александр ушел так давно, еще в начале мая. Племена в тех краях сильные и свирепые. Филиппа они боялись, но испугаются ли такого юного царя? Справится ли он с ними? Вырвется ли оттуда живым? Или его и вправду уже нет на свете? Так или иначе Филота не сдаст Кадмеи. Не сдаст до конца, если даже придется здесь погибнуть.

Прошло около двух недель с тех пор, как принесли известие о смерти македонского царя, с тех пор, как в Фивах подняли восстание вернувшиеся изгнанники-демократы. Македоняне в Кадмее видели, как с каждым днем становится крепче стена, отгораживающая их от всего мира. Фиванцы, заколачивая колья, кричали им что-то бранное, насмехались над ними. Македоняне отвечали им тем же. Те — с откровенным весельем победителей, эти — с яростью и угрозой побежденных, но не сдавшихся.

И вот, когда была на исходе вторая неделя фиванского торжества, в Фивы явились испуганные гонцы с беотийских границ.

— Идет македонское войско!

Встревоженный народ проводил гонцов к правителям города. Бледные, еле переводя дух, гонцы повторили:

— Македонское войско идет форсированным маршем. Уже прошло через Фермопилы. Подходит к Копайдскому озеру!

Правители, стараясь сохранять спокойствие, переглянулись между собой, как бы спрашивая друг у друга — что это значит?

— Это Антипатр идет! — сказал один из беотархов. — Неужели мы испугаемся Антипатра? Не такой уж он грозный полководец, да и войска у него немного. А наши македоняне крепко заперты в Кадмее, они ему не помогут!

Правители успокоили народ. Приказали вооружиться. Если Антипатр подойдет к Фивам, дадут сражение.

Но вскоре явились другие гонцы, еще более встревоженные, еще более испуганные.

— Граждане фиванские! На нас идет сам Александр!

И снова правители принялись убеждать фиванцев:

— Как может оказаться здесь Александр, если он убит в Иллирии? Ведь люди видели своими глазами, как под Пелием погибло вместе с ним все его войско!

— Но мы слышали, что вождя называют Александром! — уверяли гонцы. — Они уже вступили в Галиартскую область.

В селениях, где они брали провиант, люди слышали это имя — Александр!

— Ну так, значит, это Александр-Линкестиец, сын Аэропа. А уж с ними-то мы договоримся. Линкестийцы никогда не стремились поработить Элладу. И вы сами подумайте, граждане фиванские, если бы Александр, сын Филиппа, был жив, то смог ли бы он от Пелиона дойти сюда за тринадцать дней? Не на крыльях же они летят, они люди, а не боги. Не поддавайтесь пустым страхам — убитые не встают, а невозможное остается невозможным!

Фивы снова успокоились. Люди принялись за свои обычные дела. Да и правда — как мог бы Александр за тринадцать дней явиться из-под Пелиона в Беотию? Пустые слухи, пустые страхи!

А на другой день Александр, которого фиванцы так охотно и так надежно похоронили, уже стоял со своим войском в Онхесте, почти под стенами Фив.

Невозможное оказалось возможным. Александр пришел.

СУДЬБА ФИВ

Александр, как только узнал о событиях в Фивах, прямо из-под Пелиона повернул войско в Беотию.

— Они обманули меня! — сказал он, взбешенный вероломством фиванцев. — И они за это жестоко поплатятся. Я заставлю их горько пожалеть о том, что они сделали!

Войско шло почти без отдыха. Александр шагал вместе с пехотинцами своим резким, стремительным шагом, показывая пример выносливости и неутомимости. Широкоплечий, коренастый, он не уступал старым воинам, закаленным в трудных походах. И там, где даже они сдавали, он все еще шагал и шагал.

Они шли по суровым землям, по бесплодным, иссохшим степям, поднимая пыль, от которой задыхались сами. Они переправлялись через реки, карабкались по каменистым склонам горных хребтов, стоящих на пути. Перейдя Кабунские горы, они на седьмой день вступили в Фессалию. А еще через шесть дней оказались по ту сторону Фермопил и по Локрийским холмам вошли в Беотию.

Немного не дойдя до Фив, Александр занял небольшой город Онхест, недалеко от Копайдского озера. Здесь, среди

безлесной Тенарской равнины, войско его остановилось и перешло дыхание.

Эллины не верили своим глазам, увидев Александра. Но это был Александр, сын Филиппа, и это его фаланги стояли под Фивами!

И сразу в Элладе все переменялось. Афинское ополчение, которое Демосфен собрал на помощь Фивам, осталось дома.

Аркадяне уже спустились было со своих гор, направляясь к союзникам. Но имя Александра остановило их на Истме.

Зато в македонское войско отовсюду пошло пополнение. Шли платейцы, которых жестоко угнетали фиванцы, шли феспийцы, шли фокидяне... Все эти народы, когда-то поработанные Фивами, ненавидели Фивы. Услышав о смерти Александра, они пришли в отчаяние. Кроме него, никто не мог укротить безудержную жестокость фиванцев. Впереди было снова рабство и мучительство.

Но Александр пришел!

И теперь не было для фиванцев врагов страшнее, чем эти люди, которых они так долго держали в рабстве, мучили и презирали.

В Фивах готовились принять бой. Македонская партия подняла было голос:

— Надо сдаться. Нам не сохранить города!

Но правители, которые незаконно вернулись в Фивы, нарушив все договоры, и друзья их, которые тайно открыли им ворота, не могли сдать города. Принять бой — еще есть надежда победить. Сдать город — приговорить себя к немедленной смерти.

В Кадмее уже знали, что Александр в Онхесте. В городе были друзья, которые ухитрялись сообщать македонянам обо всех событиях. Услышав, что Александр жив и что он здесь, под Фивами, Филота едва не прослезился:

— Пришел! Клянусь Зевсом, пришел!

И опять стоял на стене, с нетерпением ожидая увидеть идущее к Фивам македонское войско.

Прошел день, полный ожидания. Протекла медленная осенняя ночь. И наутро случилось то, чего так ждали македоняне в Кадмее,— они увидели идущее к Фивам войско. Шла конница. Шли фаланги. Громыхали осадные машины, волоча за собой густую желтую пыль. А впереди на вороном лобастом коне ехал Александр.

— Пришел!

Весь гарнизон кричал от радости, приветствуя своих. Трубили в трубы, чтобы показать Александру, что они живы и что они не сдались.

Александр подвел войско к стенам города и стал лагерем у его северной стороны. Тридцать тысяч пехоты и три тысячи конницы подступило к Фивам — опытные, умелые, закаленные в битвах воины и с ними полководец, не знающий, что такое страх.

— Подождем, — сказал Александр. — Может быть, фиванцы поймут свое безумие и попросят мира. Разбить их мы всегда успеем. Но если они одумаются и сдадут город, мы уйдем отсюда без войны, которая ни им, ни нам не нужна.

Фиванские правители поспешно собрались на совет. Они еще никак не могли опомниться, никак не могли поверить своим глазам, что царь македонский, живой и невредимый, стоит у их стен!

Но хоть и трудно, хоть и непереносимо этому поверить, однако это так. И надо немедленно решать — что теперь делать?

Первым высказался Феникс, старый фиванский демократ, один из тех, кто тайно вернулся сюда из Афин.

— Неужели мы примем на себя такой позор и сдадим македонянину наш город? Разве не достаточно мы сильны, чтобы отстоять свою свободу?

— Вспомни, союзников у нас нет, — возразили ему, — союзники изменили нам.

— Давно ли фиванцы побеждали города и народы без всяких союзников? — горячо вступился Профит, так же тайно, как и Феникс, вернувшийся в Фивы. — Разве союзникам мы обязаны нашими прежними победами?

— Тень Эпаминонда стоит между нами! — воскликнул, подняв руку, Феникс. — Неужели мы предадим его славу? Не стыдно ли нам покориться македонянину, чтобы он затоптал нашу свободу?

— Александр ждет, — попробовали образумить их более дальновидные люди. — Не случится ли так, что Фивы будут разорены по нашей вине?

Но вожди демократов, вершившие в Фивах все дела, и слушать не хотели подобных слов. Верили они, что отстоят Фивы? Или спасали свою жизнь, надеясь победить?

Они были напористы, красноречивы. И совет вынес решение принять бой.

Александр ждал. Гнев уже раскалял его сердце. Ему надо готовить войско к походу в Азию. Впереди столько огромных дел, открытий, завоеваний! А он должен без конца умирять то варваров, то эллинов. На что надеются фиванцы? Неужели они не понимают, какая сила стоит у стен их города?

Александр ждал от фиванцев посольства. Вместо этого ворота города неожиданно открылись, и оттуда вылетело несколько отрядов конницы и легковооруженных пехотинцев. Они бросились к македонскому лагерю и с ходу обстреляли передовые посты. Несколько человек упали, сраженные их дротиками.

Александр приказал отбросить фиванцев. Македоняне выполнили это мгновенно и с такой силой, что те бежали, не оглянувшись.

На другой день Александр передвинул войско к южным воротам, поближе к Кадмее. Он привел фаланги и конницу в боевой порядок, расставил осадные машины...

И все еще ждал, все еще надеялся, что время, которое он дает фиванцам, образумит их. Попробовал начать переговоры.

— Выдайте мне зачинщиков Феникса и Профита, и я прощу вас и забуду о том, что здесь произошло,— обратился он к фиванцам.

— Если хочешь мира,— ответили фиванцы,— выдай нам Антипатра и начальника гарнизона Филоту!

Александр еще терпел, хотя гнев уже затуманивал ему глаза. Он приказал объявить:

— Кто из фиванцев пожелает, тот может явиться ко мне и принять мир, установленный для всей Эллады!

В ответ фиванцы с высокой башни, венчающей городскую стену, прокричали свое объявление:

— Каждый, кто желает с помощью персидского царя и фиванцев освободить эллинов и уничтожить тирана Эллады, пусть приходит к нам!

Если Александр еще владел собой, то у его военачальников и войска терпение кончилось. Первым не выдержал Фердикка. Не дожидаясь приказа, его отряды ринулись на вражеский палисад, которым фиванцы обнесли Кадмею. Они разметали колья, прорвались через рвы и заграждения и напали на фиванскую конницу, стоявшую за частоколом.

Александр, увидев, что его передовые отряды могут быть

отрезаны, дал команду к наступлению. Зловеще протрубили военные трубы. Войско тронулось к стенам города. Фиванцы, стоявшие у стен, приготовились к бою.

Услышав, как заревели македонские трубы, в городе в голос заплакали женщины. Схватив детей, они побежали в храмы под защиту богов. Там они припали к алтарям, умоляя всемогущих спасти их город, их мужей и отцов, их жизнь и свободу!

Противники сошлись, оглушая друг друга воинственным кличем. Непомерная сила надвигалась на фиванцев, но они не собирались отступать, а еще и бранились и кричали — пусть македоняне согласятся, что все-таки они хуже фиванцев!

Сначала метали друг в друга дротики. Потом стали рубиться мечами. Дрались упорно, беспощадно. Раненые и с той и с другой стороны валялись под ноги дерущимся.

— Не предадим детей и родителей рабству! — кричали фиванцы.— Не предадим родину, общий свой дом неистовству македонян!

— Не уроним доблести нашей! — кричали македоняне.— Не уроним славы Македонии!

Александр, видя, что фиванцы не сдаются, а воины его уже утомлены, ввел в сражение свежее войско. Но фиванцы как безумные дрались с еще большей отвагой, с еще большей дерзостью.

И тут Александр двинул на них фалангу. Фаланга шла шаг в шаг, выставив тяжелые копья, закрывшись железной стеной щитов. Фиванцы еще пытались отбиваться. Но фалангиты смешали и опрокинули их. Поняв, что битва безнадежно проиграна, фиванцы в ужасе бросились в город — и пехота и конница. В воротах они сгрудились всей массой, лошади сбивали и топтали копытами пехотинцев, многие погибали тут же... Не помня себя, фиванцы стремились под защиту стен. Но они не успели закрыть за собой ворота, и македоняне вместе с ними ворвались в город.

Македонские воины, взбешенные сопротивлением, гнали фиванцев по улицам, рубили и убивали всех, кто попадался. Они пробились к Кадмею, и освобожденный македонский гарнизон ринулся в нижний город на помощь своим. Македоняне лезли на стены, сбивая защиту, разрушали дома, врывались в храмы...

Белые перья на шлеме Александра мелькали всюду, где

шла самая горячая битва. Он командовал, он ободрял свои войска. Он дрался сам, меч его сверкал, быстрый, как молния, и такой же, как молния, беспощадный.

Фиванцы еще кое-где защищались, но это уже была храбрость отчаяния. Фиванские всадники, потерявшие команду и метавшиеся по городу, увидели незапертые ворота, распахнули их и умчались в поле. Толпы безоружных фиванских горожан с криком бежали по улицам, настигаемые македонянами, и падали под ударами их мечей и копий. Немолчный стон стоял над городом — вопли, рыдания, жалкий плач детей, мольбы о помощи, проклятия ненавистным врагам...

Фалангиты, разгоряченные битвой, не щадили никого — ни воина, который еще защищался, ни женщин, ни детей, заливая их кровью алтари богов. И не так беспощадны были македоняне, как те народы, которые так долго и так тяжело были угнетены Фивами, — платейцы, фокидяне и другие беотийские племена. Со страшной злобой они вымещали на гражданах жестокого города свои неисчислимые страдания.

Когда вечерний сумрак укрыл залитые кровью Фивы, Александр приказал солдатам вложить мечи в ножны. Шесть тысяч убитых фиванцев лежало на улицах города, на его площадях, на ступенях его храмов... Наступила ночь, но в Фивах не было тишины. По улицам бродили огни факелов, страшно выли собаки. И, не переставая, кричали и плакали женщины.

Наутро, едва поднялась над горами Беотии печальная туманная заря, македоняне вышли хоронить своих павших соратников. Они обошли весь город — заглядывали в дома и храмы, поднимали убитых и в торжественном молчании несли их на щитах к могилам.

Александр сам следил за тем, чтобы похоронные обряды строго соблюдались, чтобы отданы были все воинские почести павшим в бою. Пусть живые видят, что, если их тоже настигнет смерть на поле боя, об их душах позаботятся и не дадут им скитаться без пристанища.

Были принесены обильные жертвы богам. Не жалели благовоний. Царь и сам положил в огонь алтаря несколько драгоценных зерен ладана, привезенного из далеких стран.

После этого Александр созвал своих военачальников и эте-ров.

— Что будем делать с Фивами?

—Разорить! — сразу закричали платейцы и орхоменцы¹, которые были в войсках Александра.— Чтобы их не было на земле!

—Как ты решишь, царь, так и будет,— сказал Филота,— но я напомним тебе, что в договоре есть пункт: за измену союзу — смерть.

Александр должен наказать фиванцев. Не наказать их нельзя. Если он простит сейчас Фивы, то же самое начнется в Афинах.

Александр знал, что Афины всегда готовы восстать против него. А там загремит оружием и Спарта — не зря же спартанцы взяли у перса деньги. И тогда опять междоусобная война. И тогда опять на неизвестное время отдалится его поход в Азию.

Но Александр не хотел решать судьбу Фив. Ведь он намеревался только овладеть стенами города и принудить его к сдаче. А вместо этого он уничтожил почти весь фиванский народ.

—Я отказываюсь выносить решение,— сказал Александр.— Здесь собрались военачальники многих народов. Среди вас есть и члены Коринфского съезда, на котором был провозглашен всеобщий мир. Я предоставляю вам судить Фивы и решить их судьбу. Как решит этот суд, так и будет.

Начался суд.

Судили фиванцев в большинстве платейцы, орхоменцы, фокидяне, феспийцы² — народы, покоренные Фивами. И все говорили только одно: Фивам прощения нет.

Вот тут и припомнили фиванцам все злодеяния, творимые ими в течение многих лет. Припомнили и о том, как они незаконно взяли Платеи во время перемирия и поработили платейцев. И о том, как они убили всех, кто сдался в плен. И о том, как хотели они погубить Афины, когда Спарта со своими союзниками собиралась поработить афинян. О разрушенных и разграбленных беотийских городах, о невыносимом гнете и мучительствах, о загубленных детях, проданных в рабство в чужие земли,— обо всем теперь вспомнили судьи, судившие своих поработителей.

Кто выступит теперь здесь, на суде, и защитит Фивы? Кто

¹ Платея — город в Беотии; город Орхомен и Орхоменская область в Беотии, захваченные Фивами.

² Феспийцы — жители города Феспия в Беотии.

скажет, что этого не было? Кто скажет, что все это можно простить и забыть?

Тут же вынесли и постановление.

Город Фивы сровнять с землей. Оставить храм Геракла и сохранить его участок земли. Остальную землю, на которой стоят сейчас Фивы, разделить между союзниками Александра.

Всех фиванцев, оставшихся в живых, с их женами и детьми продать в рабство. Оставить свободу лишь жрецам и жрицам и тем людям, которые связаны узами гостеприимства с македонянами.

Восстановить разрушенные Фивами Орхомен и Платеи и обвести их стенами.

Бежавших фиванцев задерживать всюду, в Элладе ни одному эллину не принимать фиванца.

— Только прошу, не разрушайте дом Пиндара,— сказал Александр,— и не трогайте его родных. Это был великий поэт!..

Судьи записали его просьбу.

Постановление было принято единогласно и безоговорочно.

И тогда началось великое разорение древнего города.

Всех фиванцев, оставшихся в живых, вывели в лагерь. Они шли длинной вереницей, сопровождаемые вооруженными отрядами. Шли молча, с поникшими головами, потерявшие все — родину, свободу, честь. Шли старики, еле передвигавшие ноги. Шли раненые воины, потерявшие оружие. Шли девушки, помертвевшие от страха. Шли женщины с детьми на руках. Шли дети, цепляясь за одежды своих матерей. Шли гордо, угрюмо. Лишь изредка, переступая в последний раз высокий порог родных ворот, какая-нибудь женщина вскрикивала, не в силах сдержать рыдания. Но пощады и прощения не просил никто.

Александр смотрел, как шли пленные. Они будто не видели царя. В его власти было защитить их. Но они знали, что македонянин их защищать не будет.

Лишь один пленный фиванец, седой Клеад, вдруг остановился перед царем:

— Дозволь мне обратиться к тебе!

— Говори.

— Царь! Фиванцы не так виноваты перед тобой, как наказаны. Фиванцы отложились не от тебя — Нам сказали, что ты

¹ Узы гостеприимства — люди, связанные узами гостеприимства, обязаны принимать и защищать друг друга, даже если их государства враждуют между собой.

Груды камня и разбитого кирпича лежали перед ним, и всюду сояла страшная, глухая тишина.

убит,— а от твоих наследников. Виноваты они в легковерии, а не в измене. За эту вину, однако, они уже понесли наказание — их молодежь истреблена. Теперь остались лишь толпы стариков и женщин, бессильных и безвредных, которые к тому же перенесли столько насилий и оскорблений, что никогда не приходилось им терпеть ничего более горького. И я, Клеад, прошу теперь уже не за граждан, которых осталось так мало, а за невинную родную землю и за город, который порождал не только мужей, но и богов!

Увидев, что Александр нахмурился, Клеад продолжал с еще большей горячностью:

— А лично тебя, царь, я, Клеад, заклинаю — вспомни о твоих религиозных связях с Фивами. Ведь в Фивах рожден Геракл, от которого ведет начало твой род закидов. В Фивах же провел свое детство твой отец Филипп! Поэтому я, Клеад, прошу тебя, царь, пощади город, который некоторых твоих предков почитает, как богов, а других, воспитанных здесь, видел великими царями!

Больше ему не дали говорить. Военачальники, осудившие город, приказали отогнать Клеада. И он пошел, тяжело вздохнув, вслед за своими фиванцами, обреченными на рабство.

С Фивами поступили так, как решили судьи. К стенам подвели тараны, их гулкие равномерные удары слышны были далеко. Их слышали и пленные фиванцы,— эти удары били их прямо по сердцу. С грохотом рушились древние стены, красная и желтая пыль стояла над городом. Победители разваливали дома, грабили имущество богатых горожан, нагружали телеги всяким добром и вывозили в лагерь.

Не так много понадобилось времени войску, чтобы разрушить город и сровнять его с землей. Александр пришел взглянуть на его развалины. Груды камня и разбитого кирпича лежали перед ним. И всюду стояла страшная, глухая тишина.

Где же они теперь, те, которые кричали вчера, что отомстят за позор Херонеи? Где они, которые, обещая сохранить свободу Фивам, привели город к гибели?

Александра понемногу охватывала тоска. Удар его оказался слишком сильным. Ведь даже отец так не поступил бы. Отец мог бы уничтожить Афины, но не сделал этого...

Александр в раздумье снял шлем, отвел рукой волосы со своего невысокого влажного лба.

И вдруг вспомнил.

— А храм Диониса?..— обратился он к этерам, сопровождавшим его.— Разорили?

— О храме Диониса не было ничего сказано,— ответили ему.— Храм Геракла сохранен. Но Диониса?..

Александр побледнел. Как же он мог забыть, что и Дионис рожден в этом городе!

Мгновенно встала перед глазами веселая комната в македонском дворце в Пелле, где на полу, словно ковер, лежит мозаика из речной гальки. Большой темный квадрат, а на нем, как солнечное видение, светлокудрый веселый бог Дионис мчится на пятнистой пантере.

Александр знает в лицо Диониса с самых ранних лет детства, он приходил к этому богу, говорил с ним, Дионис был ему другом.

И вот теперь он разрушил его храм! Жрецы говорят, что боги мстительны, даже такие веселые, как Дионис...

— Он не простит мне,— прошептал Александр с тяжелым предчувствием отдаленных, но неизбежных бед.

«ЗЕВС СОРВАЛ МЕСЯЦ С НЕБА!»

Стон прошел по Элладе:

— Фивы пали!

И страх, как ледяной ветер, полетел по эллинской земле. Элейцы выгнали было из своей страны сторонников Македонии. Но сейчас они поспешили вернуть их обратно.

Аркадяне немедленно отозвали с Истма свои войска, шедшие на помощь Фивам. И тут же казнили своих правителей, которые послали эти войска.

Этоляне и другие племена уже шли к Александру на поклон, с покорной головой, с мольбой о прощении за то, что они поверили в его смерть, за то, что не остались верны ему. Александр прощал их и отпускал: эти народы не тревожили его. Он ждал, что скажут Афины.

Было начало сентября. Созрел виноград, заиграло в кратерах веселое вино. Собрали урожай маслин — главное богатство скудной земли. Обмолотили хлеб.

Жестокая летняя жара, иссушающая тело, уже прошла; успокоенное солнце светило с ласковой щедростью, не обжигая, не изнуряя. Высокая гора над Афинами приняла легкие воздушные очертания, зелень виноградников смягчилась жел-

тизной и пурпуром. И отовсюду из-за холмов в город заглядывало яркое лилово-синее море.

В Афинах еще ничего не знали. Там справляли великие мистерии. Все были заняты служением богам, процессиями, жертвоприношениями...

И вдруг в этот торжественный, праздничный мир ворвались обезумевшие, в растерзанных одеждах люди, бежавшие из разгромленных Фив. Они явились прямо из пекла кровавой битвы в ужасе и отчаянии.

— Фивы пали! Александр разрушил Фивы! Нашего народа больше нет!

Ни для каких дел, ни для каких событий афиняне не оставляли своих мистерий. Даже войну, если она приходилась на этот месяц, они прерывали ради праздника, заключая перемирие.

Но весть о внезапном падении могущественного города сбивала и смешала священный ритуал. Шествие распалось. Народ в смятии толпился на улицах. Кричали, спорили.

— Александр явился из Иллирии!

— Александр в двух переходах от Афин!

— Что будем делать? Что думают наши правители?

— Ведь было же решено послать помощь в Фивы. Почему же не послали?

— Ведь и флот был снаряжен, но он остался в Пирее!

— Что вы кричите? Когда было посылать флот, если наступило время великих мистерий? Неужели гнев людей страшнее гнева богов?

— Боги могут пощадить. Но македонянин пощады не знает! Что будет с нами?

Правители открыли Народное собрание.

Демосфен, мрачный, расстроенный, ошеломленный, стоял в стороне, ни на кого не глядя. Тонкие длинные губы были крепко сжаты, рот совсем исчез под густыми седеющими усами. На лбу залегли резкие морщины. Александр?.. Как случилось, что он остался живым и так внезапно появился в Фивах? Совсем недавно Демосфен выступал перед собранием в праздничных одеждах и с ликованием уверял афинян, что Александр погиб, и войско его погибло, и что им больше некого бояться. Как обманули его эти подлые трусы, бежавшие из-под Пелия! И как легко он, Демосфен, поверил им! Что ж, человеку свойственно верить тому, чему хочется верить.

И вот теперь он, прославленный оратор Демосфен, стоит

в стороне и молчит, не поднимая взгляда. А на возвышение всходит Демад, красиво причесанный, богато одетый, благоухающий дорогими духами.

—Граждане афинские! Я всегда говорил, что враждовать с македонскими царями нам не следует. Беда грозит нам лишь по милости неразумных людей, которые из-за личной вражды и ненависти поставили под удар Афины. Теперь надо исправлять их тяжелые ошибки, которые могут обернуться для нашего народа гибелью так же, как это случилось в Фивах. Надо немедленно отправить к Александру посольство, и не кого-нибудь послать, а людей, ему знакомых и приятных. Надо поздравить царя со счастливым возвращением из земли трибаллов и с иллирийской войны, а также с успешным и справедливым наказанием восставших Фив.

На площади поднялся шум, раздался негодующий голос — поздравлять македонянина с успешным разорением эллинского города? И называть это справедливым наказанием?..

Демад повысил голос и продолжал так же твердо и уверенно:

—Да, со справедливым наказанием восставших Фив! Не забывайте, граждане афинские, что мы тоже виноваты перед ним: мы выпустили из Афин фиванцев, которые прятались у нас, а они подняли в Фивах восстание и тем нарушили договор. Не будем же навлекать на себя то, что навлекли Фивы. Так вот, пусть наши послы постараются исправить и эту тяжелую для нас ошибку,— Демад взглянул в сторону Демосфена,— пусть они попросят у царя разрешения принять фиванских беглецов. Пусть он разрешит нам дать им приют!

Трудно, унижительно все это было для афинян. Поздравлять царя с победой над Фивами, просить разрешения... Но грозные македонские фаланги стоят от них всего в двух переходах. Пусть сохраняют боги афинян от того, чтобы увидеть под своими стенами два белых пера на шлеме полководца!

К Александру отправилось посольство — десять человек из македонской партии. Они поздравили царя и с благополучным возвращением, и со справедливым наказанием Фив. Александр принял их со всей любезностью хорошего эллинского воспитания.

Но народу афинскому послал с ними письмо. Царь потребовал выдачи своих врагов — Демосфена, Ликурга и всех их сторонников. Потребовал также выдачи военачальника наемных войск Харидема, который всегда был свирепым противни-

ком македонских царей, положивших конец его разбойничьим набегам. И Эфиальта — этот человек недавно ездил послом к персидскому царю в Сузы. Потребовал выдачи Гиперида, Полиевкта, Харета, Диотима, Мироклея — военачальников и политических деятелей, всегда бывших противниками его отца Филиппа и его самого.

— Эти люди,— заявил Александр,— являются не только причиной понесенного Афинами при Херонее поражения, но и всех тех несправедливостей, которые после смерти Филиппа были допущены против его памяти и против законного наследника македонского престола. В падении Фив они виновны не менее, чем организаторы восстания в самих Фивах. Те из фивян, которые теперь нашли убежище в Афинах, тоже должны быть выданы.

Афиняне скоро вернулись. Письмо, которое они привезли, было прочитано на Народном собрании.

Еще более ожесточенные споры и шум поднялись на собрании после этого письма. Те, чьи имена были названы в письме, отчаянно защищали свою жизнь. Демосфен, зная, что ждет его в плену у Александра, заклинал не выдавать их, «своих сторожевых собак, волку».

Народ волновался. Не знали, на что решиться. Не знали, кого слушать.

И тогда опять вспомнили про Фокиона Честного, старого афинского полководца и оратора, которому доверяли и который ни разу не обманул их доверия.

— Пусть скажет Фокион!

— Хотим слышать Фокиона!

Фокион поднялся на возвышение, как всегда очень скромно одетый, как всегда пряча под плащом руки,— он считал непристойным ходить по городу с открытым плечом, как тогда было принято.

Фокион был печален. Он едва мог говорить — так он был подавлен всем случившимся.

— Граждане афинские! Какою бы то ни было ценою надо купить прощение царя и не прибавлять неблагоприятным сопротивлением к несчастью Фив еще и погибель Афин. Те люди, которых требует Александр, должны теперь показать, что они из любви к отечеству готовы принести величайшие жертвы.

Фокион подозвал к себе одного из своих лучших и самых любимых друзей Никокла и поставил рядом с собой.

— До такой крайности довели глупцы и негодяи наш город,

что, если кто потребует даже его, Никокла, я посоветую выдать, ибо и сам я счел бы для себя счастьем, если бы мог умереть ради вас всех. Жаль мне, правда, граждане афинские, и фиванцев, укрывшихся у нас, но достаточно и тех слез, которые эллины проливают по Фивам. Поэтому лучше не вступать с победителями в борьбу, но смягчить их гнев и вымолить у них пощаду и себе и беглецам.

На площади стояло напряженное молчание. Ждали, что скажут те, кого требует Александр.

Но среди этих людей не нашлось ни одного, который бы согласился с Фокионом. Наоборот, Демосфен выступил с пламенной речью, доказывая, что нельзя выдавать на смерть их, людей, столько сделавших для Афин, людей, которые всю жизнь служили Афинам, что это будет величайшей несправедливостью и позором!..

Демосфен говорил долго, и сила его ораторского таланта была так велика, что народ принял его сторону.

Но что же делать дальше? Что отвечать Александру?

— Пусть пойдет к нему Демад, царь любит Демада. И пусть он попросит, чтобы царь предоставил афинскому народу самому судить виноватых!

— Нет, Демад не пойдет с такой речью к царю. Пусть отправляются те, кого он требует,— Демад насмешливо поглядел на Демосфена,— тем более что Демосфен красноречивее меня. Вот пусть он и уговорит Александра. К тому же Демосфен никогда к этому «мальчишке» не относился серьезно!

Но правители решили, что идти к Александру нужно все-таки Демаду. Только вот как уговорить Демада?

— Дать ему денег,— мрачно сказал Демосфен.

Все знали, что у Демосфена лежат персидские деньги. Демад от денег никогда не отказывался, кто бы ни платил. За пять талантов он согласился возглавить второе посольство к Александру.

Однако из этого ничего не вышло. Александр прочел постановление афинского Народного собрания, в гневе швырнул его под ноги Демаду и, круто повернувшись, ушел прочь. Он ушел так быстро, что Демад не успел ничего сказать ему.

Обескураженное посольство ни с чем вернулось обратно. Народ снова обратился к Фокиону:

— Царь примет тебя, Фокион! Твоя высокая слава известна всем. Он выслушает тебя.

И еще раз послы отправились из Афин в лагерь македонского царя.

На этот раз надежды афинян были не напрасны. Александр много хорошего слышал о Фокионе, о его уме, о его честности, неподкупности. Царь Филипп тоже знал и уважал его.

Речи Фокиона были убедительны, Александр на все согласился. Лишь разбойника Харидема он оставить в Афинах не мог. Ни Харидема, ни Эфиальта.

Фокион сказал, что это справедливо. Ни Харидема, ни Эфиальта в Афинах оставлять нельзя.

Когда с просьбой афинян было улажено, Фокион обратился к царю:

— Позволь мне, царь, дать тебе несколько советов.

Александр ответил, что охотно выслушает его.

— Если ты действительно хочешь мира, положи конец войне,— сказал Фокион.— Но если ты стремишься к славе, уведи войну из пределов эллинской земли и взвали ее на плечи варварам!

У Александра просветлело лицо.

— Но я сам хочу этого же, Фокион! Если бы не трибаллы и не иллирийцы, если бы не безумие фиванцев, если бы афиняне не поднимали против меня народа, я бы уже давно, клянусь Зевсом, был за Геллеспонтом¹.

Они долго, как два давних друга, беседовали о разных делах. Фокион прожил большую жизнь, многое знал и помнил, во многих походах бывал, давно участвовал в делах Народного собрания и немало влиял на судьбу тех или иных решений, на судьбу своего города...

И так пришелся по душе Александру этот человек, что он заключил с ним союз дружбы и гостеприимства.

Перед тем как расстаться, Александр сказал Фокиону:

— Теперь, когда все успокоилось, я пойду в Азию. Передай афинянам, чтобы они внимательно следили за событиями моего похода. И если со мной что-либо случится, главенство над Элладой я завещаю Афинам.

Александр, проводив Фокиона, еще долго думал и передумывал все, что говорил ему старый стратег. Во всех его речах была одна главная, направляющая мысль — защитить перед царем Афины. Но Александр и сам не собирался враж-

¹ Геллеспонт — Дарданеллы.

довать с этим городом. Хватит и тех развалин, что лежат позади...

— Он так долго был стратегом и правителем,— сказал Гестиион Александру,— а так бедно одет. И, говорят, живет очень бедно.

Александр окинул быстрым взглядом богатые доспехи своего друга. Все горело и блистало на нем, он был красив, как бог Дионис.

— Он будет богат! — ответил Александр.

И тотчас распорядился послать Фокиону сто талантов.

Фокион очень удивился, когда перед его небольшим незатейливым домом, украшенным лишь полосой медной обшивки, остановились посланцы македонского царя. Жена Фокиона в это время месила тесто, а сам стратег, достав из колодца воды, мыл во дворе ноги.

Фокион еще больше удивился, когда узнал, что ему привезли огромное богатство.

— Почему среди такого множества афинян царь лишь меня одного одаряет столь щедро?

— Потому что тебя одного он считает достойным!

— Пусть же он не лишает меня возможности оставаться таким и впредь,— ответил Фокион,— и в чужих глазах, и по существу.

Так и пришлось увезти эти деньги обратно.

Услышав, что посольство Фокиона кончилось успешно, афиняне утихли, успокоились. Но успокоение это было зыбким и непрочным.

— Фивы погибли! — сказал один афинский оратор.— Зевс сорвал месяц с неба Эллады. Еще светит солнце Эллады — Афины. Но после того, что случилось, кто может предсказать грядущее?

НАКОНЕЦ В МАКЕДОНИИ...

Заклучив мир с Афинами, простив им все, Александр вместе с войском вернулся в Македонию.

Он простил афинянам даже то, что они, нарушив его запрет, приняли к себе бежавших от него фиванцев. Он и сам видел, что поступил с Фивами слишком жестоко.

Условие Александра об изгнании Харидема афиняне выполнили. Харидем отправился в Азию к персидскому царю и поступил к нему на службу.

Вслед за Харидемом уехали Эфиальт и Фрасибул. Они понимали, что оставаться здесь невозможно. Уехал и Хорес, начальник наемных войск, который всегда был противником македонянина. Он отправился в свои владения на Геллеспонте...

Вот и Македония. Родные горы в осеннем убранстве. Знакомый с детства тихий шум Лудия. Озеро со свайными постройками, с их неподвижным отражением в чистой воде... Окруженная рощами тихая Миэза.

Букефал охотно и стремительно шагал по давно знакомой дороге, он понимал, что идет домой, на отдых.

Вот и Пелла, большой город в широкой долине, среди лесистых гор. Ворота открыты, жители города встречают своего царя, своих военачальников, своих воинов. Крики приветствия, венки, радостные слезы — целый год их не было дома, целый год ждали их матери, жены, дети!..

Олимпиада встретила сына во внутреннем дворике, устланном речной галькой. Мать и сын поздоровались сдержанно, но оба были счастливы, что видят друг друга.

В доме уже готовился пир, грелась вода для царской ванны. Слуги несли царю чистые одежды. Сняв доспехи, Александр глубоко, облегченно вздохнул — хорошо дома! Ах, хорошо дома!

Он шел из зала в зал. Мать сопровождала его. Она что-то говорила, что-то рассказывала, на кого-то жаловалась, кому-то грозила... Александру не хотелось сейчас слышать ни о чем, требующем жестких решений. Он хотел отдыха. Очень недолго, но спокойного... Он шел по комнатам, оглядываясь на знакомые с детства росписи на стенах. Вот его любимая фреска — большие синие птицы, летящие куда-то. Когда он был маленьким, то часто смотрел на этих птиц и думал — всегда ли они сидят на стене? Или они иногда летают по комнате?

На пороге одного из залов он остановился. Перед ним на полу, на темном квадрате, скакал на пантере светлокудрявый бог Дионис. Его нежное лицо, как всегда, было улыбочиво и беспечно.

Александр повернул назад.

— А ведь ты любил этот зал! — сказала Олимпиада. — Разве ты забыл, Александр? Ты так любил этого бога!

— Я не знаю, любит ли он меня теперь, — невнятно ответил Александр.

Но пусть отойдет прошлое, пусть воспоминания не мешают ему. Царю Александру Македонскому пора думать о великом

походе в Азию, о великой войне с персидским царем. Царю Александру Македонскому доверено высшее командование всем объединенным войском. Это войско теперь надо готовить.

Александр сделал все по обычаю македонских царей. Принес жертву Зевсу Олимпийскому так же, как приносил эту жертву царь Филипп, установленную еще царем Архелаем.

В старом городе Эгах Александр, по древним установлениям эллинов, устроил олимпийские состязания и состязания в честь девяти муз. Празднество муз длилось девять дней, и каждый день был назван именем той музыки, которой был посвящен: Каллиопы — музыки эпической поэзии, Мельпомены — трагедии, Талии — комедии, Терпсихоры — танца, Эвтерпы — лирики, Эрато — музы любовной песни, Полигимнии — музы священных гимнов, Клио — истории, Урании — астрономии...

Царь пировал в большом шатре, где было поставлено для гостей сто богатых лож. Гости его — друзья, военачальники, послы из разных городов и от разных народов, присланные поздравить его с победами, — возлежали за обильно накрытыми столами. Музыка, пение, танцы украшали их пир.

Пировало и войско. Царь приказал раздать воинам жертвенное мясо, которого было огромное количество. Позаботился и о том, чтобы им всем вдосталь хватило веселого виноградного вина.

Ели, пили, пели. И без конца вспоминали о том, что пришлось им повидать за этот год. И о том, как чуть не погибли под Пелием, но их молодой царь сумел и войско спасти, и врага разбить. А как грохотали телеги по их щитам, когда они все превратились в большую черепаху! А как переправились через Истр и явились к неприятелю, когда их совсем и не ждали! А как уничтожили Фивы! Теперь в Элладе будут сидеть тихо и носа не высунут!

Вспоминали — и без конца пили за здоровье своего отважного полководца Александра, сына Филиппа, царя македонского!

«Линкестиец Александр сидел среди этеров — близких друзей царя. Царь требовал, чтобы он всегда был рядом — и в походе, и в бою, и на пирах... Стоило Линкестийцу удалиться, как Александр уже искал его глазами, спрашивал, где он, что делает. Вот и сейчас посадил за свой стол между Гефестионом и Неархом. А Линкестиец уже устал быть у него на глазах. Так ли уж любит его Александр? Или все еще боится и подозревает в недобрых замыслах?

Линкестиец Александр глядел на молодого царя, на его розовое от вина лицо, озаренное улыбкой и блеском влажных глаз...

«Один год прошел,— думал Линкестиец,— всего только год царствования. А он уже замучил походами.

Теперь он собирается в Азию, воевать с персидским царем. Безумец! Он погубит себя, погубит нас и погубит Македонию. Страшно... Страшно... Вот теперь и задумаешься — надо ли было убивать Филиппа?»

Линкестиец вздрогнул — лучистые глаза Александра смотрели прямо на него. Он улыбнулся и поднял свою чашу.

В один из этих светлых дней теплой осени, на празднике музыки Каллиопы, Александру сообщили, что статуя фракийца Орфея, сына Эгра, которая стоит в Пифиде, покрылась потом. Как объяснить это чудо? Что оно предвещает? Никто не мог разгадать.

Тогда прорицатель Аристандр, который умел угадывать тайные желания царя, сказал ему:

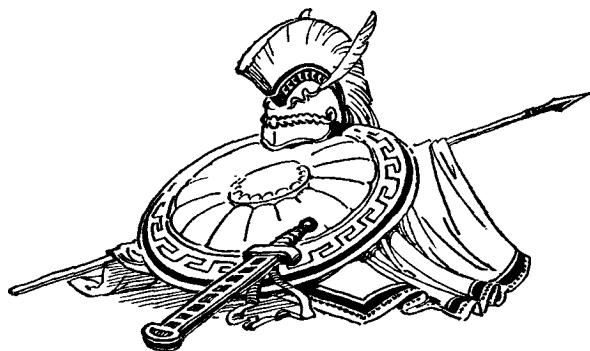
— Дерзай. Знамение это значит, что поэтам эпическим и лирическим предстоит великий труд: создать произведения, в которых будут воспевать Александра и его дела.

Александр принял это толкование. Он поверил ему.

«Дерзай...— задумчиво повторил он про себя.— Дерзай!»

Он поднял голову и распрямил широкие плечи. Праздник шумел кругом, а перед глазами молодого полководца уже распахнулись широкие дали неведомых земель, куда он пойдет за своей необъятной славой бесчисленных сражений и на весь мир гремящих побед.

Конец первой книги

ОГЛАВЛЕНИЕ

Откуда начался род македонских царей	3
Счастливей день Филиппа	6
Филипп и Олимпиада	11
Кто такой Демосфен	18
Александр уходит в мегарон	24
Первая Олинфская	29
Конец Олинфа	33
Персидские послы	36
Раздоры в Элладe	41
Букефал	45
Аристотель	49
Мизза	54
Как устроен мир	59
«Илиада»	62
Рассказ о Фермопилах	65
Поворот жизни	69
Александрополь	73
Царь Атей	78
Неожиданное поражение	83
Опять провал	87
Битва при Херонее	95
Воля победителя	102
Победитель ищет мира	107
Афины	110
Разлад	119
Свадьба	122
Примирение	129
Послы в Эпире	133
Удар кинжалом	135
Олимпиада	145
Александр, царь македонский	151
Заботы	161
Снова препятствия	171
Трибаллы	177

Остров на Истре	182
Послы	189
Западня	192
Слухи из Иллирии	201
Македонское войско идет!	210
Судьба Фив	213
«Зевс сорвал месяц с неба!»	223
Наконец в Македонии	229

Для старшего школьного возраста

Воронкова Любовь Федоровна

СЫН ЗЕВСА

Роман

Ответственный редактор *С. М. Пономарева*

Художественный редактор *Н. И. Комарова*

Технический редактор *С. Г. Маркович*

Корректоры *Л. И. Дмитриук* и *К. И. Каревская*

Сдано в набор 15/IV 1971 г. Подписано к печати 18/VIII 1971 г.
Формат 60×84 1/16. Печ. л. 15. Усл. печ. л. 14. (Уч.-изд. л.
13,07). Тираж 75 000 экз. А09370. ТП 1971 № 461. Цена 58 коп.
на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская ли-
тература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.

Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга»
№ 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ 2253

МАКЕДОНИЈА

ЕПАРХИЈА

ОЛИМП

КОРИНТ

СТАРТА

ВНУТРЕННЕ СРЕДИЗЕМНО

Ольвия

Тантинорин

Истрия

Каматия

Закс

Византий

Перинф

Гераклея

Троя

Сарды

Фес

Милет

Галикарнас

МАКЕДОНИЯ

359-335 г.

до н.э.

Море

Цена 58 коп.